

РАБОТНИЦА

№ 1 • 1977 • Издательство «ПРАВДА»

Р СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ- ГОД ШЕСТИДЕСЯТЫЙ

К. КУПЕЦИО. ЛЕНИНГРАД. СМОЛЬНЫЙ.

ЭСТАФЕТА

Доводилось ли вам бывать в Ленинграде, ходить по Невскому, по улице Росси, по Аничковому мосту, видеть возвышенные и строгие творения из камня, стремительные взлеты мостов, гранитные набережные Невы? Доводилось ли ноябрьским днем постоять на площади Пролетарской диктатуры, где над Смольным в пронзаемой балтийскими ветрами высоте ленинградского неба свободно реет алое полотнище—священный символ Великого Октября?

На свете много городов, но сердце советского человека волнуется и стучит с особой гордостью и силой при свидании с городом, который носит имя Владимира Ильича Ленина!

...Мы приехали в Ленинград ранним ноябрьским утром, когда Московский вокзал еще освещали фонари, а трамваи, автобусы, троллейбусы, метро уже были переполнены людьми. В этот час как-то по-особому осязателен деловой ритм трудового города.

Город над вольной Невой,
Город нашей славы боевой,
Слушай, Ленинград, я тебе пою
Задуманную песню свою...

Мелодия этой известной песни звучала в вагонах нашего поезда на подходе к Ленинграду и вот теперь сопровождает нас, когда мы делаем по городу первые шаги. Но вдруг она обрывается,—при переходе на другую сторону улицы встречавшая нас ленинградка

инструктор горкома партии Лариса Сергеевна Красовская неожиданно говорит: «По той стороне было опасно ходить при артобстрелах!» И в памяти оживает пережитое, выстраданное каждым из нас—пусть лишь по книгам, кинофильмам, рассказам ленинградцев, по документальным фотографиям тех лет—героическая и леденящая душу блокадная зима, встает другой—заснеженный, морозный город... И другие люди—одетые не так, как сейчас, а в телогрейки и валенки, закутанные в платки... Трамваи, на платформах которых горы снарядов... Очереди к прорубям на Неве—за водой... Очереди возле стен—за хлебом... Изможденные женские, детские лица...

Война и сегодня не дает забывать о себе: в те дни, когда трудовой Ленинград готовился вступить в шестидесятый год Советской власти, военные саперы рождения 1957 года, рискуя жизнью, обезвреживали склад боеприпасов—263 снаряда, более 30 лет пролежавшие в земле. И пока они вершили свою опасную работу, молодец и приукрашивался Невский проспект: от Адмиралтейства до площади Восстания заканчивалось обновление фасадов домов. Более ста швейниц Выборгского филиала ленинградского объединения «Маяк», коллективы многих других предприятий города успешно завершили задания первого года десятой пятилетки, а ленинградские градостроители с гордостью сообщали об окончании порученной им важной работы—составления генерального плана реконструкции и строительства Ханоя—столицы

В. Ф. Терещук, секретарь Фрунзенского райкома партии Ленинграда, открывает встречу.

Социалистической Республики Вьетнам. Множеством других замечательных дел отметили ленинградцы те ноябрьские дни, когда на открытках и письмах, летящих во все концы страны, появились красочные почтовые марки из новой серии «Славим делами тебя, Октябрь!».

Празднично украшенный город всегда делает радостными улыбки людей, и мы, корреспонденты «Работницы», особенно пристально вглядывались на улицах в лица ленинградоков—среднего возраста, совсем еще юных, пожилых... Тех, кто рожден на заре нашего века и помнит, как шли на штурм Зимнего отряды Красной гвардии, балтийские моряки. Тех, кто работал под непрерывными бомбежками и артиллерийскими обстрелами в холодных цехах, когда вокруг Ленинграда сомкнулось вражеское кольцо. И тех, у кого впереди еще только восемнадцатая весна...

Со многими из них нам предстояло познакомиться в одном из фабричных клубов города Ленина, где по инициативе Фрунзенского райкома партии и совета содействия Музею Великой Октябрьской социалистической революции на тематический вечер «Быть активным бойцом партии—высокая честь и обязанность» должны были собраться коммунистки нескольких поколений: чей партийный стаж исчисляется с 1916, 1917, 1924, 1930, 1941 годов, и молодые коммунистки—работницы фабрик имени Н. К. Крупской, имени Веры Слуцкой, «Красного треугольника», Ленинградского Металлического завода, швейного производственного объединения «Рассвет» и других предприятий города.

Символично, что собраться решено было в клубе швейного производственного объединения «Большевичка». И потому, что название его так соответствовало теме предстоящей встречи. И потому еще, что в этом славном трудовом коллективе каждая десятая—коммунистка, каждая третья—комсомолка! Только в канун XXV съезда КПСС и после него партийная организация объединения пополнилась сорока пятью передовыми работницами.

На «Большевичке» по праву гордятся молодым контролером коммунисткой Любовью Замазкиной, избранной партийной организацией Ленинграда делегатом XXV съезда партии.

Люба Замазкина... В семье было много детей, а отец вернулся с фронта инвалидом. Было трудно поднять их на ноги, воспитать. Но Родина помогла: каждый получил профессию, вырос коллективистом. В доме у них всегда жила радость; ребята умели, не жалея сил, трудиться для других. Это качество у Любы закрепилось навсегда. «Упорна, как пчела,—говорят о ней в цехе.—Была отличной швеей и теперь, став контролером, в случае необходимости всегда готова заменить любого на самой сложной операции».

Кажется, совсем недавно пришла Любовь Замазкина после окончания школы на «Большевичку». Но время летит: уже пятнадцать лет минуло. Была комсоргом цеха. Сейчас парторг... Она сидела в президиуме на встрече коммунисток—молодая, в ладно сшитом костюмчике и модных туфлях. Улыбалась сидевшим в зале товарищам по работе, чутко вслушивалась в то, о чем говорилось с трибуны.

Выступает Любовь Замазкина.

С такими же, как у Любы, алыми гвоздиками в президиуме и в первом ряду зала—коммунистки, чьи волосы давно побелели, а лица избороздили морщины... Они живая история нашего государства, нашей партии. Они были сандружинницами в дни Октябрьского вооруженного восстания и комиссарами в годы гражданской войны. Боролись с беспризорностью и организовывали ликбезы. Возводили отечественную индустрию и создавали колхозы. Штурмовали на рабфаках науку и одновременно учились быть командирами производства. Они голодали, холодали. Спасали детей, сражались с оружием в руках. Растили сыновей, дочерей. Воспитанные партией коммунистов, они всегда были в первых шеренгах борцов за рабочее дело. И сегодня продолжают оставаться в строю. Они постоянно спешат к молодежи. И, говоря о завоеванном, мечтая о будущем, умеют находить самые нужные, самые важные слова, которые

помогают молодым осознавать свой долг перед народом, учат беззаветной преданности марксистско-ленинским идеалам. Так передается эстафета всепобеждающей революционной страстности.

Об этом, открывая вечер, с волнением говорила секретарь Фрунзенского райкома партии Ленинграда Валентина Федоровна Терещук.

— Неотъемлемое качество коммунистов всех поколений,—сказала она,—всегда быть впереди в самом трудном деле, личным примером вдохновляя других, вести их за собой!

Молодые работницы долгими рукоплесканиями приветствовали старших товарищей, чей жизненный путь отмечен событиями высокого революционного и патриотического накала.

Мы расскажем о некоторых из них.

«ФАБРИЧНАЯ»

Теперь уже редко встретишь человека, которому посчастливилось не только видеть Владимира Ильича Ленина, но и принимать участие в беседе с вождем революции.

Алла Ефимовна Арбузова—в дореволюционное время работница Трубочного завода—одна из этих людей. Ее партийный стаж—шестьдесят лет. Став большевичкой в 1916 году, она сыграла немаловажную роль в революционном воспитании своих товарок—«фабричных», как с презрением называли их буржуазные дамочки, пособницы

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РАБОТНИЦА

Ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный журнал

Основан 8 марта 1914 года

ЯНВАРЬ 1977 ● МОСКВА ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

© Издательство «Правда». «Работница» 1977 г.

демагогической пропаганды, которую вели в тот период среди рабочих эсеры и меньшевики. (Об этом рассказала собравшимся старший преподаватель Ленинградского института текстильной и легкой промышленности, кандидат исторических наук Надежда Денисова Карпецкая, автор монографии «Работницы и Великий Октябрь».)

А. Е. Арбузова, член КПСС с 1916 года.

А. Е. Арбузова—участница Первой Петроградской конференции рабочих, открывшейся 12(25) ноября 1917 года на Выборгской стороне и приветствовавшей завоевания революции.

На конференцию собралось более 500 делегатов, представлявших 80 тысяч тружениц фабрик и заводов. Арбузову и группу делегатов конференция направила в Смольный, к Ленину, чтобы заверить вождя в полной готовности пролетарок поддержать партию большевиков.

«Если рабочие обещают нам поддержку в борьбе за утверждение власти Советов, то никакой враг нам не страшен,—сказал тогда В. И. Ленин.—Прочность революции зависит от того, насколько в ней участвует женщина.—И после недолгой паузы добавил:—Восемьдесят тысяч женщин—это нешуточная боевая сила. Будьте стойкими бойцами революции!».

Став в семнадцатом году активной корреспонденткой журнала «Работница», который вел огромную пропагандистскую и организаторскую работу среди пролетарок, А. Е. Арбузова год за годом сама росла политически, помогала трудящимся женщинам приобщаться к строительству новой жизни.

...В зале становится очень тихо, когда эта теперь уже старая и больная женщина поднимается на трибуну и рассказывает о незабываемых днях семнадцатого года.

— ...Когда мы распрощались с Владимиром Ильичем и вышли из Смольного, то не сразу разошлись,—говорит она.—Глядя, как плещется над зданием красный флаг, каждая из нас думала об одном и том же: будем делать все для того, чтобы флаг этот всегда свободно и гордо развевался над колыбелью революции!

ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

Глядя на нее, подтянутую, строгую, в костюме с белым воротничком, с интеллигентными, тонкими чертами лица, слушающая ее неторопливую и четкую речь, мы пытаемся мысленно перенестись в семнадцатый год... Какой была Елена Александровна Гилярова тогда?

Е. А. Гилярова, член КПСС с 1917 года.

Потом мы увидели ее фотографии тех лет: так же строга, белый воротничок... Тогда, в период корниловского мятежа и в дни подготовки к Октябрьскому вооруженному восстанию, юная большевичка взялась за выполнение ответственной задачи—организацию санитарных отрядов Красной гвардии на Васильевском острове. Учила рабочих перевязывать раны, добывала медикаменты и бинты. С санитарной сумкой и винтовкой оказывалась там, где была всего нужнее. После победы вооруженного восстания, когда на Петроград наступали казаки генерала Краснова, она вместе с другими медсестрами мужественно помогала раненым под Пулковом,—здесь шел кровопролитный бой.

Гилярова осталась жива, но до сих пор, хотя прошло уже почти шестьдесят лет, переживает гибель товарища по партии, любимцы петроградских пролетарок, секретаря Василеостровского райкома партии Веры Слуцкой.

...Елена Александровна внимательно вглядывается в зал. «Где-то там сидят молодые работницы с фабрики имени Слуцкой,—думает она.—Представляют ли они во всей полноте то, что было в дни революции? В дни гражданской войны? В годы Отечественной?..»

Елена Гилярова многое сделала, работая в совете содействия Музею Великой Октябрьской социалистической революции, чтобы молодежь как можно лучше знала о революционной борьбе нашей партии. Вместе с другими составителями Елена Александровна подготовила к печати два издания сборника очерков, документов «Ленинградки». Вместе с другими товарищами по партии она продолжает разыскивать новые документы, фотографии, редактировать воспоминания участников исторических событий.

ВЫДВИЖЕНКА

Если бы Маше Крутиковой, девчонке, работавшей по тринадцать часов в сутки подмастерьем у портнихи и спавшей в прихожей, кто-нибудь вдруг сказал, что настанет время и она будет командовать тысячами мастериц на большой фабрике, она не поверила бы ни за что на свете.

Но это произошло. Бесправную и забитую ученицу портнихи, в глазах которой светились ум и смекалка, быстро заметили на фабрике, куда она пришла работать в восемнадцатом году. Мария начала читать революционные брошюры, ходить на собрания, приобретать классовое чутье и вскоре начала сама помогать «отсталым элементам», как тогда говорили. В том же 1918-м стала она членом партии.

Заседает партбюро фабрики «Красная работница». Четвертая слева—Мария Крутикова (1935 г.).

Прошло десять лет, и партия выдвинула Марию Крутикову на руководящую работу: стала она «красным директором» фабрики «Красная работница».

Трудно приходилось, но план—это была первая пятилетка—фабрика выполнила по всем показателям. Мария Федоровна с гордостью вспоминала об этом в своем выступлении на «Большевичке».

— Мы тогда ведь только еще создавали швейную промышленность,—рассказывала она.—Объединяли разнообразные мелкие частные мастерские. Работали зачастую ножницами да иглой; вся техника—ручная швейная машинка... А теперь на базе бывшей «Красной работницы» и других таких же фабрик создано огромное швейное объединение «Рассвет», оснащенное современной техникой. И руководят теперь вот такими объединениями не «выдвиженки», какими были мы когда-то, а специалисты с высшим образованием и большим опытом организаторской работы. И швеи, портнихи, как это по старинке говорится, теперь совсем иные: большинство со средним, а то и со среднетехническим образованием. Да и задачи им сегодня приходится решать посложнее. «Рассвет» за десятую пятилетку должен выдать изделий на десятки миллионов рублей. И каждая вещь должна понравиться покупателям. Но, мне кажется, эти грандиозные задачи десятой пятилетки потому и по плечу сегодняшним работницам, что старшие поколения рабочего класса заложили в фундамент нынешних побед свои прочные кирпичи.

ДОЧЬ «МАКАРА»

Мы слышали ее речь, обращенную к молодежи, и влюбились в нее. Маленькая. Сухопарая. Седая. Однако не замечаешь ни роста, ни седин. Энергия. Пламя. Даже пожар. И глаза такие, словно видят тебя насквозь. Любит молодых. Верит в них. Страстно жаждет передать им ленинские традиции. И передает. Зримо выскакивают искры в юных сердцах, в умах. И сама загорается. Порой тут же, на трибуне, размышляет вслух.

— Иногда, молодые мои товарищи, я думаю, что нам было легче. А вам трудней. Да, вам трудно. Планы колоссальные, стройка идет величайшая. Напряжение огромное. А ведь борьба за коммунизм—это и борьба за нового человека, человека, преданного коммунистическим

З. Н. Немцова, член КПСС с 1918 года.

идеалам. Вам вести борьбу и с мешанской червоточной, и с себялюбием, и эгоизмом. Сумейте же не на словах, а на деле вести эту борьбу за коммунизм, за счастье наше и всего человечества.

Зинаида Николаевна Немцова пришла на Металлический сорок пять лет назад. Отец ее, Николай Михайлович Немцов, член партии с 1897 года, профессиональный революционер, еще в 1905 году руководил подпольной группой большевиков на Металлическом. И была у него партийная кличка «Макар». После революции 1905 года—сылка, потом партийная работа в Тобольске, в Тюмени (там сейчас есть улицы имени Немцова). А потом опять мятежный «Макар» на Металлическом. В 1917-м он депутат Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов... Его портрет ныне на стенде музея завода.

Музей создан партийным комитетом. Много души отдала созданию его Зинаида Немцова. Носит музей звание народного. Сюда приходит не только молодежь завода—приходят молодые рабочие других предприятий и учащиеся Ленинграда.

...Забегая вперед, необходимо сказать, что на следующий же день мы, конечно, поехали на Металлический. Не поехали, а помчались. И ближе познакомились с дочерью «Макара». И почувствовали боевой дух завода. Сейчас это огромное объединение «Ленинградский Металлический завод». Десятки цехов, оборудованных современной техникой. Тысячи рабочих, инженеров, конструкторов, ученых (среди них 40 процентов женщин!) строят могучие, небывалые турбины. Предприятие передовое, прогрессивное. Им гордится наша страна—повсюду его продукция: на Братской, Красноярской, Усть-Илимской ГЭС. Турбины Металлического идут и на экспорт: в Хельсинки, в Берлин, в Будапешт.

В честь 60-летия Октября турбостроители взялись создать головной образец паровой турбины мощностью в 1 миллион 200 тысяч киловатт! И первую гидравлическую турбину для Саяно-Шушенской ГЭС. Эта гидроэлектростанция дорога ленинградцам, потому что она сооружается на берегах Енисея, вблизи Шушенского, где Ленин провел годы ссылки.

С волнением вошли мы в проходную Металлического. Мы—в народном музее. Дочь «Макара» проводит заседание совета музея. «Подождите, девочки,—дружелюбно кивает она нам,—сейчас мы закончим». Она продолжает заседание. «Так слушайте, ребятки. Вы понимаете, что без комсомола не обойтись? Сашка, ты согласен?» Как сейчас хороша, как молода старая большевичка Зинаида Немцова в своем грубошерстном свитере василькового цвета! А ребятки—знаменитые старики. Сашка—это Александр Алексеевич Коротков. На Металлическом с 1916 года. По профессии маляр. Был красногвардейцем, штурмовал Зимний. Член партии с 1928-го.

Кроме ветеранов, здесь, на заседании, молодая Людмила Конфорович, выпускница исторического факультета Ленинградского университета. Ее привлекла к работе в музее Немцова. И человек среднего поколения Михаил Федорович Ромашов. Сейчас он инвалид по зрению. Михаил Ромашов—гордость Металлического. Он был ток-рем, организатором первой в Ленинграде бригады коммунистического труда.

Заседание закончилось. Нам стали показывать музей. Это целая повесть о прошлом завода, о его революционных традициях, его подвигах в битве с гитлеровцами, о борьбе Металлического за научно-технический прогресс.

— Вот стенд Гончаровой,—снова загорелась Зинаида Николаевна.—Она была у нас на заводе первой женщиной-инженером. Пришла в 1922 году и рассчитала первую паровую турбину в 1924-м.

— Кстати, она потомок писателя Гончарова,—робко вставила Людмила Конфорович.

— Ну, это ладно,—блеснула глазами Зинаида Николаевна.—У нас теперь на Металлическом множество женщин-инженеров, конструкторов, рационализаторов. Вот что такое Советская власть, Людмилушка! Вот что такое Коммунистическая партия!

...Они рассказали нам о многотысячном митинге турбостроителей, который был посвящен октябрьскому Пленуму ЦК КПСС, обсуждавшему важнейшие вопросы развития народного хозяйства Советской страны в нынешней пятилетке. Рассказали о том, какое впечатление произвела речь Леонида Ильича Брежнева на этом пленуме, речь, проникнутая глубокой заботой о повышении благосостояния советских людей, об укреплении мира на земле. На митинге плечом к плечу стояли пожилые и молодые турбостроители. От имени молодых попросила слова работница Ольга Борисова. Она сказала, что тысячи молодых турбостроителей в ответ на зов партии встали на ударную вахту и каждый трудовой день уже приносит новые производственные достижения. Ольга заявила, что молодые одобряют экономическую и

социальную программу, намеченную съездом. И просят передать свое одобрение и привет Леониду Ильичу Брежневу. Такое письмо и было принято на этом митинге. Принято с большим чувством.

ГЕРОИНИ БЛОКАДЫ

Боевые награды на груди этих женщин без слов о многом говорили притихшему залу...

Валентина Окунева работала крутильщицей на фабрике «Равенство». В сорок первом ей было двадцать лет. Вместе с другими молодыми работницами она была мобилизована на оборонные работы: копала траншеи под обстрелом, грузила топливо в железнодорожные вагоны. И каждый день недосчитывалась своих подруг... Она маскировала орудия, рыла противотанковые рвы. Потом стала бойцом МПВО. Девушки-бойцы дежурили на крышах во время налетов фашистских самолетов, обходили дома ленинградцев, помогали ослабевшим, уstraивали осиротевших детей, увозили мертвых на Пискаревское кладбище.

Все 900 дней героической обороны Ленинграда Окунева и ее подруги бдительно несли боевую службу, рискуя своей жизнью. Они знали одно: город должен выстоять! И он выстоял.

Хорошо сказала с трибуны нашей встречи Валентина Окунева: — Хочу, чтобы сегодняшняя молодежь никогда не узнала войны. Радостно сознавать, что благодаря последовательной миролюбивой политике Коммунистической партии и ее ЦК вот уже более 30 лет мы живем под мирным небом. И много, очень много сделал для укрепления мира и безопасности народов Леонид Ильич Брежнев.

...Нина Васильевна Соколова—коммунистка с 1939 года, гидротехник, специалист по морским искусственным сооружениям, инженер-полковник в отставке. Волевая. Целеустремленная. Пытливая. Она заставила себя освоить и специальность тяжелого водолаза, чтобы точнее руководить подводными работами. Война застала Нину Васильевну в одном из отрядов аварийно-спасательной службы Балтийского флота. Этому отряду пришлось восстанавливать в блокированном Ленинграде поврежденные бомбежками подводные силовые кабели. Строить на Ладоге причалы для «Дороги жизни», поднимать ушедшие под лед грузовики, баржи с продовольствием, цистерны с горючим. Свирепое Ладожское озеро стало ей родным.

В 1942 году Нина Соколова предложила проложить по дну Ладожского озера трубопровод для снабжения Ленинградского фронта горючим. Ее вызвали в Смольный. Член Военного совета фронта Андрей Александрович Жданов выслушал ее. Соколовой приказали вылететь в Москву. Советование в Главном управлении Военно-Морского Флота СССР. Советание в тогдашнем Наркомате нефтяной промышленности. Государственным Комитетом Обороны было принято постановление о прокладке трубопровода.

И этот подвиг за полтора месяца совершили тысячи людей—специалисты, солдаты, водолазы. Отряд опытных и бесстрашных водолазов жил в бухте Мария на Ладожском озере. Неделями Соколова ночевала в землянке, спускалась под воду. Первый орден Красной Звезды вручили этой женщине и за ее талантливое предложение и за ее участие в прокладке трубопровода.

Эта женщина удивительной нравственной силы. Была несколько раз ранена, контужена. А вот представьте: сейчас она «морж», член клуба зимнего плавания «Большая Невва». Увлеченно занимается гимнастикой йогов. И продолжает работать. Соколова—инженер по эксплуатации ленинградского кинотеатра «Великан».

Обе—Окунева и Соколова, так же как и сотни других фронтовичек, героини блокады—большие друзья ленинградских школьников, учащихся ПТУ, студентов, помогают городской партийной организации вести работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи. «Мы никогда не распоряжались своей судьбой»,—сказала на вечере одна из старых коммунисток.—Нами командовала партия. Мы были ее бойцами. Остаемся ими и теперь».

Об этом же говорила секретарь парткома производственного швейного объединения «Большевичка» Валентина Владимировна Савельева, по специальности инженер-конструктор швейного производства. На вопрос, любит ли она свою профессию, вздохнув, ответила: «Очень. И с радостью вернулась бы к прежнему делу. Но коммунисты

Н. В. Соколова

Подписание Декларации государств — участников Варшавского Договора товарищем Л. И. Брежневым.

Фото ТАСС

Промчался еще один год. Отстучал чечетку на стыках железной магистрали, прорезающей сибирскую тайгу и болота. Дохнул на нас ароматом свежеепеченного каравая — такого большого, пышного, какого давно не было. Пролетел со своей сменой дней и недель, уступив историческую арену юному, но уже знаменитому собрату — году шестидесятилетия Великого Октября. Удивительны мгновения, когда прошлое смыкается с будущим: между ними лишь стрелка курантов, но вот она уже вновь бежит по бесконечной спирали времен, упругой, как сама динамика вечного обновления.

Каждый из прожитых советских годов неповторим в своей значительности, в своем воздействии на ход мировых событий. И все же год семьдесят шестой был во многом особенным. Двадцать пятый съезд нашей Коммунистической партии, первые рубежи, взятые в десятой пятилетке, добрые перемены на международной арене. Наш народ, все трудовое человечество отметили в декабре семидесятилетия Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева, имя которого, по словам Тодора Живкова, «звучит в мире с той же силой и красотой, с которой звучат слова «мир» и «социализм».

Мир и социализм. Глубок философский смысл этих понятий. Они тесно взаимосвязаны: социализм по своей природе миролюбив, а мир благоприятствует социальному прогрессу. Миллионы людей земного шара отмечают, что именно Леонид Ильич Брежнев мудро направил развитие международных отношений в сторону разрядки и утверждения прочного мира на земле. В нашей стране и за рубежом часто говорят и пишут, что в словах Леонида Ильича бьет ключом оптимизм, уверенность в будущих успехах мира и что искренность сказанного подкрепляется все новыми инициати-

Леонид Ильич Брежнев среди работников Ленинградского фарфорового завода.

доверили руководить партийной организацией. Значит, надо работать. И работать в полную силу».

Анну Александровну Красовскую, текстильщицу по специальности, неожиданно для нее назначили директором швейного предприятия «Большевичка». Сказали: «Ты коммунистка, Анна. Нужно укрепить важный участок. Так что работай. Справишься». И она работает. Справляется.

А. А. Красовская, директор швейного производственного объединения «Большевичка» (слева), и В. В. Савельева, секретарь парткома объединения.

— Быть коммунистом, — говорит Анна Александровна, — значит быть всегда самому впереди и других за собой вести. Вступил ты в партию — и мера личной ответственности за дело, которое ты делаешь, возросла неизмеримо. Партия доверяет коммунисту, приобщая его к новым, широким масштабам забот и дел, но и строго спрашивает с него. Коммунисты всегда и за все в ответе. Так было. Так есть. И так будет всегда.

Девиз нашего коллектива в десятой пятилетке: «Сделано на «Большевичке» — сделано отлично!» Во всех филиалах идет сегодня соревнование сквозных бригад высокой эффективности труда, все больше изделий выпускают работницы со знаком качества. Комсомольцы и коммунисты объединения выступили инициаторами соревнования «60-летию Великого Октября — шестьдесят ударных недель!».

— Дорогие ветераны! На вашем пути было много трудностей, но вы их преодолели, — сказала Любовь Замазкина, обращаясь к старшим товарищам по партии. — И мы, молодые, будем жить и трудиться по-коммунистически. Будем!

На XXV съезде, делегатом которого меня избрали коммунисты Ленинграда, я видела много молодых. Мы, молодые делегаты съезда, были взволнованы Отчетным докладом ЦК, с которым выступал Леонид Ильич Брежнев. Он зарядил нас, заставил как-то шире, что ли, взглянуть на свою работу, почувствовать ее как часть всенародного дела. Да, на съезде было много молодых делегатов... И это прекрасно! Разве это не свидетельство того, что наша партия, наш народ гордятся нами, идущими на смену старшим поколениям, принимающими от них эстафету.

Дорогие ветераны партии! Спасибо за эту веру в нас. Хочется передать Центральному Комитету нашей партии, что молодые коммунисты не подведут. И у нас смогут поучиться наши дети, а потом и внуки.

Елена КОНОНЕНКО,
Лариса КУЛИКОВА,
спецкоры «Работницы»

Ленинград.

АНТЫ ЭПОХИ

вами, новыми практическими делами. Весь свой жизненный опыт и талант руководителя он посвящает Родине, укреплению ее экономики и культуры, ее международных позиций. Всю свою энергию он отдает делу мира, предотвращению новой всемирной военной катастрофы, улучшению политического климата на планете, развитию добрых взаимоотношений между государствами с различным общественным строем.

Еще Ленин говорил, что «политика есть наука и искусство, которые с неба не сваливаются, даром не даются». Эта наука, это искусство доведены до совершенства в международной деятельности нашей партии, ее Центрального Комитета. Если бы было иначе, если бы не поистине титаническая энергия, с которой прокладываются маршруты мирного сосуществования в беспокойном океане мировых событий, наверняка не удалось бы повернуть штурвал исторического развития в сторону разрядки, не удалось бы достигнуть важных договоренностей с США и другими капиталистическими государствами.

Минувший год лишний раз напомнил нам: без борьбы, без труда, без величайшего напряжения сил не дано претворить в жизнь ни одно доброе начинание. Вспомним: почти десятилетие Советский Союз и другие страны социалистического сотрудничества терпеливо разъясняли Западу пользу Общеввропейского совещания. Почти два года длилась его дипломатическая подготовка. И вот уже целый год прошел с того дня, как в Хельсинки завершила свою работу «форум тридцати пяти». Добрый год для Европы! И хотя здесь предстоит еще сделать немало, хорошее начало положено. Когда в наступившем году в Белграде снова встретятся полномочные посланцы Европы и Северной Америки, у них будет основание для конструктивного обмена мнениями о дальнейших шагах, которые привели бы к полной реализации хельсинкских принципов.

Социалистические государства в минувшем году вновь показали, что они к этому готовы. Визиты высоких гостей из Польши, Болгарии, Румынии, Венгрии, Германской Демократической Республики, Чехословакии, Монголии в нашу страну, поездки Генерального секретаря ЦК КПСС в ряд братских стран, его переговоры с президентом Социалистической Федеративной Республики Югославии, Председателем Союза коммунистов Югославии Йосипом Броз Тито — таковы факты всемирного значения, и они говорят сами за себя.

Когда государства — участники Варшавского Договора встретились в конце минувшего года в Бухаресте, они высказались за достижение новых рубежей в международной разрядке, за дальнейшее укрепление безопасности и развитие сотрудничества в Европе. То была инициатива, отвечающая духу Хельсинки. То была дальнейшая материализация идей, которые заложены в документах Берлинского совещания двадцати девяти коммунистических и рабочих партий Европы.

Мир и безопасность в Европе не просто неделимы, — они уже не могут быть вопросом выбора. Политика разрядки необходима в равной степени всем государствам, независимо от их общественных систем. Не должно быть возврата назад — к «холодной войне». Есть лишь одна разумная дорога — она ведет вперед. И двигаясь по ней, государства должны искать и находить формы сотрудничества во

все более широкой сфере — от сокращения вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе до созыва общеевропейских форумов по проблемам охраны окружающей среды, транспорта и энергетики, от развития крупномасштабного и долговременного экономического сотрудничества до установления равноправных деловых отношений между Советом Экономической Взаимопомощи, странами — членами СЭВ — с одной стороны, и Европейским экономическим сообществом, странами — членами ЕЭС — с другой. Особенно широкий отклик во всем мире получила новая инициатива семи социалистических стран: речь идет об обращении ко всем государствам, принимавшим участие в хельсинкском форуме, подписать договор о неприменении первыми друг против друга ядерного оружия.

Чем ответили на это в штаб-квартире НАТО? Как там восприняли приглашение к конструктивному диалогу, прозвучавшему из Бухареста? Как в конечном счете отнеслись атлантические генералы и политики к идее о новых рубежах европейской разрядки, с которой выступили государства социалистической половины Европы? Да, в сущности, никак. В декабре в Брюсселе состоялась очередная сессия Совета НАТО. Сенсаций от нее не ждали, да их и не было. Мир изменился вокруг атлантического альянса. И сам он давно стал другим: Франция и Греция покинули его военную организацию, на периферии разрастается сколок, в том числе между Грецией и Турцией, между Исландией и Англией. А генеральный секретарь НАТО д-р Лунс и главнокомандующий — американский генерал Хейг все тянут назад, на старую дорожку «холодной войны». Это отчетливо просматривается и в документах зимней сессии Совета НАТО.

Разоружение? Было бы полезно, но мешает «угроза с Востока», — говорят атлантические министры. Разрядка? Тоже как будто полезно, да вот «несговорчивые коммунисты» никак, видите ли, не хотят, чтобы идеологические диверсанты с Запада, в том числе радиостанции «Свобода» и «Свободная Европа», разгуливали в эфире социалистических стран. И в НАТО делают вывод: надо подхлестывать гонку вооружений. В итоге за вторую половину минувшего года проведено более тридцати натовских маневров, канонада грохотала от Норд-Капа до Баварских Альп. Что касается предложения семи социалистических стран о неприменении государствами хельсинкского форума первыми ядерного оружия друг против друга, в штаб-квартире НАТО оно вызвало лишь припадок раздражения.

Мир сложен и многолик. В минувшем году мы порадовались завершению воссоединения Вьетнама — он провозглашен социалистической республикой, и победе сил Лаоса; открывшейся перед демократической Кампучией дороге независимого развития и победе героической Анголы, одержавшей верх в кровопролитной борьбе против колонизаторов и их наемников; нас радуют успехи и других народов в битве за свободу. В Коломбо состоялась пятая конференция глав государств и правительств неприсоединившихся стран. Движение неприсоединения стало заметным фактором международной жизни, важным звеном всемирного фронта борьбы народов против империализма, колониализма и агрессии.

История не всегда шагает по прямой. Порой ее маршрут изобилует зигзагами, подъемами и

спусками, сопряжен со страданиями миллионов людей. Через дым пожарищ, через огонь братоубийственных схваток прошел в минувшем году Ливан. Тяжелые времена переживали и переживают народы Зимбабве, Намибии, Южно-Африканской Республики. Стонет под пятой палачей вольнолюбивый чилийский народ.

Кто повинен в этом? Вглядитесь повнимательнее: разве не одни и те же фигуры выглядывают из-за кулис ливанской, южноафриканской, чилийской драмы? Разве не знакомы нам повадки тех, кто стремится любой ценой остановить поступь истории, любой ценой удержать в своих руках богатства, принадлежащие другим народам: нефть, олово, селитру, алмазы, плодородные земли?

Известный американский историк Артур Шлесинджер, в прошлом один из советников президента Кеннеди, с горечью признает: «Мы должны согласиться, что над нашей жизнью нависает импульс разрушения». А другой американец, Ричард Гудвин, видный буржуазный политик, добавляет: «Война и расовая несправедливость принадлежат к наиболее долгосрочной задолженности Америки». Заметим: не только Америки, а и всего капиталистического мира.

Итак, начал свой марш новый год. Впереди немало проблем. Они напоминают о себе и в Старом Свете и в Свете Новом. После недавних выборов в вашингтонском Белом доме приступил к делам новый президент Соединенных Штатов — Джими Картер. Сменились правительства в Бонне, Париже, Риме, Мадриде, Токио и в других столицах. Мы видим на постах премьеров и членов кабинета знакомых государственных деятелей, порой — новые лица. Почти во всех западных странах, где состоялись парламентские выборы, произошли сдвиги в расстановке политических сил. В основе этих сдвигов лежало страстное стремление «человека с улицы», как называют простых людей буржуазные газеты, к разрядке, к спокойному труду.

А ведь такой труд по сей день находится на Западе в сфере красивых слов. По ту сторону Атлантики, в Америке, около восьми миллионов безработных. В Федеративной Республике Германии — около полутора миллионов. В Англии, Италии, Франции, Японии дело обстоит не лучше. Прожорливое чудовище — инфляция поглощает сбережения, заработки да, в сущности, и саму жизнь людей труда. Выходя поутру за покупками, хозяйки нервозно всматриваются в витрины продуктовых лавок: ночью на стеклах белой краской обозначены новые цены. И они всегда выше старых.

Да, мир полон тревог и надежд. И все же мы верим: тревог будет меньше, надежд больше. Три с лишним десятилетия назад миллионы людей в нашей стране и за ее пределами научились побеждать на полях сражений, выигрывать самую разрушительную войну в истории человечества. Сейчас, в годы разрядки, миллионы людей научились побеждать темные силы вражды и «холодной войны», чтобы выиграть всеобщий мир. Об этом хочется сказать, вспоминая год минувший и вглядываясь в год наступивший. Куранты лишь на мгновение задержались между прошлым и будущим. Они трудолюбиво отсчитывают время эпохи. А оно работает на нас.

Николай ПОЛЯНОВ

Все дети во дворе были до черноты смуглые, с блестящими глазами, с темными волосами, а Юрочка—светленький, и соседки очень любили его. Тискали. Тормошили. Как-то спросили: — И в кого ты, Юрочка, такой? Ни в мать, ни... Может, в отца?

Полина была хорошо настроена, шутиливо подхватила:

— Нет, не в меня и не в отца. В проезжего молодца, что ли... Сама удивляюсь, я шатенка, и Коля был шатен...

Соседки очень смеялись. Юрочка тоже веселился. И когда они теперь нарочно спрашивали: «Юрочка, так в кого же ты?»,—он охотно кричал: «В проезжего молодца!» И заливался смехом.

Мать в конце концов рассердилась. Ей все-таки досаждали эти колкие намеки, настырные расспросы соседок. И она упрекнула мальчика:

— Ты меня компрометируешь...

— Чего?—затруднился Юрочка.

— Ах, вырастешь—узнаешь...

Юра долго еще потом играл в проезжего молодца. Выламывал длинный прут или палку, воображал, что садился на коня, скакал по полям, по горам, по дремучим лесам, которых никогда не видел. Но мать говорила: поедешь в гости к папиной родне, ух, там и леса...

— А когда?

— Как когда? Когда позовут...

И начинала сердито греметь посуда.

Юрина мама никогда не сидела просто так, без дела. Под вечер, когда спадала жара, все женщины в тапочках на босу ногу, в сарафанах, а уzbekи в своих ярких блестящих, длинных, почти до земли платьях собирались на улице. Мимо дома протекал арык, полный небыстрой мутной воды, а все-таки от него веяло прохладой. Но Полина сюда выходила редко. Как приходила с фабрики, так сразу бралась за домашние дела: то стирает, то варит чего-то во дворе на мангале. А не то возьмет карточки и убежит отовариваться, наказав сыну:

— Ты, Юрочка, играй тут, где дети... С мальчишками не убегай, ладно? Пойду, может, на какой талон чего и дадут...

Юрочка был у матери и единственным другом и главным собеседником. Она ему все рассказывала: и какая плохая пряжа идет у них сейчас в ткацкой, и какой вредный характер у мастера Зейкулова, и, наоборот, какая симпатичная и интеллигентная начальник сме- ны Ирина Петровна.

— Она же видит, как я стараюсь, какое даю качество. Я так считаю, Юрочка, раз я взялась, так надо свое дело делать хорошо, на пять с плюсом. Я и в школе училась на круглые пять.

Иногда она подходила к облезлому зеркалу, выбирая среди тусклых пятен сверкающие островки, взглядывала на себя, поворачивала голову то вправо, то влево:

— Я еще ничего, верно, Юра? Да если бы я только глазом мигнула, так тот же Зейкулов...—Она обрывала:—Но я не хочу. У меня сын. Ребенок. А они,—она кивала на окно, во двор, где на корточках сидели возле мангалов женщины,—они хотят влезть мне в душу. Я не желаю. Ноет у меня в сердце рана, но ведь не открывать же ее перед всеми... Но ты, Юрочка, ты не чуждйся людей. Люди, коллектив—это все. Понял?

Юра кивал.

— Ты во всем дворе самая красивая. Это и дядя Юсуф говорит. Он мне дал конфету и сказал: твоя мама якши...

— Ты, Юрочка, не бери. Скажи спасибо, у нас у самих конфеты есть...

— А где?

— За этот месяц мы уже выбрали, а в том месяце еще дадут. Или посылку вдруг пришлют...

— А кто пришлет?—простодушно интересовался Юра.

— Как кто? Папина родня. А если на улице

Из новых книг

Матильда ЮФИТ

ПАПИНА РОДНЯ

будут интересоваться, так и ответишь: мол, папина родня прислала.

Однажды Юра спросил:

— А какая она, родня? Кто это—родня?

Мать растерялась.

— Ну, бабушка—это родня. Дедушка. Дядя там, тетки, мало ли...

Но родня все не звала к себе в гости Юру. И конфет ему не присылала.

Когда мать уходила на работу, Юра оставался один. Играл во дворе, лепил из глины домики, окруженные дувалами, вокруг втыкал веточки—получался сад. Купался с ребятами в арыке. бегал к толстой Фатиме вместе с ее детьми есть лепешки.

Иногда мама долго не приходила с работы. Уже вечер падал на землю, из всех углов выползала темнота, как выползает из конуры лохматая большая черная собака. Юре становилось страшно. Не хотелось больше бегать, но он не шел домой, все равно скакал и скакал на коне, держась поближе к тому месту, где сидели взрослые.

— Ты куда это едешь, беленький?—спрашивали женщины, заранее зная, что он скажет:

— В гости.

— К кому это?

Юра прекрасно видел, как Лиза, соседка, подмигивает женщинам, скучнел, но все же отвечал:

— К родне.

— К родне? А какая у тебя родня, Юрочка?

— Папина.

— А ты ее видел?—спрашивала неугомонная Лиза.

Врать Юра не умел.

— А письма они тебе пишут? А посылки шлют?

Но тут не выдерживала Фатима:

— Зачем грязной ногой в душу лезешь? Зачем ребенка тревожишь?

И другие соседки начинали заступаться:

— И правда, Лиза. Какое тебе дело?

— Мне?—Лиза хохотала, закинув назад голову на худой, жилистой шве и трясая звенящими длинными серьгами.—Я и сама люблю Полинку, только зачем же скрытничать? Я принципиально...

— Хорошенько принципиально,—вмешивалась немолодая уже Катерина Ивановна, сдававшая комнату Юре с мамой.—Что было—мы не знаем, а что есть—видим. Живет честно, ребенка содержит прямо-таки в стерильной чистоте...—Катерина Ивановна работала в госпитале и любила щегольнуть ученым словом.—Нет, Лиза, ты неправда...

— Что ж он тогда не едет? Похоронки Полина не получала, пенсии не имеет, придумала какую-то родню...

— Мало ли что бывает,—говорила Катерина Ивановна.—Вон ведь когда война окончилась, а у нас в госпитале и до сих пор раненные лежат. Один память потерял, другой не хочет изувеченный домой возвращаться. Мало ли... Нет, ты неправда, Лиза...

Юра подвигался ближе к Фатиме.

— Иди, иди ко мне, мой мальчик будешь...

Фатима обнимала Юру, и ему сразу тепло становилось в ее мягких руках.

Потом все постепенно расходилось: Фатима уходила варить ужин, Лиза убежала слушать радио. А Катерина Ивановна говорила:

— Шел бы ты домой спать, милый...

Юра отвечал:

— Я маму подожду...

И оставался один у арыка. Над арыком рос большой тополь. Шумел листвою, бросая круглую темную тень. Юра сидел в этой тени, как в шатре, а вокруг—в лунные вечера—было светло. И в арыке дрожала, отражаясь, большая звезда. Юра трогал прутиком воду, звезда расплывалась. Потом он сгонял обратно золотистую воду, и снова была звезда.

Мать прибежала, тяжело дыша. Еще издали слышно было, как топают по переулку ее деревянные подметки. Она сердилась на Юру, что не лег спать, уведила его в дом.

— Горе мне с тобой. Думала, только бы добежать, добегу и свалюсь, ни чаю пить, ни есть не стану. В цехе жара, духота. Но ты-то, небось, голодный?...

И она тут же начинала хлопотать, разогревать ужин, разбирать постель. Постепенно успокаивалась, веселела:

— Нет, ты подумай, Юрочка, какое счастье—электричество больше не по лимиту. Ну куда мне среди ночи было бы мангал разводить... Письма нам не было?

— Лиза говорит, что ты, мама, скрытная...

— Конечно, скрытная. А что толку нескрыт-

ной быть? Ешь, милый...

Юра любил картошку. И мать, накладывая

Первый сборник рассказов Матильды Иосифовны Юфит, «Жизнь», угадал свет еще до войны. Кроме того, ее перу принадлежат еще несколько сборников рассказов и повестей: «Он должен победить», «Желаю счастья», «Да или нет», «С севера на юг», «Мой дядя изобретает», «Слева, где сердце»...

Сейчас писательница закончила работу над книгой «Десять тысяч шагов», в которую войдет и повесть «Умерла Юрина

мама», отрывок из которой мы сегодня печатаем.

Рисунок А. Лурье.

ему, иногда механически говорила:

— Поедешь к папе на родину, попробуешь, он говорил, что у них картошка рассыпчатая, с кулак каждая...

Когда Юра стал старше, то перестал спрашивать: когда? Да и мать все реже вспоминала про родню. А к зеркалу стала подходить все чаще, смотрела на себя с тревогой, подолгу, словно ждала ответа. Выдернула однажды седой волос и заплакала. Потом утерла слезу со щеки, поцеловала сына и сказала:

— На работе, Юрочка, я незаменимый человек. Прибавляют мне еще станки...

— А Зейкулов?—деловито спрашивал Юра.—Нв возражает?

— Что Зейкулов! Сама Ирина Петровна сказала: «Я чувствую, что ты, Полинка, свободно осилишь еще станки... Ивановские ткачики уже

освоили». Я ответила: «Что ж, и мы не хуже».—И пояснила сыну:—Я ведь и заработаю тогда больше, соображаешь?

Юра вытянулся—стал длинный, тощий,—пообещал:

— Я тоже работать пойду.

— Нвт, Юрочка, тебе учиться надо. Был бы папка с нами, он тебя б учиться послал. Станешь инженером, как он собирался стать...

— Мама,—Юра наконец решился,—а вдруг он где-то есть, вдруг он живой?

— Нет, Юрочка, если б он живой был, он бы нас нашел...

— Давай уедем отсюда,—горячо попросил Юра.—Уедем, где нас не знают, станем в другом городе жить.

— Дурачок, а если папка найдется?.. Может, он в плену был? Может, адрес потерял? Мало

ли что! А папка очень обидится, если он приедет, а нвс нет...

— Что ж он тогда родне своей не написал про нас?—уже жестко спросил Юра.

Мать ответила, как маленькая, тихо, боязливо:

— Не знаю, Юрочка...

Мальчик горделиво развернул плечи:

— А нам и не надо, правда? Нам и без родни хорошо, да?

Она так же покорно согласилась:

— Ничего нам от них не надо. Я думала, им внук, сына ихнего сын, нужен. А если нет...—И она махнула рукой.

Мало что могла она рассказать Юре про отца, все жалела, что его, такого молоденького, ранили, как он ужасно мучился, но был мужественный, страдал молча, не стонал, только кусал губы. И мама, когда приходила на дежурство в госпиталь, смачивала ему водой эти искусанные, растрескавшиеся губы. Он просил: «Расскажите что-нибудь». «А я ничего не знаю». «Ну, про детство свое расскажите». «Я из детского дома, я сирота». Он закрывал глаза. Ресницы были длинные, «как твои, Юрочка», только черные и красивые, как у женщины. То, что имело значение для мамы, как он погладил ее исцарапанные руки, как предложил: «Говорите мне «ты», Полина, меня Коля зовут, Николай»,—Юре было мало. Ну, хорошо, учился на инженера, а по какой специальности? На каком факультете? Мать не знала. То, что отец пошел добровольцем на фронт, нравилось Юре. Но ведь тогда все сражалось за Родину. Он уже наизусть знал все отцовы письма и записки к маме. Писались они наспех, полны были заботы о ней, жалости, тревоги. О себе отец, когда уехал из госпиталя, сообщал мало. Нет, Юра все-таки хотел бы разыскать папину родню...

И осенью, когда класс поехал на уборку хлопка, он работал, как взрослый, и еще остался на уборке, когда школьники уехали. Сколотив нужную на билет сумму, он сказал небрежно матери:

— Поехать посмотреть, что ли, на эти дремучие леса, где папина родня?..

— Как же ты один поедешь?!

— Ну и что, не маленький. Я по карте уже весь маршрут изучил...

Наконец и прощальный вечер остался позади, и самое прощание, и проводы, и вокзал, и уже отрезанное от него раскалившейся на солнце стенкой вагона, видное через окошко отчаянное в своей попытке улыбнуться лицо матери. Она что-то говорила, не слышно было что, и от этого сердце мальчика стискивалось от страха и боли, казалось, что у матери нет сил подать голос. Юра никогда еще с матерью не разлучался.

Ему стало вдруг страшно до ужаса, до испарины. Куда он едет? Зачем? Измохшими руками он ецепился в раму окна, в какие-то ремни, стараясь устоять на месте, не выбежать, не выскочить обратно на перрон. А сам храбрился, усмехался, подмигивал матери, мол, ничего: «Мы едем, едем, едем в далекие края».

К счастью, поезд дернулся и покатился. Юра не сразу понял—колеса стучат или его собственное сердце. Постоял у окна, пока не проехали город и пригороды, куда он не раз ездил с ребятами на экскурсии, ближние горы. Весной все склоны покрывались мелкими яркими тюльпанами, он всегда привозил их матери.

Поезд весело устремлялся все вперед и вперед, расталкивая плотную пелену зноя. Страх куда-то отступил, так прекрасно, ново и заманчиво было все вокруг...

С той минуты, как поезд отошел от родного города, жизнь превратилась для Юры в один долгий интересный урок—все чему-нибудь да учило его. Он спал мало, только пока длилась короткая летняя ночь,—боялся пропустить станцию, чтобы первому выскочить из вагона,

то принести газетку старичку соседу, то опустить кому-нибудь письмо, то купить хлеба. В вагоне все уже знали его, приветливо звали: «Юрочка, иди к нам». Рядом в купе ехала женщина с детьми, ехала в гости, в родные места. «Сколько лет не виделись с родственниками, детишки так повзросли, что их родная бабушка с дедом, поди, не узнают»... Юрка слушал ее разговоры внимательно. «Этих-то ждут», — думал он, сразу суровее. — А я? И он сэкономил деньги, как мог, чтобы хватило на обратную дорогу. «Если они мне не покажутся», — думал он, — денька два поживу, наведу справки и уеду...» Он уже составил себе план: пойдет в школу, где учился отец, в военкомат зайдет, в райком комсомола. Он никогда не спрашивал у матери, был ли отец комсомольцем, но уверен был, что да, был. Может, товарищи отца найдутся. Ему ведь, Юрке, ничего не надо, ни вещей отцовских, ни материальной помощи. Попросит фотографии, если есть, ну, хотелось бы, конечно, что-нибудь на память, книгу, что ли...

Если б спросил кто-нибудь у Юры, что он чувствует, он не сумел бы ответить точно. Но что-то в нем дрожало, пело, звенело, плакало и смеялось.

В таком настроении он и приехал в «дремучие леса», вернее, в большой город, где леса не было и в помине, в таком настроении нашел улицу, дом и постучал в дверь.

Открыла старая женщина в домашних туфлях, с красиво причесанной головой, в очках: — Ты ко мне? — И вдруг вскрикнула, пошатнулась, схватилась за сердце. — Ты извини, — опомнилась она. — Ты по какому делу? От кого?

— Я Юра.

— Юра? — Она опять закричала: — Какой Юра, какой? Боже, какое сходство... Ты так похож на моего покойного сына, ты извини, мальчик...

— Я ваш внук. — Юра держал в руках свой чемоданчик, куда мать уложила его трусики, и майки, и авоську с дынями.

На крик выскочила молодая женщина, с волосами, накрученными на бумажки, в тесном халатике.

— Что с тобой, мама? — Она переводила глаза с матери на Юру, как бы стараясь сообразить что-то. — Это тот... мальчик? Как похож на Колю, я ведь вам говорила, мама...

— Тут дыни, — выдал из себя Юра и протянул молодой женщине авоську.

— Спасибо. Но что же мы стоим здесь, в прихожей, проходи, мальчик, сюда...

И она распахнула дверь из темноватой передней в светлую, залитую солнцем комнату, выходившую окнами в сад. На стене висел большой портрет кудрявого лобастого подростка с веселым открытым взглядом.

Юра шагнул через порог.

— Это... ваш сын? Это... мой папа?

Он как будто не в комнату вошел, а в какой-то другой мир, так объяснил он потом матери, которая требовала, чтобы он все-все рассказал, каждый шаг описал, повторил каждое слово. Он вошел в новый для себя мир, наполненный новыми, неизвестными ему вещами. Из мальчика, у которого на всем белом свете никого, кроме мамы, не было, он стал вдруг внуком, племянником, троюродным братом. Все обнимали его, плакали над ним и говорили: «Какое сходство, только Коля был темноволосый, а ты беленький». «Что, твоя мама русая?» «Нет». «В кого же ты?» Он пожимал плечами. «И то уже хорошо», — сказала позже мать, — что про проежжего молодца не ляпнул. Представляю, что бы они про меня подумали». «А тебе-то что?» — проворчал Юра. — Пусть думают...» Вот это единственное и мучило его там, у папиной родни. — как же они могли не отозваться на мамин голос, не ответить на ее письмо? А она ведь не одно послала, а два или три...

Бабушка теперь винила покойного деда, это

он, он виноват, он говорил, что Коля вернется с войны и сам разберется — жена или не жена эта случайная малограмотная девочка из Средней Азии.

— Ты меня извини, Юра, не обижайся, но что я должна была думать о твоей матери? — Бабушка вытирала платком глаза. — Они все твердили: не торопись, не вмешивайся, не нужно торопиться. Коля решит сам. А Коля был так молод, к чему ему такой поспешный, случайный брак? Он был такой способный, талантливый, с большим будущим, но опрометчивый, доверчивый... — Бабушка опять целовала Юру. — Потом дед уехал со своим госпиталем на фронт, он ведь был хирургом, твой дед, и попал под бомбежку. Погиб. Потом это ожидание писем от Коли, надежда, дни, похожие один на другой, когда перестаешь понимать, как недели переходят в месяцы, потом это угасание, умирание надежды. Я стала как камень, спасалась только работой. Ужасный быт, полуголодное житье. Ах, что теперь говорить... Твоя мама, конечно, осуждала меня?

Юра отрицательно мотал головой...

— Вы в Средней Азии, наверно, не знали голода. У вас там виноград, вот дыни...

— У нас виноград дешевле картошки, честное слово...

— Ну вот, ты слышишь, Ира, — говорила старуха дочери. — Ну чем мы могли им помочь? У них виноград дешевле картошки...

— Но, мама, ведь одним виноградом сыт не будешь...

— Мы вещи меняли, — сказал Юра. — И по карточкам получали. У мамы ведь рабочая карточка. А по рабочим даже сахар давали...

Юре позволили отпереть шкаф, где тщателью хранились Колины игрушки и книжки, школьные и студенческие учебники, готовальни, первые альбомы с коряво нарисованными домиками и рулоны чертежей, горы любительских снимков, фотоаппарат.

— Аппарат ты возьми себе, он твой по праву, — решила тетка Ира.

Но Юра отказался:

— А у меня есть. Не новый, правда... Мать как раз премию получила, пошла на барахолку и купила. Юсуф с ней пошел, чтобы ее не надули. Он тогда еще один, без жены жил...

— Это кто... Юсуф? Это друг твоей мамы? — осторожно спросила Ира.

— Да он со мной больший друг, чем с ней, — гордо сказал Юра. — В одном дворе живем...

— А почему же ты сказал, он жил тогда без жены...

— А его жена к маме ревнует, — просто душно сказал Юра. — Весь двор смеется. А маме он зачем? Моя мама, знаете, какая красивая... — Он задумался и прибавил: — Была... Когда приоденется, так и теперь еще хоть куда...

Позже мать осудила его за эту фразу:

— Они еще могли бог знает что подумать...

— Ну и пусть думают. Тебе-то что?

— Все-таки это папина родня.

— А ты им ничем не обязанная.

— Так-то так, но... ты этого еще не можешь понять, сынок...

Ну и пусть, пусть он не понимает, но он не мог все-таки простить им, этим новым родственникам, их отношения к его матери. А мама великодушно сказала:

— Я им не судья. Ты подумай, Юрочка, вот я тебя рошу, в куске себе отказываю, все для Юры и для Юры. Все наши планы совместно с тобой строю. Юра, мол, вырастет, мы то, мы се... И вдруг здрасте — получаю письмо. Юра ваш больше уже не ваш, я его считаю своим, и даже растет от него ребенок. А они люди интеллигентные, ты ж сам говоришь — врачи, им это показалось обидно...

А жена Юриного дяди не оправдывала свекровь. Она как-то разоткровенничалась с Юрой, когда никого, кроме них двоих, не было дома.

— Свекровушка моя очень уж гордая. Ты

думаешь, она со мной легко примирилась? Отнюдь. Разве кто-нибудь достоин стать рядом с ее мальчиками?.. Ух, и немало труда мне стоило перделать Валентина на свой лад. У них только одно и слышишь: мама сказала, мама сделала, мама этого не любит. Правда, она заслуженный врач, что верно, то верно. У нее всюду ученики...

— У моей мамы тоже есть ученица, Маша Завьялова.

— Чему же она ее учит?

— Как чему? Работать на станке. Ткать. Моя мама, знаете, какая хорошая работница! Начальник смены, инженер, говорит: наша лучшая работница...

— Смотри, как ты гордишься своей мамой...

— А как же...

Жена Валентина, должно быть, передала их разговор Ире, тетке, и та, когда они пошли гулять по городу — Юра обязательно хотел увидеть все места, где бывал отец когда-то, — сказала ему, когда они стояли на мосту:

— Это прекрасно, Юра, что ты так уважаешь свою мать. Она стоит этого... Ты скажи своей маме, пусть она меня простит, что и я была такая дура. Я, правда, сердцем чуяла, что ее письмо искреннее... Сможет она меня простить?

— Мама ни на кого не держит зла... Наша соседка Катерина Ивановна даже удивляется: мол, ты слишком добрая, Полина, с такой добротой пропадешь. А мама считает — людям надо верить.

— Жаль, что она не получила образования.

— Когда же? — стал оправдываться Юра. — То война была, то я родился. Она говорит, ты учишься, а я уж поработаю, но ты мне рассказывай, чему тебя в школе учат. — Юре очень хотелось показать мать в лучшем свете, нарисовать ее поярче, поцветистее, что ли. — Она песни любит, стихи. Есенина любит. В кино мы с ней ходим. Только про войну она не может смотреть, плачет... Она, если б не зуб, может, со мной и поехала бы. Вот вставит себе золотой зуб...

— Золотой? Это ужасно. Это же безвкусица, — разволновалась Ира.

— Пусть уж сама как хочет, — сухо сказал он. — Жила своим умом и дальше пусть живет...

— О, да ты колкий, — удивилась Ира. — А впрочем, ты прав, извини меня. Ты дал мне хороший урок...

Уже начался учебный год, надо было ехать домой, а Юру все не отпускали. Ира по вечерам, возвращаясь из школы, где преподавала, занималась с ним дома. Справку ему выхлопотали: мол, болен. Бабушка и дядя Валентин вообще уговаривали его остаться у них.

— Тем более, что часть этого дома принадлежит моему покойному отцу, то есть тебе...

— А нам не надо, — испугался Юра.

— Как это не надо? Положено. Ты посоветуйся с мамой. Или я выплачу тебе твою долю, — предложил Валентин.

— За что? — испугался Юра.

— Как за что? Это же дом, собственность. Я бы не хотел делить дом.

— Нам от производства дали комнату.

Бабушка вдруг спросила:

— А может, и мама сюда переедет?

— А у вас разве таская есть? Не поедет она, если нет таской...

Дядя Валентин рассердился:

— Чего нет, того нет... Но все-таки с родней рядом вам было бы легче...

— Мы привыкли, — сказал Юра.

Бабушка заплакала. Все кинулись ее успокаивать. А она твердила:

— Ты скажи маме, пусть она меня простит, пусть простит...

Когда Юра рассказал это матери, та тоже заплакала:

— Нету у меня на нее зла, нету... Да и какое может быть у меня зло, когда она Колина мать.

Юрочка, помни, мой золотой, святое это понятие — мать...

«К 7 ноября 1977 года, почти на 2 месяца раньше установленного срока, ввести в действие Усть-Илимскую гидростанцию на полную проектную мощность. Обеспечить высокое качество строительно-монтажных работ, сдать сооружения и оборудование с оценкой «отлично»... На досрочно введенных в действие четырех машинах дополнительно выработать до конца 1977 года не менее 1 млрд. квтч электроэнергии, что позволит сэкономить народному хозяйству около 400 тыс. тонн условного топлива».

Из социалистических обязательств коллективов строителей, монтажников и эксплуатационников Усть-Илимской гидроэлектростанции в честь 60-летнего юбилея Великой Октябрьской социалистической революции.

Среди подписавших эти высокие обязательства и те, кого вы видите на нашей вкладке.

Крановщица Светлана Задонская еозводит дома для работников лесопромышленного комплекса.

Комплексная бригада Героя Социалистического Труда М. М. Васильева (второй слева).

Вот он, ротор осевой турбины!

Фото А. ГОСТЕВА.

Озеро Байкал. Закат. Фото Н. МАТОРИНА.

МУЗЕЙ НА БЕРЕГУ БАЙКАЛА

Байкал—он очень разный. Хмурым, дождливым днем озеро будто одето в чуть поблескивающую стальную броню. И дождинки подскакивают, ударяясь о воду. А если вам доведется повидаться с Байкалом розовым закатным вечером, то предстанет он серебристо-сиреневым, с красноватыми и золотистыми разводами... Здесь у каждого часа свои краски, свое настроение... Но никогда Байкал не бывает ласковым. Нет, он суров, могуч и своенравен.

Живописны берега озера. Скалы, похожие на неведомые знаки, сложенные сказочными великанами. Глубокие, словно от когтей гигантской кошки, расщелины на изборозженных морщинами отвесных склонах, и пушистые кедры, сбегające по золотому песку почти к самой воде голубых бухт...

У Байкала много тайн. В его водах живут северные тюлени. Как они попали в этот замкнутый, окруженный горами водоем? В нем обитает рыбка голомян-

ка, которая почти целиком состоит из жира. Она так прозрачна, что сквозь нее можно читать газету. Каким образом эта изящная и легкая рыбка выдерживает давление до 25 атмосфер в глубине озера, лишь ночью поднимаясь на поверхность? Непонятно и то, как удается крошечному рачку величиной с манную крупицу, фильтруя, доводить озерную воду почти до первозданной чистоты и прозрачности. Наконец, чем объяснить, что уровень воды в озере постоянен, лишь весной и осенью разнится на 40—60 сантиметров, хотя в него впадает 336 рек и речек, а вытекает одна—Ангара?

Много секретов у Байкала.

Сегодня на берегу озера вырос Байкальский лимнологический институт, детище Сибирского отделения Академии наук СССР. Здесь ученые изучают жизнь и нрав озера, его историю, перспективы. В стенах этого института разместился и музей байкаловедения.

В. И. Галкина знакомит с экспонатами музея.

Музей создан несколько лет назад, на общественных началах, по инициативе и при самом деятельном участии научного сотрудника института Валентины Ивановны Галкиной.

Сама Валентина Ивановна занимается изучением дна озера. Пробы, пробы, бесконечные пробы ила, грунта, осад-

ков. За каждые 1000 лет на дне отлагается слой в 4 сантиметра. Содержимое слоя исследуется под микроскопом. Оказывается, более 800 видов живых организмов размножаются, поедают друг друга, растут, умирают на дне Байкала. Одни из них — «санитары» озера, другие — и «санитары» и пища рыбам и озерным животным, третьи слагают основание озера. Осадки на дне озера — своеобразная его летопись, палеография, история его возникновения и развития, которую Валентина Ивановна разгадывает букву за буквой. Собственно говоря, эта работа и натолкнула ее на мысль о создании музея.

— Байкал — сам живой музей, — рассказывает Валентина Ивановна. — Глубина его кое-где превышает 1700 метров. Но Байкал еще молод. Ему только 20 миллионов лет. — Она дает возможность собеседнику изумиться. — За год здесь бывает до 2000 подземных толчков...

...Однажды Галкина была с экспедицией на озере. Только пристали к берегу, как на борт катера прыгнул дрожащий хорек. Что это значило — поняли позднее. В три часа ночи раздался подземный гул и катер трянуло так, что якорная цепь разлетелась на куски. Двое суток бушевал Байкал и бросал суденышко исследователей, точно щепку.

Первые экспонаты в музей озера Байкал принесла именно Валентина Ивановна. Муж Галкиной и старший сын мастерски сделали макет озера, окруженного горами. Кто-то из сотрудников института поделился редкими фотоснимками, кто-то сделал чувствительных, другой подарил собрание байкальских моллюсков, рыб, водорослей. Лаборатории подготовили статистический материал...

Сегодня в комнатах музея собрана и научно систематизирована большая коллекция растительного и животного мира Байкала и прибрежных мест. Диаграммы, графики, экспонаты рассказывают о богатствах озера, о воздействии озера на окружающую природу. Специальные стенды отведены работам первых исследователей озера и его берегов — крупным ученым Бенедикту Дыбовскому и Ивану Дементьевичу Черскому, сосланным в Сибирь царским правительством за участие в революционных выступлениях.

Музей очень помогает сотрудникам института в их научной работе. Больше того, он стал своеобразной трибуной ученых института. Здесь находит выход их стремление поделиться с людьми результатами своей работы, тем, что накопила наука. Для Валентины Ивановны музей — неотъемлемая часть жизни. Она его фактический директор и главный экскурсовод. И надо слышать, как ведет она экскурсию! Это не просто рассказ, а песня о Байкале!

И ходят по залам музея благодарные люди. Ходят притихшие, размышляя о величии природы, о бесконечности окружающего мира...

Притягательна сила Байкала. Если взглянуть с высоты вершины, то распахнутся перед вами широчайшие дали — горы, за горами еще горы, за лесами — леса, и в их темной оправе, как драгоценный камень, — озеро. Море Байкал.

Н. ВЫЮКОВА

Инна КАШЕЖЕВА

* * *

А следов-то на земле!
Как истоптан снег!
Помешался на зиме
южный человек,
юный человек.

Повит он снежинки ртом,
молодым притом.
Лепят белые снежки
смуглых две руки.

Странный, кто его поймет,
не стыдись, при всех
он поет, поет, поет
и про снег, про снег.

Отчего? Да что же с ним?
Потерял покой...
На сто тысяч зимних зим
он один такой.

Снег впервые видит он?
Да при чем здесь снег:
он... Да просто он влюблен,
южный человек,
юный человек.

* * *

И где-то у подножья лета
тебя в лицо ударит вдруг
из темного сырого леса
звонящий ландышевый дух.

Дыши на ландыш — не на ладан!
Тебе известно самому:
он так надежно в листьях
спрятан,
что ты поклонись ему.

Так трогательно, так уместна
нетронутая белизна!
Творенье русского умельца
тебе преподнесет весна.

Ты перед ним замрешь
в восторге,
преобразившись вдруг, когда
его душистые осколки
вонзятся в сердце навсегда.

ПОЭТИЧЕСКАЯ ТЕТРАДЬ

* * *

Одиночество зовется телефоном.
В зимнем доме, темном и бессонном,
женщина покручивает диск,
прижимается беспомощно к мембране,
разбивается о треск, о писк, о визг,
о щиты вранья, о копыта брани.
Женщина без слов кричит во тьму, —
всем она звонит и никому.
Голоса опутали планету,
голоса единственного нету.
В деловито-монотонном гуде
только абоненты... Где же люди?!
Женщина недавно овдовела,
безысходность ею оадала.
Безразлично ей, кому звонит...
Да во все колокола она звонит!
В барокамере привычной тишины
все чужие мысли ей слышны.
«Как живете?» — спросит, трубку бросит
и заплачет, словно засмеется,
дымом сигаретным задохнется,
а потом устало сплит веки...
Как же это так: в двадцатом веке,
в умном, окрыленном, электронном,
одиночество зовется телефоном?

* * *

Сибирь! Ты встретила меня
не тушем и не балом, —
упрямым всполохом огня
там далеко, над БАМом.
Лез ветер прямо на рожон
и радовался брани.
Луна — в сугробы нагишом,
как баба после бани.
Я тоже словно на полке —
стоит погода злая.
Я на усиленном пайке
работы и познания.
Отмыта добела душа,
но, городской, все мало.
Сибирь! Подбавь-ка два ковша
мороза и аврала.
Сибирь! Поправь-ка, я прошу,
с решимостью кресала
и то, что завтра напишу,
и что вчера писала.
Лети, Сибирь, сестра стихий,
на главном паровозе!
...Вокруг меня лежат стихи
железом на морозе.

Рисунки Б. НИКИФОРОВА

«Главный» — это слово входит в название многих должностей, с которыми сегодня успешно справляются женщины. В нашей стране совсем не редкость женщина — главный инженер и главный специалист, генеральный директор объединения и начальник цеха, главный экономист и управляющий строительным трестом...

В год шестидесятилетия Советской власти мы знакомим читателей с женщинами, которые несут вахту на капитанском мостике нашего народного хозяйства, стоят у его командных пультов.

Знаете ли вы, что это за работа: санврач?

Я встретил в Кемерове санитарного врача, который клял себя и свою профессию: «Зачем, зачем пошел я в санврачи? Зачем шесть лет учился на санфаке?! Мой друг режет аппендициты, про него говорят: «О-о, хирург!» А про меня: «А-а, это который крыс травит, помойками и свалками занимается?...» Очень примитивное у многих представление о нашей работе. В лечебники — вот куда надо было податься... Там вылечил человека — он сто лет тебе будет кланяться. Он всем расскажет, как ты спас его, какой ты хороший врач... А тут не одного вылечил, а тысячу, десять тысяч, может быть, весь город спас от надвигающейся болезни — и ни один тебя не поблагодарит, никто о тебе не знает, а встретишь начальника, которого ты оштрафовал, которому вручил строгое предписание, — он косо на тебя смотрит. И всем кругом рассказывает, какой ты злой, вредный, придирчивый».

Он никак не может успокоиться: «Я мало говорю по-латыни, зато много говорю по телефону... А менять профессию, переучиваться поздно».

Об этом неудачнике я вспомнил в разговоре с Верой Ивановой Герасименко, главным санитарным врачом Заводского района Кемерова.

В. ЗАПОРОЖЧЕНКО

Главный, госуда

— И я таких разочарованных среди моих коллег встречала, — грустно заметила она. — Попутчиками их называю. И правда, видно, ошиблись они при выборе профессии. Да и далеко не ко всем будущим трудностям готовят студентов у нас на санфаках. Как-то облегченно ведут преподавание. Не воспитывают организаторов! А ведь санврач — это прежде всего организатор. Он имеет дело не с отдельными больными, а с большими коллективами здоровых людей...

Говорит Вера Ивановна быстро, напористо, словно и меня хочет сделать своим единомышленником. А ведь, и верно: хочет. Ни одного слова не скажет равнодушно: то с горечью, то с иронией, то с вызовом.

— А быть организатором не каждому дано, — продолжает она. — Тем более что организовывать надо дела, из-за которых бушуют страсти. Из-за твоего «да» или «нет» «горят» чьи-то премии, «заваливаются» планы, а то и рушатся авторитеты... И тебе нельзя идти на сделки с совестью, нельзя быть «добреньким». Ты стоишь на главной магистрали нашего здравоохранения — занимаешься предупреждением заболеваний. Охраняешь здоровье народа...

Маленький стерильный кабинет. Заходят и выходят сотрудники в белых халатах. Один уезжает в 12-ю школу. «Школа новая, сдана была с недоделками, и мы акт Госкомиссии не подписали. Вентиляции нет, подъездных путей нет... А учится там уже 1700 ребят». Другая бригада спешит в 35-й детский комбинат. «Сегодня почему-то детей там меньше, чем обычно. Заболели? Надо выяснять, в чем дело».

Это рано утром удалось поговорить мне с Верой Ивановой на отвлеченные темы — о смысле профессии. А сейчас разгар рабочего дня. Почти беспрерывно звонит телефон.

Да, врач Герасименко тоже мало говорит по-латыни и много говорит по телефону.

— Слушаю вас, здравствуйте! Нет, я вам уже сказала, что мы не разрешим применять этот линолеум в детсаду. Для детей не годится. Понимаю, что вам надо спешить сдавать объект. Но прежде замените линолеум. Где взять? Найдите. Я бы на вашем месте? Я бы нашла! И я бы не спорила. Бесполезно.

— Алло, примите, пожалуйста, телефонограмму. Объединение «Кузбассуголь», товарищу Владимиру. «Вы вызываетесь сегодня в 16.30 в санэпидстанцию Заводского района по поводу санитарных нарушений при строительстве водовода в поселке Пионер». Герасименко подписала. Главный государственный санврач... Правильно, мы не первый раз его вызываем. Редкое головотяпство! Целый поселок без воды оставили.

— Добрый день, с вами говорит Герасименко, председатель районной депутатской комиссии по охране окружающей среды. 22-го у нас заседание. Будем вас, Коксохим, слушать. Готовьтесь.

Из окна видно: у подъезда ждет старенький «газик». Санэпидстанции растянувшегося на десятки километров района надо бы пять, не меньше машин. Положено две. Но в последнее время автохозяйство облздравотдела присылало одну, и то чуть ли не к обеду, после долгих препирательств с диспетчером. Главным транспортом санврачей стал трамвай... Вчера Вера Ивановна побывала у директора автохозяйства. Разъяснила ему задачи санитарной службы. Сказала: «Мне хоть МАЗ давайте, но чтоб я могла район объехать».

Едем по городу.

Своеобразный, динамичный, интереснейший город Кемерово. Один из самых молодых областных центров Сибири. Область создана в суровые годы Великой Отечественной войны. Сюда эвакуированы были многие предприятия из западных областей. Оборудование сгружалось с железнодорожных платформ и размещалось в клубах в школах. Участки начинали работать прямо на улице, цехи строились и одновременно давали продукцию, которую ждал фронт. После войны город вырос вдесятеро, стал крупнейшим индустриальным центром на

востоке нашей страны. Город стал похож на город... Но некоторые следы спешки в размещении предприятий — в их скученности, в их близости к жилым массивам — остались. Почти все «курящие» предприятия собрались в районе, который не случайно назван Заводским.

Мы едем от одной дымовой трубы к другой. Каждое предприятие — родное для санврача Герасименко, каждому отдала она часть своей молодости, своего сердца, своей жизни...

...Вот флагман здешней химии — производственное объединение «Азот». Целый комплекс заводов.

— Есть здесь и детище санврача, так хочется мне иногда его называть... Производство ионообменных смол. Запустили его, когда я в областной санэпидстанции работала, за всю химию области там отвечала... Так вот, на производстве этом с герметизацией никак не получалось. Запиратели всю технологическую нитку в специальные кабины. Чтобы рабочий вел наблюдения извне, через окоца. И только в случае необходимости входил в кабину — с опаской, в противогазе... Но все равно, даже кабины не выручали. Все текло, все дымило... Я и мои помощники, промышленные санврачи, зачастили сюда. Начали изучать технологию, вместе с инженерами думать, что же следует предпринять. Потом по нашей просьбе к исследованиям подключились новосибирские ученые. Мы шаг за шагом добивались изменений. Было смонено почти все оборудование, поставлены так называемые эмалированные реакторы. Специалисты знают: вещь дорогостоящая, зато надежная. Герметизация стала идеальной. Теперь взгляните: нормальный цех, приятно по нему пройти. Никаких кабин и, конечно, никаких противогазов. Даже респираторы не требуются. Рай против прежнего!

...По соседству другое объединение, «Химпром».

— Может быть, читали в газетах про его новинку — диафен ФП, или понятнее — антистаритель резины? Шины с этой добавкой служат дольше, они прочнее и надежнее. Находка! Шинные заводы за нее дерутся. Но, по-моему, в газетах не писали, что готовое производство несколько лет не могло войти в строй, потому что санслужба не давала санкции на пуск. Мы требовали в корне улучшить условия труда, ликвидировать ядовитые стоки. Производственники постарались: заменили многие узлы, нашли завод, который принял на переработку отходы. Выполнили наконец все наши требования. Идет антистаритель!

Помолчав, продолжает:

— Думаете, просто остановить большое производство, не подписать акт Государственной комиссии? Какая тут буря поднимается! Строители: «За что вы лишаете нас премий?! Чем мы виноваты, что заказчик

В. И. Герасименко

Фото автора

рственный...

не финансировал эти самые очистные сооружения?» Заказчики: «Как вы смеете срывать производственный план?! Чем мы виноваты, что проектанты опоздали с документацией?» У проектантов тоже находят веские аргументы... Представьте: прокуренный зал, и человек пятнадцать рассерженных мужчин «призывают к порядку» двух усталых женщин. Меня и Варвару Викторовну, моего зама... Бывает, несогласные заявляют в мой кабинет: «Не уйдем отсюда, пока не подпишете!» Садятся и сидят, работать мешают. Бывает, и домой вечерами названивают...

— Однако не бесхозяйственность ли, Вера Ивановна, что стоят большие и важные производства?

— А я о чем говорю? Бесхозяйственность. Со стороны тех, кто отстал от жизни, кто готов выполнить план любой ценой. В том числе ценой отравления окружающей природы, ценой угрозы здоровью людей.

...Еще химический завод — «Карболит».

— Радость моя — 3-й цех, цех пресспорошка. Там из пресспорошка делают такие таблетки, а из таблеток потом — детали: стоят женщины и штампуют. Работа всегда легкой считалась. Только иногда кое-кто удивлялся: а почему работницы здесь чаще болеют? Мы забыли тревогу. Татьяна Борисовна Черемовская, наш врач из промышленного отдела, провела массу замеров, подключила к исследованиям специалистов, медиков. Оказалось: условия в цехе вредные. Вроде и то мелочь, и это не очень важно, а, взятое все вместе, давало такое неприятное сочетание... НИИ химической промышленности срочно разработал новую технологию, цех обновляется на глазах. Женщины говорят: «Спасибо». И не только с «Карболита». Сейчас впервые за все времена мы составляем перспективный план деятельности санэпидстанции. Заглядываем на несколько лет вперед. И раздел об охране труда работающих женщин — среди первых. Мы с каждого предприятия потребовали план улучшения условий труда женщин. По каждому рабочему месту! Если намерения предприятий недостаточно серьезны, товарищи из нашего отдела гигиены труда вмешиваются, поправляют, помогают.

...Коксохимический завод. Он живописно коптит небо на берегу Томи.

— Сколько работаю, столько воюю с этим небокоптителем. Не место ему в городе. Если бы от меня зависело...

Коксохим — нестихающая боль, большая тревога Веры Ивановны. Построили его в годы первой пятилетки на тогдашней городской окраине. Он был очень нужен для развивающейся металлургии

страны. Что касается охраны среды, то тогда даже термина такого не существовало.

Шли годы. Рос завод, рос город, росли выбросы химических отходов в воздух, которым дышат горожане. Наконец, город обступил территорию Коксохима со всех сторон, дымовые трубы оказались посреди областного центра.

Молодой специалист Герасименко окончила санфак по специальности «Гигиена труда и промышленная санитария». И уж где-где, а на коксохимическом она облазила все закоулки. Убедилась, что считавшаяся когда-то передовой технология давно превратилась в самую что ни на есть отсталую, дедовскую.

По докладу санврачей было сделано заключение: необходимо вынести вредное производство за черту города.

Коксовый главк Минчермета не согласился: дорого, средств нет. Он успокаивал руководителей города тем, что обещал обновить технологию: рядом со старым заводом построить новый.

Наконец «санитары», как в сердцах называют их хозяйственные руководители, пошли на компромисс: «Ладно, стройте, но перед пуском нового завода закройте старый». Это обязательное условие было записано во всех проектных документах.

Увы, оно не выполнено: новый завод вошел в строй, но продолжает чахнуть старый. Санврачи района, города и области не складывают оружия. Им придает силы и уверенности указание XXV

съезда КПСС об охране природы и большая работа, которая начата сейчас общественностью Кузбасса по предотвращению загрязнения реки Томи и воздушного бассейна Кемерово и Новокузнецка.

...Мы возвращаемся на санэпидстанцию Заводского района. Она неподалеку от проходной «Азота». Из окна кабинета главного врача видны дымные шлейфы. Иногда не надо ждать анализов: по цвету шлейфа Вера Ивановна определяет, что в таком-то цехе допущено нарушение, и требует срочных мер.

Снова летучие совещания с сотрудниками, а их на станции семьдесят. Отдел гигиены детей и подростков. Отделы гигиены труда, коммунальной, пищевой гигиены. Эпидемиологический, санитарный... Каждый день, каждый час врачи и их помощники знают, каково «здоровье» района, анализируют массу сведений. Делают выводы, сообщают их учреждениям здравоохранения, исполкому райсовета, другим организациям. Контролируют, как соблюдается санитарное законодательство. Организуют профилактические мероприятия.

Разговоры о предписаниях и штрафах... Вызовы нарушителей, телефонные звонки...

Вдруг в кабинет врывается телефонный звонок, от которого властное выражение на лице главного санврача сменяется мягкой, материнской улыбкой:

— Молодец, Оля. Ладно, остальное дома расскажешь... Что нового на станции? Тоже дома расскажу.

Дочка зачет сдала!

В семье у Веры Ивановны трое ребятишек. Иринке в январе исполнится шесть. Андрей нынче весной закончит десятилетку. А Оля вот поступила — куда бы вы думали? — на санфак Кемеровского медицинского.

Три года подряд поступала и все-таки поступила. Вначале мать ее отговаривала: «Ты же видишь, даже дома мне покою не дают. Видно, не женская это работа...» Не отговорила. Принялись отговаривать родные и знакомые: «Неужели других вузов нет?!» Не поддаивалось. Девушка работала после школы слесарем-сборщиком. И снова и снова готовилась к приемным экзаменам.

Вернулась нынче летом после сочинения, говорит: «А я, мама, свободную тему выбрала. За что я люблю свою профессию, — написала». «Как же ты успела слесарное дело так изучить?!» — удивилась Вера Ивановна. «Да нет, мама. Я о санвраче писала». «О санвраче? Что же ты о нем знаешь?!» «Я тебя знаю. Хочу быть, как ты!».

г. Кемерово.

«ГОРНАЯ ШЕРСТЬ» ТУВЫ

У Зои Тартый-оол в руках «дагду» — «горная шерсть», — так называют издавна тувинцы эти шелковистые белые волокна. Хризотил-асбест — чудесный материал, спрятанный в толще гор.

Зоя работает на комбинате «Туваасбест» имени В. И. Ленина. Сейчас в разгаре освоение сложного современного оборудования. Когда оно завершится, индустриальный гигант а юном городе Ак-Довураке (Белая земля) на западе Тувы будет давать стране в год 250 тысяч тонн ценнейшего сырья — в пять раз больше, чем сегодня.

Ценнейшее. Это не преувеличение. Трудно перечислить все изделия, при изготовлении которых применяется тувинский хризотил-асбест, их больше четырех тысяч. Тут и несгораемые ткани и канаты, костюмы и рукавицы для пожарных, театральные занавесы, кровельный шифер, асбестовый картон, водопроводные трубы, асбестоцементные панели для строительства домов. Без деталей с прожилками тончайших асбестовых нитей не обойтись в авиации и судостроении, в электротехнике, в химической лаборатории...

Здесь, в Ак-Довураке, сложился и растет крупнейший отряд рабочего класса республики. Еще три десятилетия назад тувинцы, по существу, не знали другой жизни, кроме жизни кочевника-скотовода. А религия запрещала им тревожить земные недра, добывать полезные ископаемые.

Сегодня около восьмидесяти процентов тружеников «Туваасбеста» — местные жители. Среди них много женщин. Таких, как Зоя Тартый-оол. Она упаковщица цеха обогащения высокосортных руд. В минувшем году окончила Ак-Довуракский вечерний филиал Асбестовского (Свердловская обл.) горного техникума. Работает отлично. Ударник коммунистического труда.

3. ВЛАДИСЛАВ
Фото автора.

г. Ак-Довурак,
Тувинская АССР.

Наша информация

Юбилей Тамары Ханум

Кто не знает имени Тамары Ханум? Ее творческие вечера и концерты пользовались огромным успехом еще в предвоенные годы.

Выступлений актрисы с нетерпением ждали воины в часы затишья между боями.

А после того, как по всей стране отстремели залпы победных салютов, Тамара Ханум создает новые программы, в которые включены песни (их актриса исполняет на 86 языках) и танцы народов мира.

У каждого танца, у каждой песни своя судьба, в них — частица жизни, частица характера талантливой дочери узбекского народа.

...Ныне Тамаре Ханум семьдесят. Заслуги актрисы высоко оценены: она награждена орденом Ленина.

В январе москвичи — давние поклонники искусства Тамары Ханум — снова встретятся с ней. В программе юбилейных концертов — лучшие номера, созданные актрисой за много лет сценической жизни.

Е. ПАВЛОВА

УЧЕНЫЙ И БАЛЕТМЕЙСТЕР

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР доценту Смоленского медицинского института, кандидату медицинских наук Ирине Константиновне Джавровой за большие заслуги в деле пропаганды балетного искусства и эстетического воспитания молодежи присвоено почетное звание заслуженного работника культуры Российской Федерации.

Ее имя хорошо известно на Смоленщине. Ученый-микробиолог Ирина Константиновна вот уже семнадцать лет работает на кафедре микробиологии медицинского института. И все эти годы совмещает научную работу с руководством самостоятельным театром балета при областном Доме работников народного просвещения.

...Жизнь сложилась так, что воспитанница прославленного Ленинградского хореографического училища имени А. Я. Вагановой Ирина Джаврова не стала профессиональной балериной, но навсегда сохранила любовь к классическому танцу. По ее инициативе и под ее руководством был организован кружок балетного танца, который вскоре был преобразован в студию, с 1974 года он носит почетное звание народного театра.

На сцене этого театра поставлены фрагменты из балетов «Спящая красавица» и «Лебединое озеро» П. Чайковского, «Раймонда» А. Глазунова и «Спартак» А. Хачатуряна.

Перед каждой новой постановкой Ирина Константиновна собирает участников будущего спектакля, знакомит их с творчеством композитора, рассказывает об идее балета, разрабатывает мизансцены. Только после этого начинается кропотливая работа с солистами и кордебалетом.

В труппе театра люди самых разных профессий: работницы, студенты, учителя, торговые работники... Театр знают и любят не только в городе. В минувшем году его артисты дали более шестидесяти выездных концертов в рабочих и сельских клубах области.

А. ДЛУГАЧ
Фото автора.

КРОВНЫЕ СЕСТРЫ

Валентина Сибирева болела долго и тяжело. Сначала лежала в больнице у себя в Гулистане, потом ее перевели в Ташкент, в специальную клинику, где врачи делали все возможное, чтобы спасти молодую женщину. Лечение потребовало самого драгоценного лекарства: живой крови. Причем в количествах, которые не могли обеспечить запасы клиники.

«Вале нужна кровь. Немедленно! Сегодня!» Эта весть быстро разнеслась по Гулистанской швейной фабрике, где работала Сибирева до болезни. Из всех цехов шли а фабком к председателю Людмиле Корневой женщины. Совсем юные и пожилые. Работницы, техники, инженеры. Выбрали

пятнадцать — самых здоровых и крепких.

В тот же день фабричный микроавтобус привез их в Ташкент, в больницу. Валя и смеялась и плакала, обнимая Таню Карпухину, Юлию Брот, Светлану Нам, Зою Юсупову, Розу Османову, своего уважаемого бригадирку Н. Абрамову и остальных подруг.

Валентина поправляется. Теперь в ее жилах бежит, несет выздоровление кровь узбечки и кореянки, украинки и татарки, русской и немки — всех пятнадцати дорогих сестер по крови, по жизни.

Геннадий НОВИКОВ

г. Гулистан, Узбекская ССР.

ЗОЛОТОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ

Спортсмены пятнадцати стран приняли участие в первом мировом чемпионате по подводному плаванию, состоявшемся в Ганновере (ФРГ). Шесть золотых медалей и звание чемпионки мира по плаванию в ластах привезла с этих соревнований двадцатилетняя горьковчанка Татьяна Антонова, победившая на дистанциях 200, 400, 800, 1500 метров и в эстафетах 4 × 100 и 4 × 200.

С. МИХАЙЛОВА
Фото Л. Шапиро.

Перенимая опыт

По приглашению Комитета советских женщин в нашей стране побывала женская делегация из ГДР.

— Нас особенно интересовало, как реализуется социальная программа десятой пятилетки, принятая XXV съездом КПСС,—сказала глава делегации Кристель Бюхнер, член правления Демократического женского союза Германии.—Встреча с работниками промышленных предприятий, комбината бытового обслуживания, беседа с членами комиссии ВЦСПС по работе среди женщин, сотрудниками Министерства бытового обслуживания Украины и Министерства просвещения РСФСР, посещение школ, где есть группы продленного дня,—все это дало возможность получить полное представление о том, какие условия созданы в Советском Союзе для труда и быта женщин, как государство помогает им в воспитании детей.

Члены делегации рассказали о мероприятиях, намеченных IX съездом Социалистической единой партии Германии по улучшению положения работающих женщин, и о той идеологической работе, которая ведется в ГДР для повышения роли женщины в обществе.

Уже сейчас половина ребятшек в возрасте до 3 лет посещает ясли, а детских садах воспитываются 82 процента дошкольников, 70 процентов учащихся первых—четвертых классов занимаются в группах продленного дня. Это во многом определяет успехи, достигнутые женщинами страны в труде, в управлении производством и государством.

Все больше женщин выдвигается на руководящие посты. Сейчас каждый четвертый руководитель производственного подразделения и каждый третий член правления кооператива—женщина.

На встрече в Комитете советских женщин заместитель председателя Комитета К. С. Проскурикова говорила об общности в подходе к решению проблем работающих женщин в СССР и ГДР, о необходимости и дальше укреплять дружеские связи женской общности наших стран.

В. БЕЛОВА

На снимке: делегация женщин ГДР в КСЖ. Справа—Кристель Бюхнер.

Фото В. ГРЕВЦОВА.

ЕЩЕ ОДНА «УЛЫБКА»

В Днепродзержинский городской клуб женщин «Улыбка» пришло письмо из Болгарии. «В журнале «Работница» мы прочитали о вашем клубе и решили у себя создать такой же,—писали подруги из города Ямболов.—Расскажите поподробнее, как вы проводите вечера...»

И вот снова весточка: «Спасибо за советы и помощь,—пишет Йованка Шиварова, председатель городского женского совета.—Мы уже провели первую встречу женщин нашего города. Назвали свой клуб тоже «Улыбка», по-болгарски «Усмевка». Председа-

телем избрали Маргариту Гушерову. Она руководит клубным советом, который состоит из трех секций: патристическое и интернациональное воспитание, эстетика и культура, спорт и здоровье. Сейчас готовим несколько вечеров, один из них посвящаем дружбе болгарского и советского народов.

Желаем женщинам Днепродзержинска здоровья и счастья».

В. КРАЙНЮК,
председатель клуба женщин
«Улыбка»

г. Днепродзержинск.

АКТРИСА

На снимке: сцена из кинофильма «Цена счастья». Гольхор—Шукуфа Юсупова.

А. АЗЕРНИКОВА

Молодая актриса Шукуфа Юсупова, недавно закончившая Азербайджанский институт искусства, снялась в новом фильме «Цена счастья», картина создана на студии «Азербайджанфильм» лауреатом премии Ленинского комсомола Азербайджана драматургом и режиссером Гасаном Сөидбейли.

— Роль Гольхор, современной молодой девушки, вступающей в борьбу с пережитками прошлого,—сказал мне режиссер,—первая серьезная работа начинающей актрисы. Чем привлекла меня, режиссера, Шукуфа? Прежде всего необыкновенной эмоциональностью, искренностью и чувством меры—она никогда не переигрывает. При этом она скромна, трудолюбива, взыскательна. И я очень рад, что не ошибся в выборе исполнительницы.

ПЯТАЯ ПОБЕДА

В Горьком прошли очередные Всесоюзные соревнования по женской гимнастике среди команд предприятий, учреждений и Дворцов культуры профсоюзов на приз журнала «Работница». Эти соревнования организованы Всесоюзным советом ДСО профсоюзов.

23 команды из 18 городов страны а пятый раз оспаривали приз журнала, и в пятый раз он достался команде производственного трикотажного объединения «Марат» из Таллина. Вторыми были преподаватели института искусства имени Музыченко из Кишинева, третье место заняла команда Дворца культуры текстильщиков из Иваново.

В составе команды-победительницы четыре работницы и два инженера. Лишь одна из участниц—Урве Тонто—выступала на всех соревнованиях. Остальные—новички: занимаются женской гимнастикой один-два года. Тренер команды Валли Тарвас всякий раз к соревнованиям готовит новых участниц—благо, возможности для этого есть, на «Марате» редко кто из работниц не увлекается женской гимнастикой. Видимо, массовость этого прекрасного, чисто женского вида спортивно-оздоровительной работы, сложившиеся на «Марате» традиции и помогают таллинцам побеждать. И еще, конечно же, особо изящная, мягкая манера выполнения упражнений, согласованность и четкость движений.

Соревнования в Горьком показали растущую популярность женской гимнастики в стране. Ее поклонниц становится все больше. В составе команд выступали швеи и продавщицы, шлифовщицы и инженеры, преподаватели и медицинские работники. Впервые боролись за приз журнала работницы швейной фабрики имени 8 Марта из Павлодара Казахской ССР, Волжского автозавода из Тольяти, волгоградского универмага и многие другие. Возраст участниц соревнований самый разный—от 20 до 40 лет. Были тут и мамы, воспитывающие двоих, а то и больше детей. Инженер-конструктор из Свердловска Л. Черепанова, старший научный сот-

рудник из Томска Л. Коршунова, шлифовщица из Ростова-на-Дону Г. Степанова (у каждой трое ребятшек) вполне серьезно утверждают, что справляться с работой, домашними делами, находить время для занятий с детьми помогает им женская гимнастика—резерв бодрости и хорошего самочувствия. Памятный приз соревнований получила самая «многодетная» команда Дома спорта ДСО «Спартак» из Свердловска: на шесть мам здесь приходится пятнадцать детей.

Памятный приз за энтузиазм увезла вторая команда свердловчан, самая «старшая» по возрасту, что, кстати говоря, ничуть не отразилось на качестве выступлений.

Хозяева соревнований—горьковчане—позаботились о том, чтобы никакие организационные неполадки не омрачили праздничного настроения. Гостей встречали радушно, окружали заботой и вниманием. Соревнования проходили в великолепном Дворце спорта «Сормович». Завершился праздник массовым показательным выступлением команд-победительниц.

И все же не праздником и азартом соревнований привлекает женская гимнастика. Ее главные «рекорды»—радость, бодрость и здоровье тысяч женщин. Права Людмила Воронова, доцент кафедры электростанций Томского политехнического института, давняя энтузиастка женской гимнастики (кстати, с успехом выступившая на последних соревнованиях):

...И после лекций,
после дел домашних
Не нам у телевизоров сидеть!
Бежим в спортзалы,
в юность, в день вчерашний—
И вправду начинаем молодеть!

Г. ВАСИЛЬЕВА, инструктор
Всесоюзного совета
ДСО профсоюзов

На снимке: победительница соревнований—команда таллинской фабрики «Марат» с призом журнала «Работница».

Фото И. СОБОРОВА.

Рисунок Ю. Вечерского.

Людмила УВАРОВА

ОДНАЖДЫ

Рассказ

Было холодно, дул острый, не весеннему колючий ветер, и лужи, которые остались от вчерашнего дождя, покрылись дрожащей рябью; а просветах неба, хмурого, предвещавшего новый дождь, может быть, еще более густой и щедрый, чем вчерашний, мелькало изредка что-то голубое, робко светящееся, но тут же его заглатывали сердитые тучи, ветер становился словно бы еще злее, а небо еще сумрачней.

Я шла по дорожке, ведущей от входа в парк Сокольники к пруду. Безлюдные аллеи казались нахохлившимися, тоскующими, как бы напрочь утратившими веру в весну, в солнце, в теплые дни, за которыми неминуемо следуют тихие вечера с прохладным, погребным запахом нагретой за день и медленно остывающей зелени, с постепенно гаснущим закатом, с веселым роем пляшущей мошкеры — предвестником доброй погоды на завтра...

Изредка мне попадались прохожие, они поспешно шагали, торопясь опередить грозивший вот-вот разразиться дождь.

Я шла все дальше, в глубь парка, вбирая в себя приметы жизни, которой необратимо суждено обернуться когда-нибудь далеким прошлым.

Навстречу шел высокий, немного сутуловатый старик в длинном черном пальто и черной шляпе. Через плечо у него висел транзистор на длинном ремне, и он, чуть склонив голову набок, слушал негромкую музыку. Старик сел на ближайшую скамейку. Я опустилась рядом. Он и головы не

повернул в мою сторону, захваченный музыкой.

Это был «Славянский танец» Дворжака. Печальный, но в то же время исполненный затаенного торжества звуки раздавались в пустынной аллее и казались продолжением притихших деревьев с ветками, полными набухших, готовых раскрыться почек, низко нависшего неба, быстрых, стремительных туч, бегущих друг за другом...

Искоса время от времени я посматривала на старика. Ведь по себе знаю, музыка способна разбудить в душе многие чувства, даже и такие, которые казались давным-давно похороненными, навсегда сгинувшими...

Однако он слушал песни, сменявшие друг друга, все с тем же надменно-невозмутимым выражением лица. Как обведенный гуашью, четко рисовался его профиль — прямой, с мясистыми ноздрями нос, тяжелые веки, полуприкрывающие глаза, небрежно выбритая щека. И только ухо, небольшое, аккуратно вылепленное, просвечивавшее розоватым, казалосьсь нежиданно молодым, решительно не подходившим ему, как бы взятым у кого-то другого...

Я понимала, он чувствует мой взгляд. А я все глядела, не могла оторваться, потому что в рисунке щеки, в сжатых губах, в усталом взгляде, устремленном куда-то далеко, чудилось знакомое, уже не раз виденное...

И вдруг я узнала его. Да, когда-то я видела его каждый день, иногда и по нескольку раз в день. С тех пор, как мы не встречались, прошло 30 лет, добрых и недобрых, всяких.

У него тогда были темные, очень густые волосы и почти ни одной морщины, и глаза не усталые, словно притушенные, как теперь, а ясные, открытые, быстрые...

Чем дольше я глядела на него, тем более отчетливо, более зримо, будто не было всех этих лет, вспоминала: когда он начинает говорить, то сперва взмахнет ладонью, как бы в подтверждение своих слов, и будет глядеть прямо в глаза собеседника, часто встряхивая волосами. Волнуясь, он прикусит нижнюю губу, и глаза у него станут темнее, а задумавшись, он долго и рассеянно станет потирать ладони одна о другую и напевать что-то про себя...

Как же я не узнала его сразу, как только увидела? Почему? Ведь мне нельзя этого забывать. Никогда, ни за что нельзя забывать...

Он повернулся, спросил серьезно, как бы заранее зная мой ответ:

Наверно, вам мешает музыка?

Голос тот же, с хрипотцой, как у заядлого курильщика, хотя, кажется, он не курил.

— Простите,— повторил он.— Я спросил, вам, должно быть, мешает музыка?

И улыбка та же, чуть застенчивая, словно он робеет, не зная, ответят ли на его улыбку...

Все эти годы он так часто вспоминался мне: я мысленно говорила с ним и слушала его; он раз и навсегда вошел в мою душу, и я была уверена, что он останется со мною до самого моего конца...

Я глянула на его руки и тоже узнала их — широкие ладони, крепкие, не постариковски гибкие пальцы с коротко остриженными ногтями. Помнится, они гла-

Печатается в сокращении.

дили меня по голове, его руки, вынимали градусник, давали лекарство—таблетки всевозможного розового цвета—и вытирали мне рот, когда я пила молоко, и протягивали конфету, и сажали на кровать так, чтобы мне было удобно...

Однажды его руки приподняли меня с кровати и понесли, а кто-то другой, я теперь уже забыла, кто, сложил мою кровать—она была складная, специально приспособленная для таких детей, как я,—и тоже понес ее. А потом он положил меня на кровать, погладил по голове, улыбнулся, впервые у него улыбнулись одни губы, а глаза оставались строгими и печальными, сказал торопливо:

— Не бойся, я сейчас приду...

Накрыл меня марлевым пологом, чтобы комары не кусали, и ушел, и опять пришел, и еще кого-то принес на руках...

Было это в лесу, в вышине что-то гудело и грохотало—позднее нам сказали, это были фашистские самолеты, которые хотели убить всех ребят, а он не дал, он вынес нас из дома, да, наверное, не он один, просто я не помню больше никого, и отнес в лес, и там, в лесу, было, должно быть, все-таки спокойней, чем в доме.

Его звали Алексей Кондратьевич, а мы его звали дядя Лека.

Я повернулась к нему и сказала:

— Здравствуйте, дядя Лека!

Он вздрогнул, снял шляпу (как же у него поседели волосы!).

— А вы... вы кто?—спросил он.

Пальцы его между тем нажали кнопку транзистора, и музыка умолкла.

Я назвала себя.

— Помните меня?

Я предвидела его ответ. Что ж, ничего удивительного, столько лет пробежало, и я, надо думать, изменилась...

— Нас там было что-то около ста,—сказала я.

— Сто одиннадцать,—поправил он.

— А я все помню. Помню, как вы несли меня в лес, чтобы укрыть там от налетов, и всех остальных ребят тоже вы несли в лес, только не помню, кто нес наши кровати.

— Истопник Сережа, он был на протезе, безногий, потом санитарка Настя и молодые врачи Вадим и Миша.

— Никого я не помню,—продолжала я.—Только одну женщину хорошо запомнила, она была толстая, и вокруг головы коса, и она в лесу давала нам молоко...

— Это сестра Капа.

— Как-то она рассердилась на меня: «Вот лышенько мне досталось...»

Он улыбнулся.

— Вас было много, она одна, иной раз терпения не хватало.

— А почему же у вас всегда хватало терпения на всех нас?

— Разве? Да нет, должно быть, тоже, случалось, срывался...

— Нет,—сказала я.—Чего не было, того не было, вы ни разу ни на кого не повысили голос. Ни одного раза!

Он смотрел на меня, сдвинув брови, глаза его потемнели.

— Скажи, у тебя была сестренка? Да?

— Была,—ответила я.—Нина, помните? Она приезжала с мамой ко мне из Ленинграда.

— Однажды она привезла тебе «Мойдодыра» Чуковского?

— Верно. И я прятала «Мойдодыра» под подушку.

— И тогда, когда тебя принесли в лес, ты взяла с собой книжку.

— Так вы же все помните,—воскликнула я.—Вы же ничего не позабыли!

— Какой был страшный налет тогда,—сказал он.—Над нашим домом висел флаг с красным крестом, и на крыше мы, врачи, вывели: «Детский костно-туберкулезный санаторий»,—а фашистские лётчики сбросили на эту самую крышу столько зажигалок!

— И вы их тушили?

— Нет, я был в лесу, с вами, их тушили другие врачи...

— А где тетя Капа?

— Живет под Челябинском; и Сережа жив, он в Москве, а Настя умерла. Миша позднее пошел на фронт, погиб в боях за Ростов, а Вадим жив. Хочешь его видеть?

— Хочу, хотя смутно его помню...

— Увидишь—вспомнишь, вот так, как я тебя вспомнил...

— Ну, не сразу...

— Чего же ты хочешь? Как ни говори, годы...

— Зато я вас сразу узнала, несмотря ни на какие годы...

— Ты моложе, у тебя глаз острее.

— Мы встречаемся каждый год здесь, в Сокольниках, возле пруда, в день Победы,—помолчав, продолжал он.—Те, кто остался жив и кто в это время здесь, в Москве...

— Я тоже приду, можно?

Вместо ответа он поднял руку и провел ладонью по моей голове, и мне вдруг почудилось, что не было всех этих лет. Не было последующей жизни, мы снова вернулись с ним обратно, назад, в те первые дни войны, и, я маленькая, беспомощная и в то же время крепко-накрепко защищенная от злых людей, от комаров, от самого неба, ставшего внезапно страшным, прижимаюсь к его плечу. А он бережно держит меня на своих руках, и пахнет от него знакомым надежным запахом—йодом, землей, хвоей. Он глядит на меня своими карими глазами, которые изо всех сил стремятся быть веселыми и спокойными, а это им не очень-то удается, и говорит, говорит своими характерным говорком—с неясной буквой «л» и раскатистым, просторным «р»:

— Не бойся, милая, все будет хорошо, все будет хорошо...

Чем отплатить мне за его бесценную доброту, за беззаветное стремление сохранить мою жизнь, сберечь меня, успокоить, защитить?

Какие отыскать слова, чтобы он понял: я никогда не забывала его, я буду постоянно, пока жива, любить его...

Мимо пробежал мальчик, снисходительно оглядел нас и убежал по каким-то своим, никому, кроме него, неведомым делам. Мы проводили его взглядом. И дядя Лека сказал:

— Ты была тогда вроде бы такая же, не правда ли?

Я кивнула. Он снова погладил меня по голове, улыбнулся. А я заплакала. Я не плакала, когда он спас меня, унес в лес, под прикрытие деревьев. И позднее не плакала, когда нас, всех сто одиннадцать детей, посадили в вагоны и отвезли на восток, в Сибирь. Дядя Лека стоял на перроне и говорил что-то, что уже и не вспомнить, а мы уезжали с другими врачами. Тогда была глубокая осень, кажется, кто-то заплакал, а я нет, не плакала...

А сейчас не сумела совладать с собой. Я всхлинула и, словно маленькая, крепко держала его руку обеими ладонями, и он не утешал, не уговаривал, смотрел на меня молча и, подобно мне, должно быть, не чувствовал, как время от времени каплет сверху на нас пока еще редкий дождь, который вот-вот разойдется всюю...

НТР

И ТРУД ЖЕНЩИНЫ

Научно-техническая революция пришла на наши предприятия, изменила характер работы, а заодно и сам быт, уклад жизни. Все планы нынешней пятилетки тесно связаны с прогрессом науки и техники. И личная пятилетка каждой работницы немалыми без него.

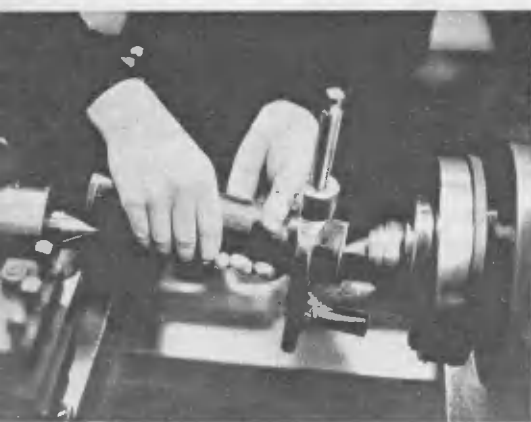
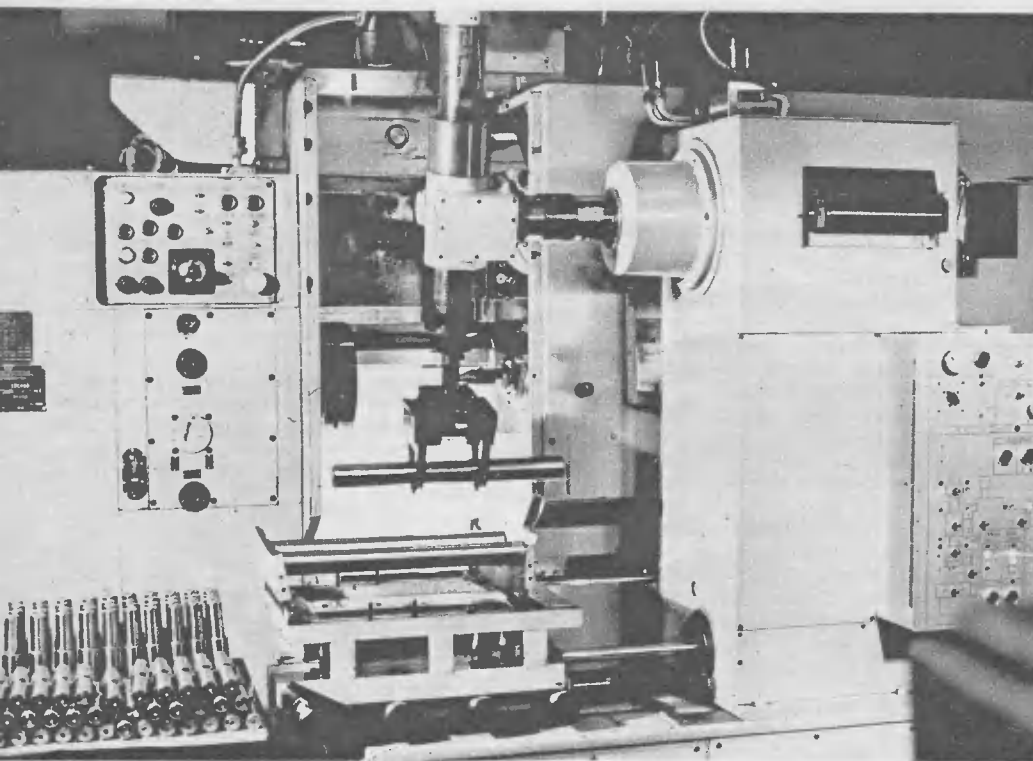
Что же несет НТР женщинам-работницам? Как изменятся в ближайшее время их профессии, как улучшатся условия труда? Об этом наши читатели узнают из материалов, публикуемых под новой рубрикой: «НТР и труд женщин».

РОБОТЫ ИДУТ НА ПОМОЩЬ

...Прессовый цех любого машиностроительного завода. Шум ухажущих многотонных прессов, лязг готовых деталей. У прессов—за малым исключением—женщины. Прессовщица—одна из самых массовых женских профессий. Работа несложная: взять заготовку, подставить под пресс, нажать кнопку, вытащить готовую деталь, сбросить обрезки и снова взять заготовку... сто, двести, триста, пятьсот раз в смену. Про такую работу обычно говорят—механическая. Особый смысл в этом слове—тут и укор и надежда: придет время, и эту работу будет выполнять именно механизм. И это время пришло.

1977 год. Воронежский завод «Электросигнал»—тот же прессовый цех. Здесь штампуют шасси для телевизоров. Но не человеческая, а уже механическая рука подкладывает заготовку под пресс, снимает готовую деталь, убирает обрезки. В этом году здесь будут установлены роботы-операторы, созданные Экспериментальным научно-исследовательским институтом кузнечно-прессового машиностроения. Они заменят работниц. А бывшие прессовщицы овладеют новой профессией—операторов. Работа их станет интереснее, содержательнее и намного производительнее. Зона обслуживания значительно шире.

Еще совсем недавно слово «робот» встречалось лишь в научно-фантастических романах да в трактатах ученых. Роботы были объектами и участницами только лабораторных экспериментов. Теперь роботы перешагнули порог цеха. В наш обиход вошло новое слово—робототехника. Слово это недаром прозвучало на XXV съезде при обсуждении «Основных направлений развития народного хозяйства на 1975—1980 годы». В числе первоочередных задач пятилетки и на съезде и на октябрьском Пленуме ЦК КПСС названа такая—создание техники, резко сокращающей тяжелые ручные

Эти снимки наш фотокорреспондент сделал в цехе Серпуховского опытного завода ЦБКМ имени 8-летия Октября. Здесь установлен первый в стране комплекс — станок-робот с программным управлением. Еще недавно много раз за смену руки работницы ставили и снимали детали. Теперь это делает механическая рука робота, объединенного с автоматизированной системой подачи заготовок и складирования готовых деталей. А токарь Люба Семенова, которая прежде выполняла эти операции вручную, теперь работает программистом в отделе главного технолога и учится заочно в машиностроительном институте: для управления новой техникой нужны знания.

работы как в основном, так и во вспомогательном производстве.

Роботы, начавшие трудиться в цехе воронежского «Электросигнала», первые из многочисленной шеренги механических помощников, которые придут на заводы в нынешней пятилетке.

Наш корреспондент **Ольга Снегова** попросила старшего инженера отдела станков с программным управлением Министерства станкостроительной промышленности СССР Бориса Сократовича **КАРАЛОВА** рассказать читателям об этих перспективах подробнее.

Б. С. Каралов. За понятием «промышленный робот» скрываются самые различные системы. Всех их объединяет одно — они заменяют человека там, где он выполняет тяжелую и монотонную работу. В десятой пятилетке нашему министерству дано задание организовать серийное производство автоматических комплексов, состоящих из технологического оборудования и роботов, управляемых от единой системы числового программного управления или ЭВМ. И мы сейчас свидетели становления робототехники.

Корр. Борис Сократович, где больше всего ждут роботов, куда они «придут» в первую очередь?

Б. С. Каралов. В те заводские цехи, где мы до сих пор миримся с нетворческой, механической работой. Поясню на примере. Как, скажем, производят окраску изделий? Кстати, на этой операции заняты, как правило, женщины. Работают ли они с пульверизатором, или кистью — им не избежать постоянного контакта с красками. Малейшим приходится надевать маски, а помещения оборудовать сложными и дорогими вентиляционными устройствами. Вот эту операцию мы думаем в ближайшее время поручить роботам — автоматическим манипуляторам.

Или возьмем кирпичный завод. Там обязателен такой процесс — пропаривание и обжиг кирпича. Для этого кирпичи нужно складывать в пирамиды. Тысячи штук за смену поднять, положить, снова поднять. Сколько кирпичей может захватить человеческая рука? Одинадцать. А механическая поднимает одновременно пять-шесть, причем берет их прямо из печки, горячими. И при этом не устает. Сколько высвободится человеческих рук для более сложной и производительной работы!

Корр. А какое облегчение труда принесут роботы женщинам машиностроительных предприятий?

Б. С. Каралов. Создан промышленный робот, который обслуживает прессы. Такой тех-

нический участок, как вы уже знаете, начнет работать на воронежском заводе «Электросигнал».

Но роботам по плечу и более тонкая работа. Они переключают хрупкие кинескопы телевизоров на московском заводе «Хроматрон», устанавливают на конвейер десятки — пятнадцатикилограммовые заготовки для них. Внедрение роботов обернется немалой экономической выгодой. Но главный выигрыш, конечно, в том, что сократится список монотонных и тяжелых профессий.

Роботы, которые уже начали «проходить производственную практику» на московском опытном заводе «Станкоконструкция», заменили токарей и фрезеровщиков. По заданной программе манипуляторы устанавливают заготовку на станок, включают его, сами снимают и складывают готовые детали.

Но все это только начало. Так называемые промышленные роботы первого поколения. В основном для вспомогательных операций. Они имеют простые системы управления. И пока умеют и знают гораздо меньше, чем будут уметь и знать роботы, скажем, лет через пять.

Какими же будут роботы следующих поколений?

Этот вопрос корреспондент «Работницы» задавал доктору технических наук, профессору Арону Ефимовичу **КОБРИНСКОМУ**.

А. Е. Кобринский. Мы работаем над роботами второго поколения, которые будут наделены собственными «органами чувств». Механизм сможет «видеть» деталь, «ощупать» ее... Таким механизмом можно доверить более сложные и ответственные дела. Начну с простого примера. Чтобы напиться воды из автомата, достаточно опустить монету, подставить стакан и нажать кнопку. На долю человека приходится совсем пустяковая работа. Примерно такими же мы стремимся сделать отношения между рабочими и машинами на производстве. Через несколько лет на предприятиях самых разных областей будут действовать тысячи роботов, которые будут понимать приказы своих хозяев «с голоса». Они будут способны выполнять не только механическую работу, но и принимать самостоятельные сложные решения. «Мозгом» их станут компьютеры. Предстоит научиться составлять для механических помощников программы действий, сделать роботы компактными, удобными и дешевыми. Такие механизмы заменят, например, сборщиц на конвейерах часовых заводов. И это уж не такое далекое будущее...

Корр. В заключение еще один вопрос: дождется ли мы, хозяйки, такого дня, когда роботы будут встречать нас после трудового дня в сияющей чистоте квартире? Ведь и домашний труд тоже во многом утомителен и однообразен.

А. Е. Кобринский. Понимаю и сочувствую. Но должен вас огорчить. Ученые, инженеры пришли к выводу, что легче автоматизировать сложный и трудоемкий промышленный процесс, чем домашнюю работу. Пока никакой механизм не может сравниться с человеком, готовящим, скажем, обед. Проследите-ка сами, сколько самых разнообразных и точных движений совершаете вы при этом. И сколько надо выдумки, чтобы приготовить вкусное блюдо! Признаюсь, конструкторы пока не готовы создать робота-домохозяйку. И, наверное, если кто и создаст такую машину — так это будет женщина! Но конструировать всякого рода вспомогательные машины — стиральные, уборочные, посудомоечные — и совершенствовать их мы будем.

Итак, начало положено — роботы идут в цехи, и труд женщин становится легче.

Пусть таких помощников будет больше!

По собственному ли желанию?

Письмо в редакцию

Уважаемая «Работница»!

Как работнику отдела кадров мне нередко приходится встречаться с людьми, увольняющимися с работы «по собственному желанию». И не раз оказывалось, что увольнялся человек вовсе не по собственному желанию, а по желанию какого-либо руководителя, увольнялся как «несработавшийся»... О таком возмутительном случае и решил вам написать.

Есть во Фрунзенском отделении Казахской железной дороги станция Мерке. Ее возглавляет Таджибай Тентемишев. На станции приемосдатчицей груза работала Александра Матвеевна Голеницкая. Первого ноября 1975 года она не вышла на работу — провожала сына Бориса на военную службу. Хочу отметить: Борис Голеницкий работал монтером связи на той же станции Мерке. Он пришел в этот коллектив, окончив десятилетку. Именно здесь, где работала его мать, он решил начать свою трудовую биографию. И, казалось бы, вполне естественно было увидеть такую картину: местком профсоюза организует торжественные проводы в армию молодого рабочего. Начальник станции произносит доброе напутствие, выражает надежду, что после окончания службы юноша вернется обратно в их трудовой коллектив. Товарищи вручают будущему воину памятный подарок, а матери его, Александре Матвеевне, говорят теплые, ободряющие слова.

Но нет, ничего подобного в Мерке не бывает, не было такого и на этот раз. Мать провожала сына е ряды Советской Армии в одиночку. Более того, когда на следующий день она пришла на работу, начальник станции Т. Тентемишев встретил ее словами: «Пишите объяснительную, почему прогуляла».

Александра Матвеевна была поражена: ведь за несколько дней до проводов сына она ставила в известность начальника станции. Но Тентемишев стоял на своем: «Не напишете, передам дело в товарищеский суд».

Горькая обида обожгла Голеницкую. Вместо объяснительной она написала: «Прошу уволить по собственному желанию». Тентемишев тут же наложил резолюцию: «Уволить». Ни минуты не сожалел он о том, что не постарался сохранить нужного производству работника. Не задумался он и о состоянии вынужденной уволиться женщины.

Что руководило при этом начальником станции? Принципиальность? Зависть к трудовой дисциплине? Не думаю. Будь Тентемишев человеком чутким, заботящимся о здоровом психологическом климате в своем коллективе, он мог бы пойти навстречу работнице, никак не нарушив при этом трудового законодательства — дать отгул, предоставить, наконец, выходной за свой счет. Ведь причина-то была уважительная! Знал также Тентемишев и о том, что Голеницкая к своим трудовым обязанностям всегда относилась добросовестно.

Здесь важно отметить следующее: когда дело касалось его личных интересов, интересов его семьи, от принципиальности Тентемишева не оставалось и следа. Так, например, в августе того же 1975 года жена Тентемишева, работавшая на станции приемосдатчиком багажа, не выходила в течение нескольких дней на работу. У нее не только никто не потребовал оправдательного документа, но и полностью выдали ей зарплату.

Такая несправедливость еще более усугубила обиду Голеницкой. Она поехала во Фрунзе. Было похоже, что во Фрунзенском отделении дороги ее поняли. Во всяком случае, в Мерке звонили начальник грузового отдела К. Садчиков и начальник отдела кадров А. Шергалиев. Они предложили Тентемишеву уладить конфликт и оставить Голеницкую на прежней должности. Окрыленная вернулась

Александра Матвеевна в Мерке, но никакого улаживания конфликта не состоялось.

Вот с этого времени и началась тяжба Голеницкой с Фрунзенским отделением железной дороги, которая длится до сих пор: не может женщина смириться с несправедливостью.

Недавно я как работник отдела кадров отделения дороги получил от исполняющей обязанности начальника отдела кадров Л. Н. Пчеленко задание — подготовить ответ на заявление Голеницкой, поступившее (в который раз!) из Верховного суда Киргизской ССР. Познакомившись с копиями ответов, которые мы отправляли раньше, я обнаружил, что ни чем иным, как отписками, их назвать нельзя. Вот один из них, датированный 5 февраля 1976 года:

«Станция Мерке, ул. Комарова, 8, А. М. Голеницкой. Копия: Алмата, начальнику Казахской железной дороги Г. Виноградову. Уважаемая Голеницкая А. М.! Установлено, что уволились вы с работы по собственному желанию, хотя товарищи по работе просили вас не увольняться. Невыход на работу приемосдатчицы багажа Н. Тентемишевой в августе прошлого года имел место. Заработная плата, полученная за эти дни, будет внесена ею обратно в кассу.

Заместитель начальника Фрунзенского отделения дороги С. Соодонбеков».

А вот следующий ответ, датированный 11 мая 1976 года, то есть спустя три с лишним месяца:

«Заместителю председателя Верховного суда Киргизской ССР тов. Галкину А. Копия: тов. Голеницкой А., ст. Мерке, Комарова, 8.

Тов. Голеницкая уволена по собственному желанию, несмотря на то, что руководство Фрунзенского отделения первоначально не давало ей согласия на увольнение.

Случай незаконного получения заработной платы тов. Тентемишевой имел место. В настоящее время данный случай будет расследован линейным отделом милиции станции Пишпек.

Начальник Фрунзенского отделения дороги В. Иванов».

Как будто все хорошо, но... Интересно у бухгалтера расчетной группы А. Пятковой, вернула ли «долг» Н. Тентемишева. В ответ слышу:

— Удерживать из зарплаты Н. Тентемишевой за невыходы в августе 1975 года без приказа начальника отделения не могу...

Связываюсь с В. Зотовичем, начальником линейного отделения милиции станции Пишпек:

— Материалы на Тентемишевых в отделение пока не поступали. Поступят — разберемся.

Но сколько же времени будет длиться это «пока»? Похоже, что руководство отделения дороги и не собирается привлечь к ответственности Т. Тентемишву, начальника станции Мерке, от действий и поступков которого зависит нравственная атмосфера в руководимом им коллективе. Да и вся эта бюрократическая круговерть, состоящая из отписок, разве может создать предпосылки для оздоровления психологического микроклимата? Эти соображения я высказал заместителю начальника отделения С. Соодонбекову, он не понял меня и посоветовал: «Напомните А. Голеницкой снова, что она уволилась по собственному желанию...»

Но готовить отписку мне не позволяет партийная совесть.

Б. ПОЛЕНИН,
старший инженер отдела кадров
Фрунзенского отделения Казахской ж. д.

ОТ РЕДАКЦИИ

Готовя письмо Б. Поленина к печати, редакция познакомила с ним секретаря ЦК профсоюза рабочих железнодорожного транспорта П. Н. Попова. По его поручению во Фрунзе срочно выехал председатель Дорпрофсожа Казахской железной дороги Р. Т. Турганбаев. Факты, изложенные в письме Б. Поленина, полностью подтвердились. Более того, проверкой установлено, что начальник станции Мерке Т. Тентемишев попустительствовал нарушениям трудовой дисциплины, пьянству подчиненных на рабочих местах, следствием чьего явилось хроническое отставание станции в выполнении планов перевозок, брак в маневровой работе. Злоупотребляя служебным положением, он не только скрывал невыходы на работу своей жены, но и сам совершал прогулы. Приказом начальника Фрунзенского отделения Казахской железной дороги

тов. Иванова Т. Тентемишев от занимаемой должности освобожден и переведен дежурным по станции Мерке.

Истина восторжествовала: Т. Тентемишев наказан, А. Голеницкой предоставлена возможность вернуться на работу в коллектив станции. Но остается неясным, почему руководители Фрунзенского отделения Казахской железной дороги в течение почти двух лет игнорировали жалобы простой работницы, почему не прислушались к мнению коммуниста Поленина, подошедшего к этой затянувшейся истории принципиально? Думается, руководство Казахской железной дороги и партийные органы г. Фрунзе призывают к ответу виновников этой волокиты. Ведь только благодаря их попустительству так вольготно жилось на станции Мерке Т. Тентемишеву.

«В школе мы знакомимся с Основными направлениями пятилетнего плана. А ведь это наша пятилетка: тот, кто после десятого класса пойдет работать или поступит в техническое училище, да и восьмиклассники, собирающиеся в ПТУ, успеют в этой пятилетке поработать. Мы знаем, как много внимания будет уделяться выпуску станков с программным управлением, развитию электронной техники, созданию робототехники, лазерных приборов. Все это заманчиво. Рабочие каких профессий здесь потребуются? Какие училища их готовят?»

Нина РОДИОНОВА.

г. Харьков.

Вопросы, которые поставила Нина Родионова, волнуют, наверное, многих из тех, для кого наступивший год станет едва ли не самым важным в жизни: год выбора пути, год самоопределения. Потому мы и отправились с ее письмом в Государственный комитет СССР по профессионально-техническому образованию к **Виктору Павловичу АКАКЕВУ**, начальнику отдела подготовки рабочих кадров для машиностроения и приборостроения.

Разговор наш начался со строчки письма «Все это заманчиво».

— Согласно современности названий вероятно притягательна. И от названий профессий, судя по письму, которое мы сейчас прочли, выпускник ждет такой же манящей новизны. А звучат они так: токарь, фрезеровщик, слесарь-инструментальщик, сборщик... Да, привычно и прозаично. Но все труднее считать эти профессии, родившиеся еще в прошлом веке, старыми: столько здесь перемен! Токарь за станком с ручным управлением, и токарь, обслуживающий современный станок-автомат,— разве сравнишь их работу! Изменилось оборудование, сам характер труда, его условия. Возросли требования, которые предъявляет эта профессия к человеку. Точность обработки деталей должна быть сегодня высочайшей, а это условие не выполнишь без большого объема знаний, тонких профессиональных навыков.

Расширился, если так можно сказать, диапазон профессии. Ведь без токаря ни тепловоза не построишь, ни самых миниатюрных часов не создашь. Нужны токари и для тяжелого машиностроения и для производства электронных и радиоприборов...

— И все-таки, Виктор Павлович, появятся ли в десятой пятилетке совсем новые профессии среди тех, которым обучают в профессионально-технических и технических училищах?

— Конечно. Они появляются постоянно. Профессии не придумываются в кабинетах, их диктует жизнь, диктуют перемены, связанные с научно-техническим прогрессом. В последние годы, например, мы начали готовить операторов станков с программным управлением, операторов автоматических линий. А совсем недавно — наладчиков контрольно-измерительных приборов и автоматики. Профессия эта очень широкого профиля. Человеческой жизни не хватит, чтобы изучить все многообразие сложнейших контрольно-измерительных приборов, применяемых в современной промышленности. Приборы оптические, лазерные, приборы, следящие за сложными процессами на предприятиях нефтепереработки, химической промышленности... Здесь, конечно, не обойтись без специализации. Есть наладчики счетно-решающих приборов, аппаратуры

«ЭТО ЗАМАНЧИВО»...

телеуправления, диспетчерской связи. Большинство таких специалистов выпускают высшие учебные заведения. А наши технические училища (читатели, конечно, знают, что в ТУ принимают тех, кто окончил десятилетку) и средние ПТУ начали готовить наладчиков контрольно-измерительных приборов и автоматики, которым предстоит обслуживать станки с числовым программным управлением. Этот высококвалифицированный рабочий должен настраивать не только механическую часть станка, как, скажем, наладчик токарных автоматов, но и системы электронных приборов. Сложная, интересная профессия, но не массовая: совсем не много таких наладчиков требуется предприятиям.

И если говорить об огромных переменах в труде рабочего человека, которые произошли за последние годы и произойдут в ближайшие, то они касаются прежде всего профессий широко известных, о них, я

думаю, слышал каждый школьник.

Вот сборщик электронных приборов. Профессия не новая. Но сборщику периодически приходится иметь дело с приборами совершенно новыми, то есть у них не только другие схемы, но и совершенно иные принципы действия. Приборы сегодня поразительно миниатюрны. Элемент памяти электронной машины имеет размеры спичечной коробки, а должен содержать миллион единиц информации. Представьте себе сборку такого прибора, тонкость операций...

Меняется содержание профессий — обновляются учебные программы.

— Виктор Павлович, в законе о пятилетнем плане есть такие цифры: прием учащихся в профтехучилища увеличится на 12,5 процента, в том числе в средние ПТУ — на 81,4 процента. Как это понимать?

— Это значит, что к концу пятилетки все

Нижнекамское ПТУ. Они будут прибористами.

ПТУ должны перейти на подготовку рабочих со средним образованием.

— А в какой мере оно необходимо современному рабочему, если говорить не о пользе образования вообще и не о гармоническом развитии личности, а только о профессиональной деятельности, хотя все это и взаимосвязано?

— На этот вопрос можно ответить совершенно точно языком цифр. Социологи подсчитали, что у производственников со средним образованием производительность труда на 20 процентов выше, чем у тех, кто его не имеет. Специальные исследования показали, например, что наладчик станков, который получил профессию на производстве, нужно 13,2 года для достижения высшего, шестого разряда, если он окончил восемь классов, и 8,8 года, если у него за плечами десятилетка. Наладчик, подготовленный в училище, быстрее обретает высокое профессиональное мастерство: через 8,3 года при восьмилетке и через 4 года, если он окончил десять классов. Эти цифры говорят о преимуществах и общего среднего образования и профессионально-технического. Есть исследования, которые показывают, что выпускники средних ПТУ добиваются успехов на производстве еще быстрее, чем выпускники ТУ. Так что среднее профессионально-техническое училище — самая лучшая и самая перспективная форма подготовки рабочих высокой квалификации.

— Но не случается ли иногда так: человек получил среднее образование плюс большие профессиональные знания, а пришел работать — разочаровался? Слишком проста для него работа, какая-то одна операция на конвейере.

— Ну, во-первых, будущий рабочий овладевает не одной, а сразу многими операциями по профессии. На любом конвейере работа сегодня построена так, что человек обязательно должен переходить от операции к операции по технологической линии. Таким образом он избавляется от монотонности труда и обретает вместе с тем высокое мастерство, а во-вторых, в большинстве училищ обучают сразу нескольким сходным профессиям. Например, училище выпускает сборщиков часов. Но сборщик может работать и контролером часового производства и выверщиком-правильщиком...

И еще хочу сказать: разочарование — явление, как правило, временное. Стоит человеку по-настоящему овладеть своим делом — и он непременно увидит в нем возможность для творчества.

— В приборостроении, радио, электронной промышленности занято очень много женщин. И мы даже говорим — не сборщик часов или радиодеталей, а сборщица. Почему этот труд стал женским? Заметен ли этот «женский» перевес уже в училище?

— Сборка точнейших приборов требует быстрых тонких рук, большой чувствительности пальцев и еще, я бы сказал, чисто женской скрупулезности, аккуратности. Конечно, и юноша, если имеется к тому страсть, может учиться на сборщика электронных или радиоприборов, никаких преград или запретов нет. Встречаешь иногда в училище группу: 30 девушек и один парень. Учится увлеченно, но на сборке он потом не удержится, не выдержит соревнования с соседками в быстроте и ловкости, из-за него весь конвейер может «захромать».

Не везде, конечно, такое девичье царство. Среди всех учащихся ТУ и ПТУ девушек менее одной трети. Сообщая это с

сожалением, потому что профессий, которые смогли бы их заинтересовать, великое множество.

— Виктор Павлович, все знают, что в ПТУ и ТУ принимают без экзаменов. Но бывает ли так, что на одно место — несколько заявлений?

— Есть училища, где постоянно проводится конкурс аттестатов или свидетельств об окончании восьмилетки: три-четыре претендента на место. Всегда конкурс в минское ТУ № 76, витебское среднее ПТУ № 96, свердловское ТУ № 1, горьковское среднее ПТУ № 5...

— Такая популярность объясняется огромным интересом к профессиям, которым здесь обучают?

МИР СТРОГИЙ И ПРЕКРАСНЫЙ

19-летняя москвичка Анна Ахшарумова, с блеском победив в 36-м женском чемпионате, проходившем прошлой осенью в Тбилиси, стала чемпионкой СССР по шахматам 1976 года. Сегодня Аня — гость «Подружки».

Подружка. Поздравляю тебя, Аня, с выдающимся успехом!

Аня. Спасибо.

Подружка. Долгим ли был твой путь к вершине?

Аня. Не коротким. Шла я к ней столько, сколько себя помню. В шахматы играю с раннего детства. Научил меня папа. Потом занималась во Дворце пионеров, а последние два года — в школе юных шахматистов, которой руководит Михаил Ботвинник. Сейчас учусь на третьем курсе института физкультуры на факультете спортивных игр. Это, так сказать, подходы к вершине. Теперь о самом турнире. Меня уже много раз спрашивали: прихватила ли я с собой в Тбилиси нечто вроде маршальского жезла, намеревалась ли я бороться за звание чемпионки? И вообще, на какое место я рассчитывала до старта? Я отвечала совершенно чистосердечно и сейчас повторяю: нет. И ни к какому определенному месту в итоговой таблице я не прицеливалась. Единственная цель, которую я себе ставила, — сыграть хорошо. То есть цель творческую, а не спортивную.

Подружка. Завидное бескорыстие! Или, может быть, именитый состав настраивал на скромность?

Аня. Турнир действительно был очень представительным. Достаточно произнести имена Ноны Гаприндашвили и ее давних и серьезнейших соперниц в борьбе за шахматную корону — Наны Александрия, Татьяны Затуловской, Ирины Левитиной, чтобы стало ясно: первенство оспаривала мировая шахматная элита. Играли в финале и несколько экс-чемпионок страны и победительниц межзональных турниров. Пожалуй, их положение было сложней моего. Титулы обзывают и... сковывают. Я же играла легко и раскованно. Надо мной ничего не довлело. Зато в следующем чемпионате мне уже будет просто неудобно оказаться в нижней половине турнирной таблицы.

Подружка. Аня, а каково чувствовать себя чемпионкой?

Аня. Такое ощущение, как будто тебя вытолкнули на сцену, и все смотрят и ждут от тебя необычного. Сегодня, к примеру, я дала уже два интервью, снялась в телено-

— Нет, профессии массовые, широко известные, о которых мы только что вели речь: и токарь, и слесарь-инструментальщик, и сборщик приборов. Славу этим училищам создали высокая квалификация, прекрасная работа их выпускников. Среди них и Герои Социалистического Труда, и общественные и государственные деятели, и просто хорошие, уважаемые мастера своего дела. Кстати, из выпускников 5-го горьковского училища одиннадцать Героев Советского Союза и Героев Труда. И мы надеемся, что выпускники школ, которые придут в ПТУ и ТУ сегодня и завтра, умножат славу и этих и многих других училищ.

Интервью взяла
Т. АЛЕКСАНДРОВА.

Анна Ахшарумова, чемпионка СССР по шахматам.

Фото В. КУТЫРЕВА

востях... А шахматы, как и служенье муз, не терпят суеты. Прости эту высказанность.

Подружка. А отказывать в интервью еще не научилась?

Аня. Тогда бы мы с тобой тут не сидели.

Подружка. Что было бы несправедливо!

Аня. Вот видишь. Другие тоже так считают.

Подружка. Хорошо, не будем усугублять цейтнот. Сейчас мой ход. Расскажи, Аня, вот о чем: какое место в твоей жизни занимают шахматы, что они тебе дают? Вопрос, быть может, наивный, как детский мат.

Аня. Но ответить на него столь же трудно, как разыгрывать дебют за черных. Ты же, кстати, сегодня все время играешь белыми.

Подружка. Положено по службе. А ты носи свой крест чемпионки.

Аня. Придется. Так вот, отвечаю: мне сейчас не так просто постаить детский мат. Не только на доске. В самой жизни для

меня уменьшилось количество ситуаций, в которых я чувствовала бы себя беспомощной и беззащитной. Без преувеличений: шахматы меня воспитали. Говорю это вовсе не в упрек своим родителям. Я хоть и не росла избалованной, но в детстве почти не знала запретов и принуждений. Я не слышала слова «надо»! Оно вошло в мою жизнь с игрой.

Подружка. Не в куклы, конечно?

Аня. Разумеется. У хоккеиста игра, у футболиста игра, у скрипача игра... Это только легко звучит: игра! А на самом деле... Когда профессиональный шахматист произносит: «У меня сегодня игра»,—его коллеги и не подумают, будто он идет развлекаться. Они знают: ему предстоит тяжелый, изнурительный поединок.

Подружка. Я читала, как пошутили недавно над гроссмейстером Полугаевским, когда он вернулся с межзонального турнира из Манилы. Он ведь и без того довольно худой, а тут пиджак на нем и вовсе развевался, как на вешалке. Друзья и состригли: «Ты у нас теперь Четвертьгаевский».

Аня. Да, шахматы всерьез—это борьба. Она требует целеустремленности и воли. И хорошей физической формы. Кстати, и к занятиям физкультурой я пришла через шахматы. Вначале я заставляла себя, потом увлеклась, а теперь не меньше, чем шахматы, полюбила плавание и бег. И лыжи. Конечно, любой вид спорта воспитывает. Но шахматы, мне кажется, непосредственной воздействуют на характер и эффективней. Они развивают интеллект, дисциплинируют твоё мышление, весь образ твоей жизни. «Мой день, как бланк, расписан наперед»... Это строка из стихотворения одной известной нашей шахматистки. В ней я слышу напоминание простого и жесткого факта: в сутках лишь 24 часа, в месяце только 30 дней. И нет другой возможности удлинить их, как самодисциплиной. Расслабленность убивает время. Эту старую истину мало знать, ее надо осознать, стараться следовать ей. Шахматы научили меня ценить время.

Подружка. А сколько времени ты уделяешь самим шахматам?

Аня. К сожалению, всего два-три часа в день. Больше не удастся—ведь есть еще занятия в институте; ну а меньше нельзя, если намерен в них чего-нибудь достигнуть. Видишь ли, шахматы—моя будущая профессия, моя работа. Независимо от своих спортивных достижений я буду с ними связана как тренер.

Подружка. Наверное, это большое счастье, когда увлечение становится и твоей работой?

Аня. А разве не всякая профессия должна быть и увлечением человека? Конечно, шахматы в этом смысле неповторимы. Нет сил противостоять их очарованию, их притягательности. Люди, «заболевшие» шахматами, хорошо знают это. Мир, зажатый всего лишь в 64 клетки, неисчерпаем.

Подружка. Время от времени вспыхивают споры: что такое шахматы. Спорт? Искусство? Наука? Как ты считаешь?

Аня. В них от всего по частичке. Но, кроме того, они игра, прелестная игра. Своим сверстникам, а еще больше девочкам, которые моложе меня лет на десять, мне хотелось бы пожелать, посоветовать, повелевать, если б смогла: научитесь играть в шахматы! Вы откроете для себя еще один мир, строгий и прекрасный.

Подружка. Любому ли он откроется? Ведь дилетант и мастер, глядя на одну и ту же позицию, видят в ней совершенно разное.

Аня. Так обстоит во всем. Начинающий видит плоскую доску, статичные фигуры и

только на один ход вперед. Чем выше класс игры, тем интересней, тем разнообразней шахматы. Но удовольствие они доставляют на любом уровне. И пользу тоже: приучают логически мыслить. По-моему, девочкам не пойдет во вред привычка иногда задумываться. Ну, а становиться мастером совсем необязательно.

Подружка. Аня, чем отличаются женские шахматные поединки от мужских?

Аня. Ну, прежде всего тем, что мужчины играют сильней. И, видимо, еще не скоро уступят свое превосходство. Но женщины сражаются бескомпромиссней. На женских досках «проливается больше крови», тут всегда слышен звон мечей. А мужчины

подчас излишне осторожно и аккуратно фехтуют. Они охотней соглашаются на ничью. Кстати, одновременно с нашим первенством в Минске проходил мужской турнир первой лиги. Пресса сравнивала накал борьбы там и тут, и сравнение было в нашу пользу. Вообще же мы можем, не хвастая, сказать: за последние годы женские шахматы в Союзе сильно выросли. И количественно и качественно.

Подружка. И удерживаться на вершине или подниматься на нее будет все труднее. Поэтому ответь, пожалуйста, еще на один вопрос. Что предпочла бы: занять один раз первое место или три раза третье?

Аня. Лучше бы три раза первое.

Мамины уроки

Виноват, кто умнее

«Первый год живу в общежитии и не думала, что это так трудно. Общежитие училища хорошее, удобное, но жизнь в нашей комнате какая-то нервная, даже склочная. И виновата в этом одна из нас четверых. Мне кажется, эта девушка так и ищет повода, чтобы с кем-нибудь поссориться. Кто-то забыл платье на стуле, кто-то не убрал вовремя свои учебники со стола... Беспорядок—это, конечно, плохо, но можно же сделать замечание спокойно, необходимо, а она всегда начинает ворчать, считаться, кто убирает в комнате больше, кто меньше, оскорбляет: «неряхи», «нахалки». Сдержаться трудно. Слово за слово—тоже переходишь не крик. Вы себе представить не можете, как надоели нам эти ссоры! Отчего бываю такие люди и можно ли их перевоспитать?»

Наташа.
г. Камышин

Ты права, Наташа, обстановка в общежитии у вас неприятная. Отчего бывают такие люди?

Любители ссор, как правило, либо неумны, либо невоспитанны. Но... в ссоре никогда не бывает виноват лишь один. Ведь не сам же с собою скандалист скандалит. Зачинщику всегда нужен второй человек, такой, чтобы принял его грубый вызов. Ты и сама пишешь. «Слово за слово—переходишь на крик». А если все-таки не переходить? Сдержаться и ответить спокойно: «Не кричи, тебя это не украшает», или, ни слова не говоря, убрать платье, убрать книги, или сделать вид, что грубого замечания не слышал. Неподдержанный крик быстро затихает.

«Из двух ссорящихся,—как мудро заметил поэт и философ Гете,—более виновен тот, кто умнее». Стоит всегда об этом помнить, если вы хотите мира и покоя в своей комнате. Вас трое. Так продемонстрируйте своей четвертой соседке пример такта и доброжелательности в отношениях друг к другу. В таком случае она просто не осмелится навязывать вам свой стиль общения.

Молодые голоса

Наталия ВАРЕНИК

Море

Я видела ночью море...
Оно—как щенок лохматый.
Лизнуло меня прибоем,
Потрогало мягкой лапой,
Свернулось клубком у ног
И сладко, сладко зевнуло...
«Как тихо!»—шепнул ветерок.—
Наверное, море уснуло».

Наташе Вареник 18 лет. Живет в Белой Церкви, на Киевщине. Преподает музыкальную литературу в детской музыкальной студии и учится в 11-м классе школы рабочей молодежи. Поздней увлекается с детства. Печатается в республиканских газетах и журналах. В 1976 году стала победителем поэтического конкурса «Антология одного стихотворения», который проводился газетой «Молодь України».

* * *

Кто-то стучал, упорно, настойчиво...
Кто-то стучал под окнами ночью.
Я выбегала—кто это тут?
А неизвестный в ответ: «Тук-тук-тук»...
Кто он, таинственный тот безобразник?
Может, нарочно дурачит и дразнит?
Долго стучал... Я заснула... И вдруг
Утром опять начинается стук.
Нет! Открываем мы окна пошире,
Мы изловить хулигана решили.
Где он? Вылазь! Мы найдем все равно!
Вдруг рвздается под самым окном
Громкое—тук! Это падают с крыши
Капли, такие, что каждый услышит,
Капают с крыши десятки сосулек
И на асфальте дорожки рисуют,

Капают с веток, с забора, с дверей,
Капают наш снеговик во дворе,
Капают все... А никто и не знал...
Значит, таинственный этот—весна!

* * *

От неиспытанного рая пахнет сливами,
И молоком, и розовым дождем,
И мы в траве нескошенной идем,
Промокшие, усталые, счастливые.
Идем из детства в полдень по траве
От заспанных, растерянных окошек,
И нас ничто остановить не может.
Когда в ресницах прячется рассвет.
Идем, сродни травинкам и цветам,
Среди шмелиных непонятных песен,
И мир для нас одновременно тесен
И необъятен, словно океан.

ДОСТИЖЕНИЯ И МУЧЕНИЯ ЮНЫХ ТЕХНИКОВ ИЗ ФАСТОВА

Меня заставила сесть за письмо... зависть. Да, я искренне завидовал, читая в «Работнице» корреспонденции под рубрикой «Город и дети», где рассказывалось, как работают с детьми в Перми, Тольятти, Калуге. Порадовало меня, как дружно горком партии, городской Совет и общественность города Перми заботятся о воспитании детей. Это же замечательно, что в городе 108 детских клубов и жилых домах и каждый имеет штатного работника, педагога-организатора да еще много добровольных помощников — учителей, рабочих, инженеров и целых предприятий. А калужане под руководством горкома партии решили создать городской центр, который будет координировать всю внешкольную работу с детьми в городе. И подумал я, что Пермь и Калуга должны стать примером в этом отношении для городов, где к воспитанию детей относятся без особого анимания, где много говорят, но мало делают, прикрываясь объективными причинами.

Наш город Фастов Киевской области не так велик — всего 50 тысяч жителей. Казалось бы, здесь легче все предусмотреть, организовать так, чтоб досуг ребят был интересным. Есть и силы для этого и опыт. Хорошо работают технические кружки. Много замечательных воспитателей-общественников: рабочих, мастеров нашего славного завода «Красный Октябрь».

Опыт Клуба юных техников при Доме культуры этого завода, — а клуб существует 15 лет! — убеждает: если мальчишка увлекся техникой — моделированием, конструированием, — он не будет ни хулиганом, ни бездельником, потому что у него мысль работает, интересы складываются серьезные. И еще очень важная сторона дела: в нашем клубе многие ребята находят свое призвание, выбирают профессию.

Юные техники Валентин Петрушкин и его товарищ Петр Мищенко не раз были чемпионами области по авиамоделизму. Теперь оба закончили институт ГВФ; юный техник судомоделист Валерий Чернов окончил военнотехническое училище. Окончил институт и работает конструктором Анатолий Рокотский, а до сих пор не расстается с КЮТом. Он бессменным руководителем секции авиамоделистов клуба. Его воспитанники в прошлом году стали чемпионами области по авиамо-

дельному спорту. Александр Дудко — мальчик этот рос без родителей — пока занимался в клубе, то и дело выходил чемпионом области по судомоделям. Сейчас Александр Михайлович работает бригадиром обмотчиков в электроцехе нашего завода. Он руководит секцией судомоделистов.

Всего в Клубе юных техников 150 ребят. А могло быть гораздо больше, от желающих нет отбоя. Но куда принимать! Клуб занимает два небольших подвальных помещения. Занятия идут в две смены в большой тесноте. Ребятам из фотокружка приходится бегать за водой с ведрами и ведрами же выносить использованную воду. И я часто думаю: будь у нас нормальные условия — дневной свет, вентиляция, водопровод, канализация, хорошие станки и вдоволь материалов, будь у нас просто места побольше — сколько ребячьих судеб сложилось бы по-иному!

Может, кто-нибудь скажет: не один же этот клуб в городе для ребят. Но в том-то и дело, что один. Городской Дом пионеров ютится в стареньком деревянном здании, зажатом меж многоэтажными новыми жилыми домами. Вот и все. А в городе более 10 тысяч ребят! Несколько раз наш Дом культуры поднимал вопрос перед заводской администрацией и городскими организациями о том, что Клубу юных техников необходимо другое помещение. Ответ был один: нет возможностей. Между тем за последние годы в городе построено много жилых домов. Трехэтажный универмаг, большой магазин «Гастроном», два здания быткомбината, городская поликлиника, кинотеатр и многое другое. Слов нет, все это остро необходимо городу. Но и о детях надо думать тоже.

Зачем, например, открыты сразу два фотоателье да еще неподалеку, метрах в 300, одно от другого? Занимают они прекрасные переезды этажи новых жилых домов. Здесь много света и воздуха, просторно. Общественность и администрация нашего завода еще в 1969 году просили отдать одно из этих помещений под Клуб юных техников. Но разместились фотоателье... Обидно, что ведомственные интересы кем-то ставятся выше, чем такое важное, такое неотложное партийное дело, как воспитание детей!

Когда идешь по улицам Фастова и видишь, как толпятся в подворотнях мальчишки, прямо

В кружках Фастовского клуба юных техников.

по мостовой гоняют мяч или шайбу (катков и хоккейных площадок в городе нет), — невольно думаешь: неужели не замечают этого, от кого зависит состояние дел с внешкольными занятиями ребят?

Правильно надумали в Калуге: нужен такой центр, объединяющий все силы и средства для работы с подростками. Хорошо

бы и нашему городу иметь такой центр. Тогда бы и КЮТу нашлось хорошее помещение и других клубов и кружков для подростков стало бы в Фастове побольше.

Н. СКОМОРОХОВСКИЙ,
секретарь партийного бюро
Дома культуры завода
химического
машиностроения
«Красный Октябрь»

Есть люди, чьи мысли и дела не теряются во времени. Идут годы, десятилетия, иногда и века, но к опыту, к мудрости этих людей обращаются снова и снова, находя в их наблюдениях, выводах нечто такое, что злободневно для каждого поколения.

Новая рубрика «Работницы» будет знакомить читателей со взглядами выдающихся наших соотечественников — революционеров, философов, писателей, педагогов — на этическое, нравственное начало в личных отношениях людей.

«Хочу одного: чтобы ты была счастлива»

Некогда Луначарский писал, что в наследии Чернышевского «очень много такого, что должно признать не только замечательным памятником определенной эпохи, но и таким, чему следует и чему необходимо учиться». Значение не только памятника, а и живого урока, по мысли Луначарского, сохраняет и решение Чернышевским проблем любви, брака, семьи.

Среди задуманных, но не написанных Чернышевским произведений, содержание которых он излагал товарищам по сибирской ссылке, был такой рассказ.

Воины древнего племени собираются по кличу тревоги. Обычай племени требует предавать смерти явившегося последним. На этот раз им оказался молодой человек, который только что женился. Ему трудно было расстаться с любимой женой, не простившись. Ничто не может спасти его от кары, никакое сострадание, ничье заступничество. Он знает свою вину, не ждет прощения и не просит пощады. Но, когда считанные мгновения отделяют его от смерти, собравшиеся замечают бегущего к ним человека... Вот кто последний! Этот несчастный — тоже молодой воин. Он молчит о причинах своей задержки. И те, кто будет казнить его, не знают, что он опоздал умышленно. Он решил спасти мужа женщины, которую любил и которая отвергла его. Теперь ради счастья любимой он ценой своей жизни избавляет от смерти соперника.

Вещь эта явно аллегорическая, иносказательная. Сама идея была не нова для Чернышевского. В романе «Что делать?» он уже

посвящал ей немало страниц, рассказывая об истории личных отношений «новых людей», о том, в частности, как распалась семья Лопуховых и Вера Павловна Лопухова стала женой Кирсанова, друга своего первого мужа.

«Что значит любить человека? — рассуждал в романе Лопухов. — Это значит радоваться тому, что хорошо для него, иметь удовольствие в том, чтобы делать все, что нужно, чтобы ему было лучше». При этом все, как явствует и из романа и из рассказа, все, вплоть до самоотречения. Рассказ, таким образом, примечателен не новизной вопроса и его освещения, а той настоятельностью и тем постоянством, с каким автор к нему возвращался и на него отвечал.

Еще только вступая в самостоятельную жизнь, в пору сватовства к своей будущей жене, Ольге Сократовне Васильевой, Чернышевский записывал в дневнике: «...Я хочу в наших отношениях только одного: чтобы ты была счастлива. Я буду счастлив твоим счастьем...»

Молодой Чернышевский мечтал о единственной в своей жизни любви. «Я хочу любить только одну во всю жизнь», — записывал он. Он считал, что такая любовь будет самой цельной, что духовная близость супругов, их взаимное доверие в такой любви, где даже прошлое их не разделяет, — самая полная близость, самое полное доверие. И Чернышевский действительно пронес любовь к единственной женщине, жене, через всю свою жизнь.

И любовь его не была «односторонне идеальной». В дневнике он писал: «Я чрезвычайно

люблю ее! Но чувственная любовь к ней — только дополнение, только проявление, только выражение сердечной любви к ней». О стремлении к сердечной, духовной близости с будущей женой Николай Гаврилович размышлял много. Он мечтал об общности чувств, интересов, дел. Вероятно, жизнь, которая всегда вносит поправки в ожидания и надежды, в чем-то не совпала с идеальными представлениями Чернышевского. Он узнал, например, что нрав Ольги Сократовны не вполне таков, каким воображался ему когда-то. Но «вспышки сами по себе, а серьезные чувства — совсем иное дело», — писал в одном из писем Чернышевский.

Сосланный в Сибирь, буквально вырванный из жизни, он неотступно думал о жене, беспокоился прежде всего не о себе, а о ней. Ради ее благополучия готов был пойти на жертвы. Потому он отказался от повторной поездки жены к нему в Сибирь.

Заклучают ли в себе личный опыт и убеждения Чернышевского какой-либо общий интерес для нас? Не каждому же выпадает в жизни доля единственной любви... Но ведь дело не только в этом. Мысли и сами чувства Чернышевского поражают силой и благородством.

Независимость в любви Чернышевский связывал со свободой

личности вообще, с ее социальной раскрепощенностью. «Всякий пусть охраняет свою независимость всеми силами от всякого, как бы ни любил его, как бы ни верил ему», — говорил Чернышевский. Без понимания этой идеи было бы неполным представлением о его взглядах на любовь. Он был уверен, что, «где нет свободы, там нет счастья». Так как гнет всевозможных социальных притеснений в то время сказывался особенно удручающе на женщине, Чернышевский, говоря о независимости в любви, тесно связывал ее с положением женщины в обществе. Надежду на широкое и всестороннее раскрепощение женщины Чернышевский более всего связывал с коренным социальным переустройством общества. В романе «Что делать?» он многократно подчеркивал это. Но и в современных ему условиях Чернышевский считал обязанностью «каждого честного и порядочного человека» заботиться об эмансипации женщин. Чтобы женщина могла почувствовать себя равноправным человеком, мужчина, думал Чернышевский, должен помочь ее духовному росту, помочь ей занять место в полезном для общества труде. Необходим даже, считал Чернышевский, «временный перевес» в предоставлении женщине привилегий в обществе и

Размолвка. Фотоэтиюд Н. Маторина.

семье — до тех пор, пока она не поднимется на один уровень с мужчиной во всех своих делах и в своем мироощущении. Все это требовало от мужчины, как полагал Чернышевский, выдержки, такта, ответственности в отношениях с женщиной.

В романе «Что делать?» многие детали описания семейной жизни героев служили цели оттенить важность независимости каждого из супругов. «Отчего с посторонними людьми каждый так деликатен?» — размышляла героиня романа Вера Павловна, стараясь устроить свою семейную жизнь так, «чтобы было прочное согласие, чтобы поддерживать любовь». В ее беседах с Лопуховым определялся и получал обоснование целый свод семейных правил: как вести себя, чтобы ценить время друг друга, как между собой разговаривать, как быть одетым дома и т. д. Несколько утрированными картинками семейного уклада Лопуховых, странным на первый взгляд описанием мелочей их быта автор в иносказательной манере, к которой он часто прибегал, хотел сказать о вещах принципиальных: о действительном обеспечении равноправия супругов в повседневной, будничной жизни.

Говоря о независимости человека в любви, в семье, Чернышевский вовсе не проповедовал замкнутости каждого из супругов в своем мире интересов. Напротив, он был убежденным сторонником общности интересов и склонностей, стремился показать, что хороша такая близость супругов, при которой «корень отношений, соединенных с наслаждением, находится в самой глубине нравственной жизни».

Есть еще одна грань понимания Чернышевским независимости в любви. Это вопрос о смене привязанностей, вызывавший в свое время бурные споры вокруг романа «Что делать?». Во времена, когда писался роман, когда разводы были практически невозможны, эта проблема воспринималась особенно остро. Решение ее Чернышевским в основном таково: только искренняя взаимная привязанность должна скреплять брак.

Исход драмы Лопуховых, их разрыв, неоднократно служил поводом принимать автора за человека, который оправдывает легкость и необязательность отношений в любви. Но ни в жизни, ни в романе Чернышевский не подходил к практическим следствиям перемен чувств сколько-нибудь категорично, однозначно.

В дневнике, например, он выражал надежду, что Ольга Сократовна ему «будет весьма верною женою...». Но, зная, как трудно предугадать все заранее, он думал и о такой возможности: «А если в ее жизни явится серьезная страсть?» Человек бескомпромиссный и мужественный, Чернышевский готов был безоговорочно принять подобный поворот судьбы, если бы он произошел,

считая, что никто не вправе мешать другому свободно располагать своими чувствами. Но думал он об этом не с легкостью, что было бы противоестественно. «Это будет скорбью, но не оскорблением», — писал он. Скорбью! Изображая драму Лопуховых, Чернышевский отстаивал те же взгляды.

Очень характерно, как развивается нарисованная им семейная история. Осознав свою любовь к жене друга, Кирсанов, рассказывает писателю, увидел, что попал в большую беду. Не со светлой радостью обнаруживает свое чувство к нему и Вера Павловна. Оба они, заботясь о Лопухове, стремятся сначала пресечь свои чувства. Лишь через три года наступает известный финал, причем в значительной степени потому, что стечение обстоятельств помешало Кирсанову совершенно прекратить дружбу и знакомство с Лопуховыми, как он намеревался. Да и Лопуховым был сделан решительный шаг, чтобы дать жене свободу от брака с ним: он инсценировал самоубийство, поставив друга и жену уже перед свершившимся фактом. Знаменательно, что Лопухов делал это, страдая, и решился на свой шаг, лишь получив твердую уверенность, что жена его найдет счастье с Кирсановым.

А если бы у него не было такой уверенности? А если бы Лопуховы не были молоды и бездетны? А если бы один из супругов крайне не нуждался в помощи другого? Какую бы оправдал Чернышевский развязку? Ответ на это можно найти в прямых высказываниях героев Чернышевского. «...Если б у нас были дети, — рассуждает Лопухов, — тогда надо было бы много подумать о том, как изменится их судьба от нашей разлуки: если к худшему, то предотвращение этого стоит самых великих усилий...» «Помни, — уговаривает сам себя Кирсанов, — что твоя человеческая натура сильнее, важнее для тебя, чем какое-либо отдельное твоё стремление». Чернышевский, конечно, понимал, насколько тяжело бороться с таким «отдельным стремлением», как любовь, и хотел найти средства, которые помогли бы человеку в борьбе с самим собой. Справиться с любовными муками, считал он, человеку по силам, «если человек неглуп и, тем более, если он имеет к тому же еще какой-нибудь общественный интерес или даже просто интерес частных дел».

Эти суждения Чернышевского помогают понять главное во всех его думах о любви и вообще о частной жизни женщины и мужчины, о сфере глубоко личных чувств и переживаний: он всегда связывал разнообразные стремления людей воедино с их общим мировосприятием. Вот почему «уроки любви», которые Чернышевский давал читателю — своему современнику, сохраняют и сегодня силу живого воздействия.

Н. ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ

ВЛАСТИТЕЛИ ДУМ

(Размышления по поводу

домашней библиотеки)

Неисповедимы пути книги к душе читателя. Кого-то уже сегодня так всего и перевернет именно эта книга, которая, может быть, вчера оставила его безучастным. Другому надо пройти огромный духовный путь, чтобы эта же самая книга затронула в нем хоть какие-то струны; ему почему-то нужна не эта, а совсем другая...

Лев Толстой в письме к М. М. Ледерле, отвечая на вопрос, какие сочинения произвели на него наибольшее впечатление в юном возрасте (с 14 до 20 лет), включает в список всем известные русские классические книги, — такие, например, как «Евгений Онегин», «Шинель», «Тамань», «Записки охотника», «Мертвые души», «Вий», — ныне почти уже напрочь забытую «Полиньку Сакс» Дружинина и «Завоевание Мексики» Прескота. Не будем гадать, почему на Толстого оказалась в то время такое впечатление книга историка Прескота об американских индейцах (как он пометил — «оч. большое»). Факт тот, что она не прошла бесследно в его сознании, а как говорится, легла ему на душу.

Сохранилось одно любопытнейшее свидетельство об отношении разных писателей к поэту Некрасову. Корней Чуковский попросил их ответить на составленную им анкету. Среди прочих на нее отвечали Анна Ахматова, А. Блок и М. Горький. Первый вопрос гласил: «Любите ли вы стихотворения Некрасова?» Анна Ахматова ответила: «Люблю». А. Блок: «Да». М. Горький: «Не думаю, чтобы любил». Следующий вопрос был такой: «Какие стихотворения Некрасова вы считаете лучшими?» Ахматова перечислила: «Влас», «Внимая ужасам войны», «Орина мать солдатская». Ответ Блока был: «Еду ли ночью по улице темной», «Умолкни, муза», «Рыцарь на час», «Внимая ужасам...» и многие другие. Горький назвал: «На Волге», «Рыцарь на час», «Ликует враг», «Русским детям», «Уныние». И добавил: «Остальное забыл». Затем Чуковского интересовало, был ли в жизни опрашиваемых такой период, когда поэзия Некрасова сказалась для них дорожкой поэзии Пушкина и Лермонтова. Все трое ответили: «Нет», а Горький еще уточнил: «Пользовался им для агитации, но редко читал». На вопрос: «Как вы относились к Некрасову в детстве?» — Ахматова отозвалась: «Некрасов был первый поэт, которого я прочла и полюбила». Для Блока он тоже играл «очень большую роль». Горький на этот вопрос не ответил вообще. Впрочем, как и на следующий: «Как вы относились к Некрасову в юности?» Ахматова ответила неожиданно: «Скорее отрицательно». Блок сказал более точно: «Безразличнее, чем в детстве и «старости».

Других вопросов этой анкеты я привожу, поскольку они не имеют прямого касательства к рассматриваемой теме «писатель — читатель». Как мы убедились, к одному и тому же поэту (никто, надеюсь, не сомневается, что поэту великому) у разных, притом весьма и весьма квалифицированных, читателей отношение было неоднозначное, непохожее да еще и менявшееся в течение жизни.

Я не сторонница расхожего мнения, выраженного поговоркой: «О вкусах не спорят». О вкусах можно и нужно спорить, а вот навязывать их действительно не стоит. И прежде всего потому, что это бессмысленно. Книга сама выбирает час, когда проложить себе путь к сердцу читателя, если, конечно, он к ее восприятию уже подготовлен жизненным опытом, общей культурой, вкусом. Бывает, однако, что книга оказывается неким катализатором, ускоряющим созревание человеческой души.

Расскажу о себе. Читать я научилась рано и, что называется, глотала книги одну за другой. Именно так: глотала. Как утка. Почти непрожеванные. А в тот день (я запомнила его навсегда) я читала «Отверженные» Гюго. И дошла до того места, когда жандармы схватили Жана Вальжана с украденным из дома епископа серебром. Его приволокли в дом епископа, чтобы тот его уличил в бесстыдном обмане и воровстве, но Беньвеню повел себя странно. Он сказал: «Очень рад вас видеть... Но послушайте, что же вы? Ведь я вам отдал и подсвечники!» У Жана Вальжана глаза полезли на лоб, а Беньвеню добавил: «Друг мой, не забудьте перед уходом захватить ваши подсвечники».

Прочитав эту сцену, я разревелась. Впервые в жизни я плакала не оттого, что с кем-то из выдуманных героев произошло несчастье. Мне ведь и прежде случалось лить слезы над книжной страницей — когда я, к примеру, читала «Каштанку» Чехова или какой-нибудь из романов любимого мною Диккенса. Мне было жаль собаку, жаль Оливера Твиста, и я сокрушалась над их судьбой. Но здесь-то все вроде устраивалось как нельзя лучше, а горло у меня было стянуто спазмой.

Почему это так, я понять тогда не могла. Просто знала, что в меня что-то вошло, заполнило душу и осталось там. Что-то такое, от чего я вовек уже не отделаюсь...

Это «что-то» было первым осознанным мною понятием о добре, об истинном благородстве и—больше того—о высоком предназначении искусства. Именно это имел в виду Пушкин, когда сказал: «И чувства добрые я лирой пробуждал».

Я знала одного мальчика, который лет до тринадцати читал одни сказки: русские, немецкие, японские, индонезийские—какие попадутся под руку. Ни Жюль Верн, ни Фенимор Купер, ни Вальтер Скотт, ни «Маугли» Киплинга, ни «Принц и нищий» Теена—ничто из предлагаемого ему родителями соблазнить его не могло. А однажды он сел вдруг за «взрослую» книгу: то был Андрей Платонов. И зачитался рассказом «Река Потудань». Представьте себе изумление матери, когда мальчик с блестящими, выпаращенными от волнения глазами спросил: «Ты читала этот рассказ?.. Потрясающе!» Платонову было дано пробудить в нем неугасимую страсть к литературе.

Для того, чтобы не упустить, не проморгать, быть может, наинужнейшей в данный момент книги,—которой, кстати, вовсе не обязательно так навсегда и остаться самой что ни на есть главной, но сейчас совершенно незаменимой,—надо просто-напросто много читать. И тогда она встретится. Эта книга и станет, наверное, краеугольным камнем будущей личной библиотеки, потому что ее-то, заветную, уж непременно захочется постоянно иметь под рукой. А вокруг нее встанут на полку другие книги—из тех, которые тянет время от времени перечитывать. Многим ведама радость, какую испытываешь, когда возвращаешься к хорошо известным страницам, всякий раз открывая в них новый смысл и новую прелесть.

Не для всех эти книги одни и те же. Однако чаще всего это классика, потому и ставшая классикой, что ее содержание практически неисчерпаемо. Скажем, «Война и мир», «Идиот», «Тихий Дон», лирика Пушкина, Тютчева, Лермонтова человеку юного возраста говорят одно, пожилому—совсем другое. Как нельзя дважды, по утверждению древних, войти в ту же реку (имея в виду, что она течет, а значит, меняется), так нельзя дважды прочесть одну и ту же книгу. Если она достаточно глубока, «полноводна», то с каждым следующим прочтением это будет новая книга. Ранее незамеченное, непрочувствованное неожиданно выплывает на поверхность.

Помню, так было, к примеру, с «Войной и миром», когда школьники тридцатых годов, которые чуть ли не наизусть знали страницы романа, посвященные «миру», вдруг совершенно иными глазами читали во время Великой Отечественной именно про войну.

Но такой же всеобщий длительный интерес вызывают порой и книги иного рода, если они попадают в «струю», отвечают запросам эпохи. Приведу для примера «Хижину дяди Тома», «Овод», «Что делать?». Каждое из этих произведений сыграло в свое время громадную роль в формировании мировоззрения миллионов людей, оставило неизгладимый след в сознании не одного поколения. Мимо подобных книг нельзя проходить и сейчас. Это книги—учителя жизни, книги-борцы, они сами могли дать имя целой эпохе.

Вот, выходит, уже и есть чем заполнить несколько книжных полок: когда бы ни подошел к ним, непременно найдешь созвучную сегодняш-

нему настроению книгу. Есть среди них такие, которые лучше читать, забившись в какой-нибудь уголок, подальше от всех; другие, напротив, приносят особое наслаждение, когда их читаешь вслух близким; третьи годятся, чтоб скрасить путь на работу в тряске автобуса или трамвая; четвертые—словно специально созданы, чтобы в них погрузиться в длинное зимнее воскресенье, в снегопад или вьюгу, уютно укрывшись теплым платком...

Что касается современных авторов—советских и зарубежных,—то прежде, чем ради них потеснить на полках истрепанные, выдержавшие испытание временем, бесценные томики, не лучше ли ознакомиться заранее с каждым из них, прочитать хотя бы одну книгу, дабы удостовериться, что это не «бабочка-однодневка»? Впрочем, немало авторов столь уже прочно завоевали читательское доверие, что риск ошибиться не так-то велик. Зато как приятно бывает—вдвойне приятно!—когда убеждаешься, что не ошибся: писатель не обманул твоих ожиданий!.. Мнение мое отнюдь не универсально, но для меня всегда интересна работа Абрамова и Бондарева, Белова и Астафьева, Быкова и Шукшина, Трифонова и Залыгина. Чуть ли не каждый вновь появившийся плод их труда—это событие и всегда повод для размышления...

Ну, а кроме чисто художественных, в домашней библиотеке должно найтись место для книг, отвечающих умственным склонностям их владельцев: кто-то интересуется театром, живописью, историей, кто-то—определенной отраслью точных знаний... Так постепенно библиотека пополнится новыми книгами, которые следует подбирать исходя из своих пристрастий и вкусов, не торопясь покупать без разбору все, что в данный момент появилось на книжных прилавках города. Иначе библиотека окажется «засоренной» ненужными владельцу книгами. Домашняя библиотека должна обладать «лицом необщим выраженьем», как и ее хозяин. А то ведь часто бывает так, что стоят в квартире, выстроившись по ранжиру этажом ниже и этажом выше на полках за чисто промытыми, глянцево поблескивающими стеклами, безликие собрания сочинений... Потому безликие, что не имеют, увы, ни малейшего отношения ни к кому из хозяев дома. Это книга-мебель, книга—деталь интерьера, материальная, а не духовная ценность. Бок о бок же с человеком должны жить книги-наставники, побратимы, властители дум. И относиться к ним надо так, чтобы иметь право сказать, как Пушкин в свой смертный час: «Прощайте, друзья!»

«Книга,—писал Герцен,—это духовное завещание одного поколения другому, совет умирающего старца юноше, начинающему жить, приказ, передаваемый часовым, отправляющимся на отдых, часовому, заступающему его место. Вся жизнь человечества последовательно оседала в книге: племена, люди, государства исчезали, а книга оставалась. Она росла вместе с человечеством, в нее кристаллизировались все учения, потрясавшие умы, и все страсти, потрясавшие сердца; в нее записана та огромная исповедь бурной жизни человечества, та огромная автография, которая называется всемирной историей. Но в книге не одно прошедшее—она составляет документ, по которому мы вводимся во владение... всей суммы истин и усилий, найденных страданиями, облитых иногда кровавым потом; она—программа будущего».

Евгений АВДЕЕНКО

Хоккеисты

Два зайчонке очень ловко
Вместо шайбы на пруду
Гнали клюшками морковку
По сверкающему льду.
А закончив тренировку,
Съели сладкую морковку.

Следопыт

Следопыт идет
По следу,
След ведет его
По снегу.
Далеко ль уведит след
Следопыта Костя?
Нет!
След приводит прямо к дому...
Что здесь надо зверю злему?
Смотрит Костя—
У ворот...
Лапки моет рыжий кот.
Вот так зверь!

КОЛОБОК

Петушок

Петушился, петушился
Забияка петушок.
Забияке где-то в драке
Оторвали гребешок.
Ходит он без гребешка.
Не похож на петушка.

Р. АХМЕДОВ. ЗИМА В ГОРАХ.

(XII Выставка произведений членов Академии художеств СССР).

Оперирует С. Н. Федоров, ассистент Д. И. Иоффе (слева) и операционная сестра Т. Назарова.

Фото Н. МАТОРИНА

НЕДЕЛЯ С ВРАЧАМИ

Моя болезнь

Три года назад у меня на обоих глазах обнаружили начальную стадию катаракты. Врач сказал: «Когда катаракта созреет, вам сделают операцию. Будете видеть только в очках. Что вы так испугались? Многие люди всю жизнь носят очки, и ничего». На этом разговор закончился.

Немного придя в себя, я отправилась в археологическую экспедицию и постаралась забыть о предстоящих неприятностях. Примерно через полгода возникло ощущение, что все

кругом в тумане. Стоило мне закрыть правый глаз, туман исчезал. Врач объяснил: «Такое бывает, на правом глазу катаракта у вас развивается быстрее». И тут я полностью сосредоточилась на странной игре: где бы ни была, с кем бы ни разговаривала, я все время то закрывала, то открывала один глаз. Хотелось поймать движение болезни, определить, что же все-таки происходит. Ухудшается зрение или несколько улучшается благодаря уколам и витаминным каплям? Каждый день было по-разному. Теплилась какая-то надежда. Я начала метаться по врачам. Один советовал с

Наталия БИАНКИ

операцией повременить — дожидаться, пока созреет катаракта и в левом глазу, когда наступит полная слепота. Объяснял, что разница в коррекции будет мешать видеть нормально. Другой врач, напротив, торопил с операцией. Между тем правый глаз теперь реагировал только на свет. Даже контуры предметов были уже не видны. Тогда, обложившись медицинскими книгами, я стала выяснять, что такое катаракта.

Несколько слов о хрусталике

В глазу есть немаловажная деталь — хрусталик, который проецирует изображение на сетчатку. Хрусталик находится за радужной оболочкой. Всякое помутнение хрусталика называется катарактой. Помутнение чаще всего начинается по краям и постепенно распространяется на весь хрусталик. У одних процесс проходит бурно и зрение ухудшается за полгода, у других — созревание длится десятилетиями. Когда катаракта «созрела» и глаз ничего не видит, необходимо удалить помутневший хрусталик. При обычном удалении катаракты предлагают носить очки — своего рода телескопы (плюс 12) или надевать контактные линзы.

Директор Московской научно-исследовательской лаборатории экспериментальной и клинической хирургии глаза Святослав Николаевич Федоров вместо всех устрашающих приспособлений предложил вставить в глаз искусственный хрусталик-линзу. Эта операция — она стала большим событием в офтальмологии — на медицинском языке называется экстракция (удаление) катаракты с имплантацией (введением) искусственного хрусталика.

Операция

Когда я приехала в больницу, был вторник, а уже в среду меня повезли в операционную. Сначала попадаю в «предбанник», комнату, где сидят или лежат больные до и после операции. Женщины и мужчины ведут непринужденный разговор: «Я приехал вставить хрусталик во второй глаз. А у вас что?» Продолжения разговора уже не слышу, сестра уводит в операционную. Стены, потолок здесь черные — с трудом нахожу стол. Слева освещено, слышен тихий разговор. По-видимому, идет операция. Правый стол предназначен для меня...

Ложусь, меня накрывают простыней, на грудь ставят проволочный «параллелепипед», чтобы простыня не западала и можно было свободно дышать. Дина Иосифовна Иоффе, ассистент профессора Федорова, предупреждает, что первый укол в висок болезненный. Операция идет под местной анестезией. На мой взгляд, укол обычный, не болезненнее того, что делают при удалении зуба. Второй, еле ощутимый — в веко и, наконец, последний — в глазное яблоко. Дина Иосифовна измеряет давление глаза — оно должно быть не выше 13, делает массаж глаза, я тем временем бездумно лежу. Никаких мыслей, ощущений. Включают свет, пододвигают микроскоп. Неслышно подходит и садится Святослав Николаевич. Профессор о чем-то спрашивает, я охотно откликаюсь. Вроде бы не маленькая, а до чего же приятно поговорить в такой напряженный момент на всякие нейтральные темы. Очевидно, подспудный ход мыслей такой: если Святослав Николаевич может сейчас расспрашивать, как я работала в «Новом мире», значит, не так все это сложно и нечего волноваться! Я почти забыла, где нахожусь, — ведь боли никакой, как будто не я лежу на операционном столе.

Я так увлеклась разговором, что Святослав Николаевич прерывает: «Помолчите, сейчас

буду вставлять линзу!» Через некоторое время чувствую, что Дина Иосифовна зашивает рану. И вдруг возникает ни с чем не сравнимое ощущение — слепой глаз видит! Ощущение мгновенное — на глаз накладывают повязку. Операция окончена. Кто-то заботливо спрашивает: «Как самочувствие?» Все нормально. Попадаю снова в «предбанник». Оттуда меня на лифте опускают на третий этаж, в палату.

Палата № 26

Постель приготовлена, подушки положены низко. Я ложусь и сразу засыпаю. Кажется, я пыталась во сне повернуться на бок, но Галя на страже: после операции лежать на спине полагается полтора-два часа, а дальше можешь развлекаться как заблагорассудится. В палате у нас одна Галя пока не оперированная. У нее отслойка сетчатки. Как и всюду, нянечек не хватает, и поэтому каждый в меру своих сил старается помочь ближнему. На следующий день я уже помогаю соседкам.

Утром, в половине седьмого, приходит сестра, требует измерить температуру. Около девяти перед летучкой заглянет Дина Иосифовна. Посмотрит глаз, скажет несколько ободряющих слов, улыбнется и пойдет дальше. На душе как-то сразу становится легче.

Все время теребит деятельная Нина: «Ну что ты лежишь, крутишь транзистор? Двай пройдемся по "отделению"». Она права, пора двигаться. Идем завтракать, потом в процедурную и в «темную» к Дине Иосифовне. В коридоре, как на проспекте, народу предостаточно. У большинства — над глазами белый козырек, послеоперационная повязка. У окна — стол медсестры, здесь всегда кто-нибудь стоит. Дальше телевизор и опять стол, где обычно играют в шахматы. Небольшая очередь около процедурной: после операции надо шесть раз в день закапывать разные лекарства.

«Поработав», возвращаемся в палату. Моя койка у двери. Разговаривать не хочется, можно вернуться к стенке и подремать. С наслаждением вытягиваюсь...

Взгляд со стороны

Через несколько дней меня выписали. Но захотелось поближе познакомиться с замечательными людьми, которые вернули мне зрение. День за днем езжу в клинику. Пристроившись к профессорской бригаде, я увидела операцию у не с операционного стола, а стоя рядом с хирургом (журналистам это иногда позволяют).

...Без четверти десять. Отданы последние распоряжения.

Одевание — целый ритуал. Дина Иосифовна облачается в белую пижаму и идет мыть руки. Ноги у офтальмологов всегда коротко, тщательно подстрижены и без маникюра, глаз оперируют без перчаток.

Операционная сестра Таня протягивает Дине Иосифовне полотенце, накидывает на плечи халат. Безмолвно возникают две девочки — одна завязывает халат, другая поправляет маску. Ни врач, ни операционная сестра не могут ни к чему теперь прикоснуться. То-то они ходят все с «молитвенно» сложенными на груди руками.

Обряд переодевания совершают все члены бригады и те, кому разрешено присутствовать на операции: врачи, приехавшие на стажировку, я...

Бригада приступила к работе.

Дина Иосифовна и Елена Федоровна Сугробова на ассистентских местах, каждая за своим столом, в полной боевой готовности. Пристроившись неподалеку от Дины Иосифовны, гляжу, как она подготавливает больного к операции. Чтобы глаз не двигался, верхнюю прямую мышцу ущемляют и продергивают нит-

ку, которую потом наматывают на специальный зажим. Глаз зафиксирован, густо смазан зеленкой, он одиноко поблескивает в отверстии простыни.

У Елены Федоровны Сугробовой сегодня очень беспокойный больной: семнадцатилетний парень с травматической катарактой. Он почти в полубодромочном состоянии. Если больные и волнуются перед операцией, то внешне это незаметно. Маленькие дети довольно спокойно ложатся на операционный стол. А тут взрослый парень трясется и плачет. Естественно, что во время операции не только плакать, шевелиться опасно. Елена Федоровна и все остальные всячески успокаивают парня. Но бесполезно — ни уговоры, ни шутки не помогают. И вдруг кого-то осенило: попросили включить музыку погромче — операции идут под мелодичную, напевную музыку. Больной как-то сразу затих и успокоился. Через селектор раздается голос Святослава Николаевича: «Дина Иосифовна! Вы меня слышите?» «Все готово. Ждем».

Профессор приходит и садится за стол. Операционный стол — изобретение Святослава Николаевича, с приставкой, в которой отверстие для головы больного. Хирург оперирует сидя. Руки и инструмент — на приставке. Перед глазами — подвесной микроскоп. Меня на минуту подпускают посмотреть. Глаз через окуляры кажется непомерно большим.

...Хирург приник к микроскопу, руки — у глаз больного. Мягко, осторожно двигаются пальцы, маленькими «маникюрными» ножницами вырезают полукружие в роговой оболочке, вытягивая скеез отверстие хрусталик, расправляя радужную. Ни одного лишнего движения. Так же быстро двигаются руки ассистента. В нужный момент, не раньше и не позже, Дина Иосифовна прижимает кровотокающий сосуд, вытер кровь. Здесь не говорят: «Дайте». Взад и вперед бесшумно ходит Таня, пододвигает перед «сервировочный» столик с нужным инструментом.

Наступает самый волнующий момент — в область зрачка вместо хрусталика, который находится за радужной оболочкой, — маленького, желтого, отдаленно напоминающего пуговку, вводится искусственный. Дальше действует Дина Иосифовна. Невидимыми нитками она плетет тончайший узор, зашивая рану.

Последний укол под конъюнктиву, чтобы не было осложнений, и операция, можно считать, окончена, больного увозят. Через несколько дней после операции больной видит 5–6 строчек. В конечном итоге, если нет никаких осложнений, зрение достигает единицы.

...А Святослав Николаевич тем временем пересаживается за другой стол, к Елене Федоровне. Пока он будет оперировать, привезут следующего больного — им займется Дина Иосифовна. Время от времени возникают девочки в коротких халатах, одних больных увозят, других тут же привозят. Это и есть знаменитый бригадный метод, который позволяет делать 12–14 операций в день. Такое впечатление, что присутствуешь на хорошо отрепетированном спектакле с прекрасными актерами и режиссерами. Что-то хочется рассмотреть подробней, тогда к вашим услугам телевизионный экран. Такие экраны есть в нескольких помещениях. У Святослава Николаевича в кабинете тоже. Здесь же селектор. Если профессор не оперирует, он может руководить своими хирургами издалека. Надо сказать, что, когда профессора нет, по сути дела, ничего не меняется, только вместо него от одного к другому столу пересаживается Дина Иосифовна. А ей помогают ординаторы.

После операции, примерно часа в четыре, начинается обход палаты. Профессор подходит к каждому больному с вопросом: «Как себя чувствуете?», — приподнимет повязку и обычным карманным фонариком посветит в глаз. Фонарик этот, как символ их дела, — возвращать людям свет.

СПРАВКА НА ТАЙНУ

Нас было пятеро в палате № 3. Одна средних лет женщина, не будучи преступницей, скрывалась под чужой фамилией. Вторая, самая юная обитательница палаты, пытаясь избежать огласки, заплатила двадцать пять рублей бабке и спустя неделю в полубоморочном состоянии буквально доползла поздним вечером до больничного крыльца. Третью привезли на «скорой», полумертвую после домашнего самолечения, и вместо обычных трех отхаживали в больнице двадцать койко-дней. Еще одна молодая красивая женщина, получив при выписке справку, где черным по белому, словно детем по телу, удостоверилось, что она перенесла операцию аборт, тут же порвала ее на мелкие кусочки...

Подпольный аборт, самолечение, вынужденный псевдоним — тщетные и опасные попытки избежать осложнений отнюдь не медицинского характера. За каждой из нас стояла ложь. Ценой своего здоровья мы платили за право на элементарную женскую тайну. Накануне выписки я тоже зашла в кабинет главного врача и, презирая себя за глупые, невольные слезы, за всю свою больничную беспомощность, просила не писать в больничный лист настоящий диагноз, невнятно бормоча что-то про свой возраст, про личное свое, сугубо личное несчастье, которое хотела бы пережить наедине с собой...

— Ну что вы, милая, — утешая, снисходительно улыбался доктор, — какая разница, что за диагноз будет стоять в бюллетене? Это же формальность. И в конце концов я не могу, не имею права, да, да, не имею. Есть инструкция министерства. Есть статистическая отчетность. Есть дисциплинарная ответственность, наконец, и я обязан...

И во исполнение всех обязанностей и инструкций а моем голубом больничном листке появилась запись, что у гражданки Сидоровой К. З. была беременность такого-то срока, но в силу, увы, уже немолодого возраста данной гражданки стать матерью ей не удалось...

Аристотель, кажется, сказал, что больной должен уйти от врача а лучшим настроении, чем пришел к нему. Я вышла из кабинета, мягко скажем, не «по Аристотелю», и прямо перед собой, на противоположной стене больничного коридора, увидела заключенную в красивую золотую рамку «Присягу врача», знаменитую клятву Гиппократу, призывающую уважать тайну больного. В свете сложных юридических, финансовых, медицинских инструкций взятый в золотую рамку текст не воспринимался всерьез.

Целый месяц я не сдавала проформу — моему коллеге по работе злосчастный бюллетень. Решила было даже подать заявление об уходе из лаборатории, где проработала много лет. И только муж уговорил «плюнуть на все и не делать глупостей». Муж... Именно это «обстоятельство» вызвало высшую степень добропорядочного удивления доктора. «У вас есть муж, так чего же вы стесняетесь?» — искренне недоумевал он.

Будто бы женщина, выходя замуж, тем самым автоматически освобождается от всяких стеснений и переживаний, от естественного желания оградить свой интимный мир как от чужого любопытства, так и от чужого равнодушия.

А как быть женщине, не «освобожденной» наличием супруга от чувства собственного достоинства, как быть женщине, которая не хочет стать предметом разнообразных предположений? Видимо, тот, кто в административном вдохновении недогнувшей рукой сочинил форму отчета об вборме, не даст ответа на этот вопрос.

Проблемы медицинские и моральные часто идут рядом. Мы охраняем тайну самой пустяшной переписки, авторства социологических анкет и опросных листов, всерьез спорим, этично ли пользоваться скрытой фотокамерой. И тут же открыто крупным планом и большим тиражом фиксируем личные тайны женщины.

Спросите, кому это нужно? Все в один голос ответят: статистике. Той самой неутомимо любопытной статистике, которая хочет знать все. Но подчитайте, к примеру, сколько справок об абортах выдано больницами и сколько сдано в бухгалтерию. О чем говорит эта разница? А сколько женщин не идет в больницу, подвергаясь смертельной опасности!

Ни одну палату в гинекологических отделениях не обходят эти сокровенные женские разговоры. И острота и тяжесть переживаний зависят не только от семейного положения, но и от общего нравственного облика, возраста, типа нервной системы каждой женщины. И даже от роста культуры всего общества в целом. А рост этот можно ли не замечать?!

Я не медик, не юрист, не министр финансов и не могу предложить компетентных решений, но пусть все, кому по должности положено, подумают, как сделать, чтобы статистика болезней не была статистикой бюллетеней, чтобы медицинская информация не утекала постоянно из органов здравоохранения во всевозможные другие органы.

«В медицине всегда стоял вопрос о врачебной тайне, — пишут видные советские психологи М. С. Лебединский и В. Н. Мясищев в «Введении в медицинскую психологию», — только в тех, весьма редких случаях, когда желание больного... серьезно противоречит интересам общества или жизненно опасно для самого больного, врач не имеет права обещать сохранить тайну. Во всех других случаях тайна больного должна безоговорочно соблюдаться».

Не пришла ли пора соединить теорию с практикой?

Посылая это письмо, я не щаю себя и раскрываю наши женские тайны с тайной надеждой, что я последняя женщина, которой приходится это.

К. СИДОРОВА, инженер-экономист

ИКСОВ

КАКИМ БЫТЬ?

В пятницу гражданин Иксов обнаружил в почтовом ящике повестку, которая до крайности его удивила. От него вдруг потребовали строго обязательной явки... не в военкомат и не в суд, а в жэк. Не хотел идти Иксов по повестке, да жена убедила. Все равно, говорит, тебе в субботу делать нечего.

Ладно. Пошел Иксов в жэк к 12 часам, как было в повестке указано. Надо же как-то время убить до встречи с закадычными друзьями Эдиком и Валерой, до пивбара и до футбола по первой программе телевидения.

И вот приходит он в жэк и видит в дверях торжественно одетого пенсионера, который пригласает:

— В зал пожалуйста...

«Собрание, — ахнул про себя Иксов. — Вот скучища-то! Ну и влип я!»

И только собрался Иксов незаметно уйти, как слышит приятный голос: «Товарищи!» Это встала одна из сидящих за столом а президиуме. Интересная женщина, между прочим, молодая. Еще за столом были известный уже Иксову пенсионер и женщина-милиционер.

«Милиционерша-то причем? — удивился Иксов. — Неужели про правила дорожного движения заведует?»

Но тут красивая женщина говорит:

— Давайте познакомимся. Я ваш новый начальник жэка. Сейчас я начну товарищеский суд. И помогут мне в этом инспектор детской комнаты милиции и наш общественник... Попрошу выйти сюда гражданина Иксова!

Что за чудеса? Иксов хотел было сказать: «Не, я лучше тут посижу», — но не сказал, а пошел послушно к столу, замороженный, видимо, голосом нового жэковского начальника.

Тут женщина-милиционер вынимает из ящика какую-то вещь и обращается к Иксову:

— Это ваш предмет?

— Ну, мой...

Милиционер поднимает этот предмет так, чтобы видел зал, и продолжает:

— Что вы делали, гражданин Иксов, во вторник между семью и восьмью часами вечера?

— Вот еще, буду я помнить! — рассердился Иксов.

— Мы вам напомним, — вмешивается начальник жэка. — Вы в это время били вот этим ремнем (она указывает на опознанный Иксовым предмет) вашего двенадцатилетнего сына Сергея.

— Ну и что? — не понял Иксов. А в зале между тем звонко зааплодировали. — Я его что, покалечил?

— Тогда бы ты перед другим судом стоял, — крикнули из зала.

А пенсионер добавил:

— Тогда бы вы просто-напросто могли распрощаться с родительскими правами.

— Какие же это права, товари-

щи,—возмутился Иксов,—если я собственного сына не могу накачать ремнем? Вон нас у отца четверо было, и всех он лупил, так мы ж его боялись.

— А что, это хорошо, когда дети боятся?—не унимается пенсионер.—Я, между прочим, пятерых вырастил и ни одного не ударил. Они никогда не боялись меня, Иксов. Они огорчили меня боялись. Улавливаете разницу, Иксов?

— Так, может, ваши дети не заслуживали наказания. А моего я ремнем учу, чтобы двоек не носил домой, чтобы учителям не грубил. Битие определяет сознание,—твердо закончил Иксов.

Красавица-начальник вроде даже обрадовалась, вроде поняла Иксова.

— Значит, за плохие поступки надо бить?—говорит.—Пожалуйста,—приглашает она кого-то из зала.—Ваше слово.

И видит Иксов, что к столу подходит председатель его комитета. Вынимает он блокнотик и зачитывает: когда Иксов прогулял, когда опоздал, когда и сколько деталей загорел, кого обругал, и так далее и тому подобное.

— Признаете, Иксов, что совершили все эти проступки?—спрашивает начальник жэка.

— Ну, допустим,—соглашается Иксов, все еще не понимая, чего от него хотят.

— Тогда мы вас сейчас будем воспитывать,—весело говорит пенсионер.—Вашим же методом. Битие ведь определяет сознание, а, Иксов?—И, сказав это, берет за иковский ремень.

— Да вы что?—возмутился Иксов.—Как это бить? Да я не допущу такого стыда.—Сказал и боится на красавицу начальника жэка взглянуть.

— А вашему сыну не было стыдно? Он себя не чувствовал униженным?—спрашивает красавица и опять вызывает кого-то из зала.

— Сережа Иксов,—дает показания учительница,—выглядел в среду очень подавленным. Ответить не мог. Все перемены стоял один у окна. Спрашиваю: «Что с тобой?».—Плечет...

— Да чего с ним церемониться?—раздался голос из зала.—С такими говорить—слова терять. Давайте порите. Как он сам предлагал...

— Товарищи, товарищи,—за метался Иксов.—Погодите! Я тогда просто погорячился. Понимаете, понервничал. Меня как раз в тот день премии лишили.

— Ну да!—крикнули из зала.—Он же начальника цеха ремнем не ударит. Небось, не сорвется! А ребенка своего бей, пожалуйста. За это на пятнадцать суток не посадят.

— Все, Иксов,—встал пенсионер с ремнем в руке.—Вы сына своего, кажется, на пол бросили. Теперь извольте сами лечь. И побыстрее. А то мы еще трех пап и двух мам нашего микрорайона вызвали на субботнюю порку...

Он еще не успел приблизиться к Иксову, еще не взмахнул ремнем, а Иксов уже, закрыв глаза, закричал:

— Ой, не надо! Ой, больно...

Вы, конечно, догадались, уважаемые мамы и папы, что не было и не могло быть такого суда. А вот повод для него есть.

Есть вполне реальные письма в редакцию. Под этими письмами не всегда стоят подписи, потому что их авторам больно и стыдно. Только отчаяние, только неподдельное горе заставляет детей обращаться к незнакомым людям.

На одном маленьком листке было старательно выведено: «Дорогой журнал «Работница»! Ответь мне, пожалуйста, на такой вопрос: можно ли воспитывать детей кулаками?»

О том, что этого делать нельзя, написано в общедоступных и широко пропагандируемых книгах, об этом постоянно напоминают педагоги и врачи в газетах и журналах, в радиобеседах «Взрослым о детях». Существуют специальные университеты для родителей, где настоятельно рекомендуются совсем иные, основанные на уважении к ребенку методы воспитания. Так чем же пренебречь упорных сторонников ремня и кулаков? Может быть, какие-нибудь папы и мамы, похожие на Иксова, почувствуют себя хотя бы на минуту в положении избиваемого ребенка и поймут, как это должно быть обидно, когда тебя бьют.

И как это больно.

Л. ПЕРФИЛЬЕВА

По щучьему велению...

В копильном цехе Чернышевского рыбзавода Якутской АССР печи устроены таким образом, что копятся здесь не только щука и окунь, но и вся бригада рыбообработчиц. Плотная дымовая завеса выжимает слезу из глаз руководства завода и мешает рассмотреть, в каких условиях работают семеро смелых женщин. Правда, и с закрытыми глазами, на слух можно уловить то хруст льда, то чавканье воды под резиновыми сапогами. Движение же дыма, словно флюгер, показывает направление гуляющих в цехе сквозняков.

В Ленском объединении «Ленсклищепром» на линии розлива пива и безалкогольных напитков, наоборот, дыма нет, и все видно. И вышедшую из строя бутыломоечную машину, и разобранный с прошлой весны дозирочный аппарат, и женщин, моющих бутылки и наливающих сироп вручную. Особенно же бросается в глаза новое оборудование, прибывшее в адрес объединения. Оно до сих пор стоит под открытым небом. «План у нас не выполняется, заработки снижаются»,—подводят итог всей этой «наглядности» сами работницы.

Быть может, в Якутском областном совете профсоюзных надеются, что условия труда женщин на вышеуказанных предприятиях изменятся к лучшему не иначе как по щучьему велению?

ЖИВАЯ ХРОНОЛОГИЯ

Много сейчас говорят о снижении рождаемости, книги пишут, совещания проводят, симпозиумы. А я скажу из практики. Из своей личной практики. Когда я своего первенца рожала, было у нас в Муствез родильное отделение. Восемь лет назад это было, но до сих пор приятно вспомнить.

Когда я второго рожала, отделение было закрыто на ремонт. Пять лет назад это было, но до сих пор не забыла, как ездил я в соседний город «за сорок верст киселя хлебать»—еле успела...

Сейчас вот третьего жду и заранее волнуюсь: где рожать придется, пока не знаю. Родильное отделение так еще и не открыли.

Может, лучше не рожать?

Т. МАТИНА

г. Муствез, Эстонская ССР.

Вот какие уютги!

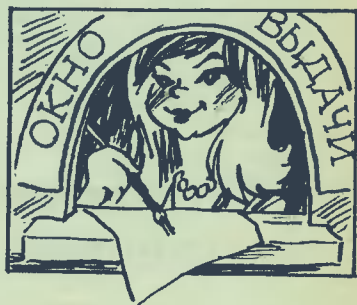
Галина Григорьевна Ковалева гладила белье, когда в чреве уютга раздалось характерное «кряк!», и он начал медленно остывать, словно большая погасшая звезда. Чтобы продлить срок его службы, хозяйка пошла в магазин и купила «Элемент нагревательный для уютга» киевского завода «Электробытприбор».

Однако модель эта оказалась из категории предметов разового пользования, вроде бумажной салфетки. Галина Григорьевна снова пошла в магазин и попросила «Элемент» другого завода.

— Спиралью другого завода у нас нет,—сказала продавщица.

За год Ковалева сменила пять спиралей, но электротехника подвела, как и прежде. А тут подвернулся случай, купила она новый уютг. Доверие анушал его внешний вид, и производитель уважаемый—Новочеркасский электровозостроительный завод.

Минул месяц, и пришлось вернуть покупку на завод для ремонта. Еще через месяц Ковалева получила ласковое письмо от начальника ОТК В. П. Лебедева: на этой неделе, дескать, вышлем вам уютг в исправном виде. На радостях Галина Григорьевна затеяла генеральную постирушку... И вот уже три месяца лежит белье неглаженным. Любопытно, что за электровоз, какого завода, тянет состав с обещанной посылкой из Новочеркасска в Кропоткин?

Приятно было узнать, с какой быстротой откликнулось московское областное производственное объединение «Радуга» на ЧП, опубликованное под названием «Фигурный листок № 850604» («Работница» № 11, 1976 г.). Директор «Радуги» тов. Маршавин сообщил нам, что пропавшая заказщица произошла по вине комплексной бригады, производившей обработку броек. За счет виновных в этой истории лиц заказчику выплачены деньги. А начальник цеха химчистки Н. А. Бабыкина за неудовлетворительную работу цеха, за многочисленные жалобы со стороны заказчиков освобождена от занимаемой должности.

Рисунки В. МОЧАЛОВА

Стиральный порошок с точки зрения врача

Сегодня невозможно представить себе традиционную большую стирку без стиральных порошков. И как могли без них обходиться раньше, удивляются современные молодые хозяйки.

Раньше, конечно, было труднее — во всяком случае, до тех пор, пока не изобрели мыло. Но даже самое дешевое мыло обходится человеку дорого: для его изготовления нужно огромное количество животных или растительных жиров, которым куда разумнее найти иное применение. Вот потому-то — уже в середине нашего века — и появились синтетические моющие средства, приготовленные из сырья химической и нефтяной промышленности. Стиральные порошки позволили творить чудеса, о которых раньше можно было только мечтать: стирать быстро, чисто, в любой воде да еще при этом отбеливать и подкрахмаливать белье, снимать заряды статического электричества. Стиральные машины своим рождением тоже обязаны порошкам. И современные механизированные прачечные не могут без них обходиться...

Но, принимая с благодарностью дары волшебницы-химии, мы должны помнить, что химия хорошо служит лишь умелым и знающим и те же самые порошки и пасты, которые несут человеку благо, при неосторожном обращении могут причинить ущерб его здоровью.

На ярких коробках стиральных порошков обычно написаны такие слова: «Удобен для стирки в стиральной машине. Стирает ткани всех видов. Стирает без усилия, экономично, быстро. Применение мыла либо других моющих средств излишне». А вот надписей типа: «Порошок при превышении концентрации, указанной на этикетке, опасен для здоровья», — к сожалению, пока не найдешь ни на одной коробке, хотя такое предостережение было бы совсем не лишним.

С синтетическими моющими средствами хозяйке да и всем другим членам семьи иногда приходится соприкасаться ежедневно, особенно если в доме есть маленькие дети. В результате такого постоянного воздействия у некоторых людей может развиваться аллергическое состояние: сразу же, как только высыпашешь из коробки порошок, появляется насморк, сухость в горле, кашель. На глазах выступают слезы. Иногда человек ощущает внезапную головную боль, тошноту. Эти явления довольно быстро стихают, но через несколько часов могут появиться другие, уже более стойкие: кожный зуд, крапивница, иногда одышка, приступы удушья, нередко повышается температура. Человеку плохо, но свое состояние он связывает с чем угодно, только не со вчерашней стиркой. Такой мысли никому и в голову не приходило...

Чаще всего заболевают те, кто нарушает рекомендованную дозировку и высыпает в таз сразу чуть ли не полкоробки стирального порошка, чтобы «стирал чище». А ведь указания на этикетках пишутся не зря!

Если появились даже легкие признаки аллергии к стиральным порошкам, придется раз и навсегда отказаться от их применения и перейти на мыло. Заменять один порошок другим — стирать, например, «Астрой» вместо «Лотоса» — бессмысленно. Если реакцию вызвал один — противопоказаны и все другие, без исключения.

Вспомнить о мыле советуем и тогда, когда в доме появился новорожденный. В первые месяцы пеленки рекомендуется стирать только детским мылом или специальным средством типа «Бемби», не содержащим синтетических добавок.

Не пользуйтесь порошками, если стираете на природе и выливаете мыльную воду в реку, пруд. Это небезопасно для водоемов и обитающей в них живности. Дело в том, что в основу большинства современных синтетических моющих средств входят так называемые поверхностно-активные вещества, которые не поддаются биологическому разрушению и обладают способностью накапливаться в окружающей среде. Другое дело — мыло: оно легко перерабатывается микроорганизмами.

И последнее «нельзя», которым мы закончим разговор о стиральных порошках.

Некоторые хозяйки применяют синтетические стиральные порошки еще и... для мытья посуды. Это совершенно недопустимо. Сколько раз ни ополаскивай такую посуду после мытья, частицы порошка могут попасть в еду. Посуду надо чистить и мыть только специально предназначенными для этой цели препаратами — мылом, пищевой содой, горчицей, безвредность которых проверена на опыте многих поколений.

Врач С. МАРТЫНОВ

Спрашивайте — отвечаем

«Квартира у нас маленькая, и мы, чтобы сэкономить место, хотели бы обычную дверь переоборудовать в раздвижную. Муж немного владеет инструментом, так что мог бы это сделать сам, если бы были чертежи. Не могли бы вы нам помочь? Думаю, это заинтересует многих новоселов.

Галина В.»

Отвечает архитектор
А. БЕЛОРУССКИЙ.

Действительно, в малогабаритных квартирах раздвижные двери удобнее, чем распашные. Посмотрите на рисунок: если бы дверь открывалась, как обычно, вряд ли удалось бы поставить у стены такой большой шкаф. А так стена свободна.

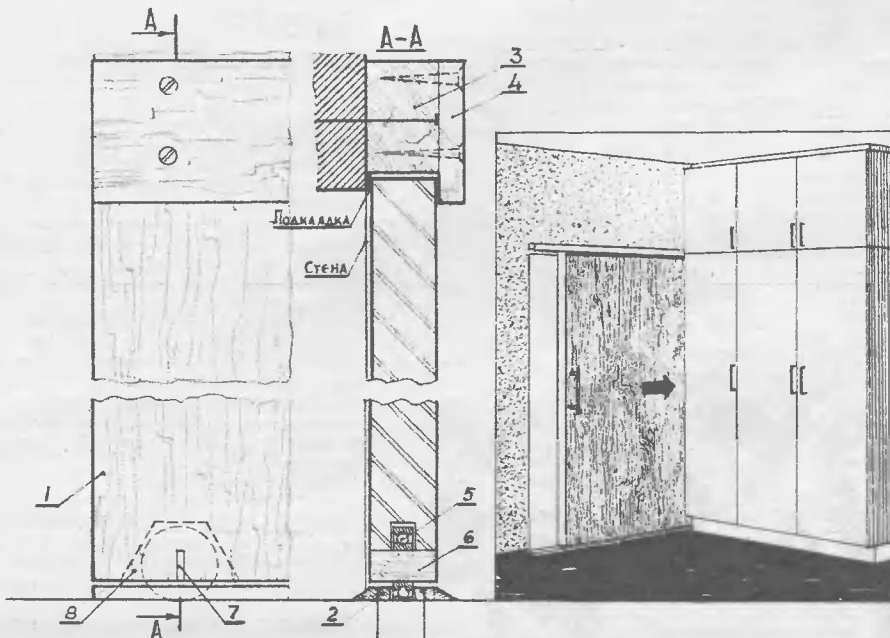
Раздвижную дверь можно сделать из старой или заново, из древесностружечной или столярной плиты (1). Понадобятся также две направляющие планки (2) сечением 10 × 30 мм, наддверная рейка (3) шириной 50 мм и толщиной, равной толщине двери, плюс 10 мм, а также залицовочная планка (4) любого сечения (примерно 80 × 20 мм). Длина всех этих деталей должна равняться

удвоенному размеру ширины двери. Раздвижение двери рекомендуется осуществлять при помощи шариковых подшипников (5) диаметром 30—50 мм. Предварительно в каждый подшипник впрессуйте плашку (6) из твердых листовых пород древесины. Плашка должна быть такой ширины, чтобы плотно входила

во внутреннее кольцо подшипника: длина ее равна толщине двери, а толщина — 10—12 мм. Чтобы закрепить плашки, сделайте в нижней торцевой кромке двери, ближе к краям, два поперечных пропила (7) размером в толщину плашки, а для того, чтобы утопить части подшипников, выберите пазы (8). После этого плашки с

надетыми на них подшипниками забивайте в пропилы до тех пор, пока нижние крошки плашек не сравняются с нижней кромкой двери. При этом внешние кольца подшипников должны легко проаорачиваться. Затем дверь можно поставить на место. С обеих сторон подшипников к полу прибивайте направляющие планки, а к

стене, на 5 мм выше двери, наддверную рейку и накладку (полосу клееной фанеры толщиной 4 мм), которая предохраняет дверь от трения о стену. К наддверной рейке шурупами прикрепите залицовочную планку (см. разрез «А-А») — раздвижная дверь готова. Остается приделать к ней ручку-скобку, а к наддверной рейке — упор, чтобы дверь оставалась в нужном положении.

● Тем, кто не может пользоваться стиральными порошками, рекомендуем моющие синтетические пасты («Мечта», «Пальмира», «Жемчужная», «Азлита», «Ландыш», «Дон» и т. д.). Паста не распыляется, не раздражает дыхательные органы и не разъедает кожу рук. А новая синтетическая паста «Вита» к тому же дезинфицирует одежду и предотвращает образование статического электричества.

● Для белого белья особенно рекомендуются порошки с добавкой отбеливателей, такие, как «Эра» или «Планета», удостоенная медали ВДНХ. Можно воспользоваться и специальными отбеливателями — например, «Лилия», «Белизна», «Универсальный», «Иней-2».

● Чем можно отбеливать пожелтевшую шерсть? Средств довольно много. Шерстяную или полушерстяную пряжу, а также связанные из нее вещи отбеливают в растворе, приготовленном из 5 г трехпроцентной перекиси водорода, 1 г нашатырного спирта и 1 л воды. Сначала выстирайте пряжу в теплой (не выше 40°) мыльной пене (мыльная стружка, «Новость» или другие порошки, предназначенные для шерсти) и хорошо прополощите, добавляя в воду питьевую соду или нашатырный спирт (20 г на ведро), а потом уже на 30—40 минут опустите в отбеливающий раствор. Затем тщательно промойте в чистой воде. В последнюю воду добавьте уксус (3 столовые ложки на ведро).

«Расскажите, пожалуйста, имею ли мы право обменять платье или свитер, если они не подошли по размеру или просто разочаровались? Ведь бывает: в магазине вроде бы все хорошо, а дома посмотрю — как следует — и видишь, что покупка неудачная.

Ирина Р., г. Москва».

Отвечает юрист Н. БУГАЕНКО.

Конечно, лучше не совершать нелепых покупок, а прежде подумать и взвесить, нужна ли вам эта вещь. Но имейте в виду, что в течение 14 дней (при условии, что сохранили чек и фабричный ярлык и вещь, разумеется, не была в употреблении) вы можете обменять неподходящую сумку, шляпу, платье, свитер и другие швейные и трикотажные изделия на аналогичные товары — другой расцветки, формы, фасона, размера. Получить обратно деньги можно лишь в том случае, если обнаружится явный брак, производственный дефект. Правило это не распространяется на белье, постельные принадлежности, чулки и носки — их не обменивают вообще.

Бывает и так: вещь вам подошла, вы с удовольствием ее носите, но через месяц-другой обнаруживаете скрытые дефекты. В таких случаях право обмена или

● Отбелить готовые изделия можно и с помощью препаратов «Лебедь», «Чайка», гидросульфит натрия. Перед тем как полоскать, добавьте в воду перекись водорода (две столовые ложки на ведро).

● После многократных стирок вещи иногда выцветают, теряют свежесть красок. Промышленность выпускает немало средств для восстановления окраски: паста «Фантазия», «Велте», порошок «Веселка», «Элегант» — для подкраски нейлоновых чулок. Но ткани, тем более с примесью синтетических волокон, реагируют на них по-разному, поэтому прежде чем пользоваться препаратом, проверьте его действие на маленьком лоскутке.

● Как стирать сильно загрязненную спецодежду? Размельчите четверть куска хозяйственного мыла, растворите в 1 л кипятка, а когда остынет, добавьте пол-литра керосина и столовую ложку стиральной соды. Этой смесью натрите спецовку, сверните и оставьте до утра. Затем выстирайте в горячей мыльной воде и прополощите в теплой. Можно воспользоваться и специальным средством «Тисне».

● Пуховый платок советуем стирать в большом тазу или ванне, в мягкой воде (лучше всего снеговой, дождевой), нагретой до 30—40°C. Растворите в ней нейтральный порошок типа «Новость» или мыльную стружку, «Детское» мыло, чтобы получилась пышная мыльная пена. Опустите платок, выстирайте, очень осторожно сжимая, как следует прополощите и, расправив, заверните в простыню. Сушат платок на раме, точно соответствующей его размерам, или на колов на простыню.

Из книги «Химия в нашем доме»

возврата сохраняется в течение полугода со дня покупки. Только ваши претензии должны быть подтверждены лабораторным анализом или заключением бюро товарных экспертиз. Это обязан сделать магазин в течение 5 дней с момента получения вашего заявления, и если вы правы, вещь обменяют или вернут деньги. Конечно, и здесь лучше бы иметь чек и фабричный ярлык, если же их нет (ведь несколько месяцев прошло), необходимо получить согласие у администрации магазина в индивидуальном порядке.

Читатель советует

Бывает, что кольцо врезается в отекший палец, причиняя человеку сильную боль. Его необходимо немедленно снять, а ничего не выходя... Попробуйте сделать так: шелковую нитку пропустите между пальцем и кольцом и с небольшим усилием намотайте на палец виток к витку длинный конец нитки. Она сдавит опухший палец. Затем размотайте нитку с другого конца, кольцо медленно начнет перемещаться, минует сустав и легко снимется.

Ю. ДЕРГАБУЗОВ

г. Долгопрудный, Московская обл.

Обед из санатория

Вкусно готовят в подмосковном санатории «Пушкино»! Немудреная, казалось бы, закуска — капуста квашеная, но хороша — малосольная, крепенькая, с морковкой и яблоками. Супчик с клецками, которые просто тают во рту. А какие бесподобные ватрушки умеют там печь!

Шеф-поваром здесь много лет работает Федор Васильевич Коломейцев. Знает он все премудрости и тонкости поварского дела. И на выдумки, изобретательство горазд. Мы попросили

его поделиться с читателями «Работницы» своими рецептами. Достал Федор Васильевич из шкафчика большую толстую конторскую книгу. Оказалось, что в нее он записывает наиболее интересные рецепты, те, что у других кулинаров вызнал, и те, которые сам придумал.

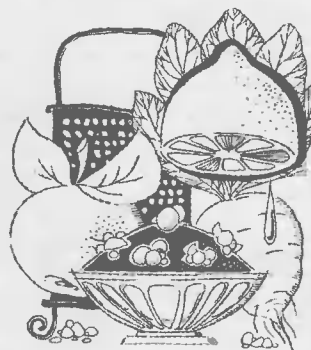
Мы выбрали рецепты попроще, не требующие высокой кулинарной квалификации и не отнимающие слишком много времени.

ИКРА ОВОЩНАЯ

Три большие свеклы сварить. Морковку, луковицу нарезать и пассировать, добавив половину чайной ложки томата-пасты. Пропустить все через мясорубку и потушить, заправив столовой ложкой растительного масла. Можно добавить еще немного лимонной кислоты, зелень. Соль — по вкусу.

СВЕКОЛЬНАЯ ИКРА С ЯБЛОКАМИ

Сварить и натереть на терке три небольшие свеклы, добавить яблоко, тоже натертое, зеленый лук, заправить по вкусу растительным маслом, сахаром, солью, лимонной кислотой или соком лимона. Подавать, украсив зеленью или консервированными фруктами.

СУП С КЛЕЦКАМИ

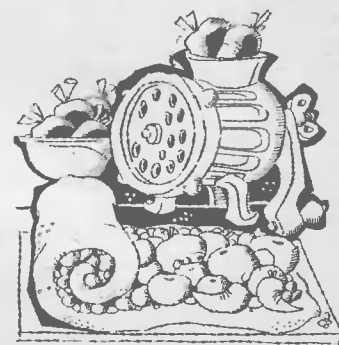
Сварить, как обычно, бульон. А вот клецки можно приготовить поразному.

Обычные клецки: 2 столовые ложки растительного масла взбить с желтком, добавить 3-4 чайные ложки муки, соль, тщательно вымесить. Потом влить в тесто взбитый белок. Напоминаем, что тесто для клецек берут чайной ложкой, смоченной в холодной воде, и опускают его в кипящий бульон.

Варшавские клецки: яйцо взбить, добавить 3 чайные ложки муки, соль, вымешанное тесто протереть через дуршлаг в кипящий бульон.

Картофельные клецки: замесить тесто (1 яйцо, 3 чайные ложки муки, 3 чайные ложки сметаны, 3 чайные ложки сливочного масла, 3 столовые ложки сухарей). Добавить 3 столовые ложки картофельного пюре. Из полученного теста скатать небольшие шарики, которыми и заправить бульон.

Творожные клецки: 50 г творога, 2 чайные ложки сливочного масла, 3 чайные ложки сметаны, 3 чайные ложки муки, желток одного яйца, тщательно вымесить, добавить взбитый белок.

РУЛЕТ «МОЗАИКА»

Овощи припустить на сковороде, чтобы стали мягкими, затем протереть через сито или проввернуть через мясорубку. Добавить яйцо, муку, соль. Творог приготовить как для запеканки: добавить соль, сахар, яйцо, манку. На салфетку, посыпанную сухарями, положить слой творога, сверху — слой из овощей, затем слой из распаренного чернослива и кураги. Свернуть в рулет — выложить на противень (разумеется, без салфетки), смазать смесью желтка со сметаной (столовая ложка сметаны, один желток) и запечь в духовке на небольшом огне. Готовый рулет нарезать на порции и подавать со сметаной, вареньем или консервированными фруктами.

На 200 г творога: 2 моркови (200 г), 2 свеклы (200 г), столовая ложка манки (20 г), 2 чайные ложки муки (20 г), яйцо, ванилин, соль.

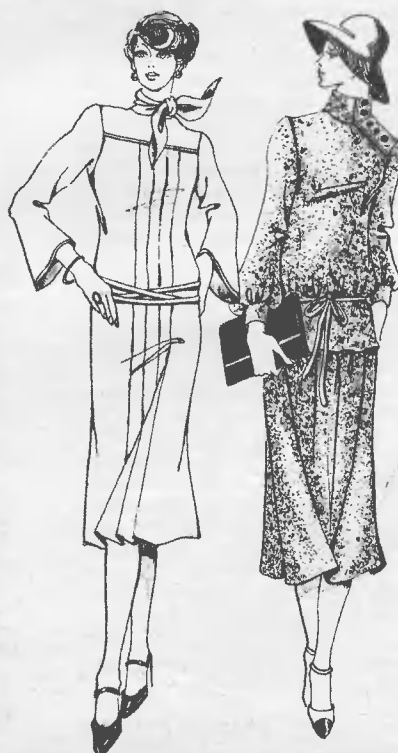
ТВОРОЖНАЯ ВАТРУШКА С ФРУКТАМИ

Творог растереть с сахаром, добавить соль, манку, ванилин, изюм, елить молоко. Формочки смазать маслом, обсыпать сухарями, выложить в них творожное тесто. На середину каждой положить распаренный чернослив, курагу, мелко нарезанные савские яблоки, посыпать по вкусу сахаром и выпекать. Подавать со сметаной.

На 100 г творога: 1,5 чайные ложки сахара, чайная ложка манки, 100 г сухих и свежих фруктов, столовая ложка молока, 2 чайные ложки сметаны, чайная ложка изюма, ванилин и соль по вкусу.

КОРЖИКИ ИЗ РИСА

Промыть и ошпарить рис, залить его кипяченым молоком и варить, пока не загустеет. Дать остыть, затем заправить рис желтком, добавить сахар, апельсиновую или лимонную цедру. Раскатать лепешки на муке, обмазать их сырым белком, обвалить в сухарях и выпекать в духовке или жарить на сковороде.

На снимках—модели, подготовленные художниками Общесоюзного Дома моделей одежды к сезону «зима—весна 1977 г.».

Фото Н. МАТОРИНА.
Рисунки И. МИКОЯН.

Премьеры моды

Новый год всегда приносит с собой и новую моду. Эта вечная новизна никогда не иссякнет, как не может иссякнуть человеческая фантазия.

Существует множество причин—экономических, социальных, эстетических,—которые вызывают изменения в одежде. Одна из них, особо характерная для нашего времени,—стремление к созданию удобного костюма, отвечающего образу жизни современной деловой женщины. Начиная с коротких, освободившихся от корсетов «мальчишечьих» платьев 20-х годов, прального, хотя и лишённого женственности костюма конца 30-х до спортивно-сухих мини 60-х, романтических макси начала 70-х и юбка-пальто наших дней—свободной от крайностей, удобной, но в то же время элегантной,—можно проследить настойчивый поиск «истины». Капризы моды, на первый взгляд кажущиеся нелогичными, на самом деле вызваны стремлением человечества к совершенствованию своей одежды, всего своего облика.

Так что же предлагает нам мода-77? Ведущее ее свойство—многопредметность, многослойность одежды. Не отдельно взятые платье, костюм, блузка, а сочетания, ансамбли вещей разной длины, цвета, назначения. Такие ансамбли удобны, так как позволяют быстро изменить костюм в зависимости от обстоятельств. Например, если холодно, надеть свитер, на него жилет, а сверху еще вязаный жакет или платье-пальто. На работе ходить в жакете, а вечером—в театре, в гостях—снять его, оставшись в платье с короткими рукавами и надеть под него нарядную блузку. Каждый день вы одеты по-разному и всегда уместно. Новая мода заботится еще и о том, чтобы одежда была легкой, не стесняла движений: проймы широкие, пояса свободные, ничто не стянуто. Даже зимние пальто стали свободными и легкими—женщина в них движется так же непринужденно, как в платье.

Характерная черта моды-77—стремление к классическому стилю, то есть одежде спокойной, традиционной по своим пропорциям, деталям и характеру. Не случайно модным стал классический английский костюм, который с удовольствием носили еще наши бабушки: он всегда к месту и всем идет (об английском костюме мы подробно рассказываем в приложении к этому номеру).

Классический стиль современной моды гармонично сочетается с мотивами народного искусства. Национальная одежда многих народов отличается красочностью и рациональной простотой форм. Уютные шали и платки, безрукавки, полушубки, толстые вязаные кофты, стеганки, накидки, яркая, сочная, но не «кричащая» декоративность—все это мода черпает из сложившейся веками сокровищницы народного костюма.

Наряду с классическим и «этническим» стилем сохраняется и стиль спортивный—все те же любимые нами пальто и плащи с поясами и карманами, свитеры, куртки, блузки-«батники» и платья-рубашки.

Длина разнообразна, из-за нее теперь не спорят. Все крайние точки зрения примирил многослойный ансамбль. Так, пальто и плащи обязательно закрывают колени, часто опускаются до середины икры. Платья и

блузы-туники, доходящие до колена, носят с брюками, юбками, длина которых на 10—20 см ниже колена. Жакеты и жилеты могут быть совсем коротенькими—до талии, или спускаться до середины бедра.

Все более прочную позицию в моде завоевывают полупальто, платья-пальто и куртки различной длины—3/4 или 7/8. Они лучше других видов одежды дополняют брюки и узкие прямые удлиненные юбки. Характерная особенность таких платьев и жакетов—свободный крой, расширенные спущенные плечи, широкие проймы рукавов. Их носят поверх блуз, свитеров, платьев и жилетов.

Модные брюки стали более узкими (около 26 см) и уже не расклешенные, а прямые по всей длине. Часто их собирают внизу на резинку, носят заправленными в сапоги (разумеется, молодежь).

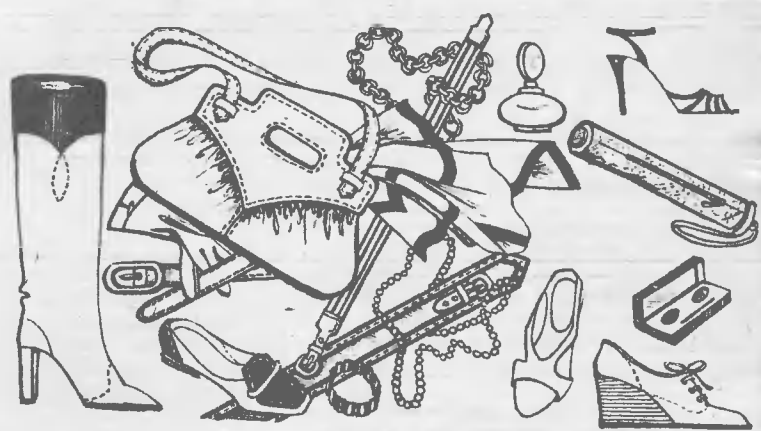
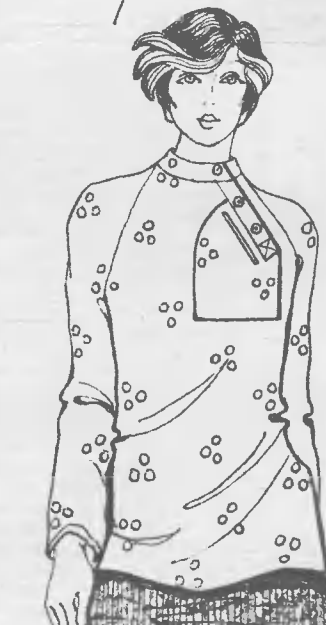
Подойдет всем женщинам современная модная юбка. Юбки могут быть прямыми, узкими, со шлицами или складками, целиком в складку или плиссированные, запахивающиеся, на застежке. По линии бедер все складки застрочены. Часто юбки кроются на кокетках—прямых, углом, асимметричных, подчеркнутых пояском, рельефными строчками, защипами. Входят в моду так называемые «круглые» юбки—присборенные вокруг талии, но, конечно, они пойдут только тоненьким женщинам.

К юбкам предлагается новый вид одежды—бесподкладочные жакеты, которые скорее можно назвать блузами. Они более легкие, свободные, чем обычные жакеты. Их можно надеть и на свитер, блузку.

Самые модные в 1977 году платья—это туники, платья-свитеры, платья-сарафаны и платья с заниженной линией талии. Платья-туники прямого силуэта, довольно короткие, с длинными боковыми разрезами-шлицами. Носят их в комплекте с брюками или юбками, поддевая вниз свитер или завязывая шарф. Этот ансамбль «прибавляет» рост и делает фигуру стройнее.

Платья с заниженной талией менее универсальны—они хорошо смотрятся только на высоких и худеньких. У таких платьев прямая юбка и довольно свободный, с небольшим напуском над талией лиф. Рукава покроя реглан или вшивные со спущенным плечом. Модные небольшие вырезы—«лодочка», «трапеция», но особенно воротники-стойки, или, как их называют, «хомуты»: маленькие, большие, мягко задрапированные, застегнутые на «молнию» или на пуговицы сбоку, как у русских косовороток. Эти воротники и дали название—платья-свитеры. Такие платья чаще выполняют из трикотажных полотен или мягких, пластичных тканей. А если из тканей обычных, то с трикотажными (или связанными вручную) деталями: воротником, вставкой по линии талии или кокетки. Могут быть также связаны карманы, манжеты. Фасоны у этих платьев простые, деталей мало. Главное—прямой силуэт и модная линия цельнокровного или спущенного рукава.

Не выходят из моды сарафаны в спортивном стиле. Обычно их делают закрытыми, но с широкими и глубокими проймами, а иногда и с короткими широкими рукавами, с большими карманами, отделяют строчкой.

По-прежнему самой модной обувью для зимы и весны остаются сапоги. К ботинкам и низким сапожкам для молодежи предлагаются красочные высокие толстые носки—гольфы. Нарядные туфли—изящные, на высоких тонких каблуках, с тонкими ремешками через подъем.

Длинные шарфы остаются в моде.

Основательно и надолго захватили первенство и всевозможные вязаные шапочки. Соперничают с ними только русские шапки-кубанки, ушанки и маляхи из пушистого меха, которые носят в холодные зимние дни.

А. ТАГИЕВА

ДЕЛО НЕ ЧАСТНОЕ

В статье «Дело частное, семейное» («Работница» № 10 за 1976 год) подвергалась критике позиция невмешательства, которую предпочитают занимать некоторые облаченные властью лица и учреждения, когда речь заходит о помощи женщине, разводящейся с мужем, пьяницей и хулиганом.

В связи с опубликованием статьи начальник УВД Донецкого облисполкома тов. Гладуш сообщает, что работники милиции, не оказавшие необходимой помощи Екатерине Плотниковой, привлечены к строгой дисциплинарной ответственности. Всем начальникам органов внутренних дел области дано указание проанализировать, что предпринимается по поводу жалоб граждан на различные правонарушения в быту, и наметить исчерпывающие меры по улучшению этой работы и профилактике таких правонарушений.

«Есть случаи,—говорилось в статье,—когда предприятие отказывается помочь в размене квартиры бывших супругов». Об этом написала в редакцию Ольга Рудь из г. Орджоникидзе Днепропетровской области.

Редакция «Работницы» получила ответ из Орджоникидзевского горкома Компартии Украины.

Секретарь горкома партии тов. Маганчук сообщает, что указанные в статье факты имели место, критика признана правильной. Комитету профсоюза Орджоникидзевского горно-обогатительного комбината горком партии указал на нечуткое отношение к людям, проявление волокиты при размене квартиры. В настоящее время просьба О. И. Рудь удовлетворена. Ей выделена отдельная двухкомнатная квартира.

ПОПРАВКА. В № 12 за 1976 год, на стр. 4, допущена опечатка. Вместо «33 млн. копек будет в больницах страны к 1980 году» следует читать «3,3 млн. копек».

На первой странице обложки: Нина Политова из Самотлора.

В приложении к этому номеру: модели и выкройки английского костюма, узоры для вышивки крестом и гладью, выкройка сарафана для девочки.

Незнакомка

Каждая знаменитая картина имеет историю, которая с годами обрывает все большим количеством легенд, часто весьма противоречивых. С картиной Крамского, репродукцию которой мы публикуем в этом номере, все случилось именно так, с той небольшой разницей, что сам художник стремился не только заинтересовать зрителей содержанием своей работы, но и заинтриговать их. Он пишет портрет вызывающе красивой и, по-видимому, чем-то взволнованной женщины на фоне Невского проспекта и Анчирова двора и намеренно называет его «Неизвестная». Репин в своих воспоминаниях рассказывает, что, когда в 1883 году полотно впервые появилось на XI выставке передвижников, всем хотелось узнать, кто же такая эта Неизвестная.

Это и поныне осталось тайной. Среди художников, впрочем, сохранилась романтическая легенда о неожиданной встрече Крамского на улице с неизвестной женщиной, поразившей его яркой, эффектной красотой и необычным выражением лица. Через какое-то время в доме друзей, листая семейный альбом, художник среди множества фотографий увидел то же лицо и узнал историю нелегкой, исполненной драматизма жизни. Однако ни первые биографы художника, ни его дочь Крамская-Юнкер эту легенду не подтверждают, считают, что образ, созданный Крамским, собирательный и даже писался портрет с разных натурщиц. По свидетельству дочери, она и сама позировала для фигуры Неизвестной, сидя в коляске. Недавно найден первоначальный эскиз картины. Молодая женщина, сидящая в коляске, с вызовом смотрит поверх голов проходящих мимо людей. Ее грубо чувственных лицо, растрепанные волосы и не совсем сажий туалет не соответствуют ее позе, что вызывает насмешку и сожаление.

В воспоминаниях Репина есть рассказ об одном дне, проведенном среди «артельщиков» — тех самых художников, которые во главе с Крамским демонстративно вышли из Академии и организовали свободное творческое сообщество. Собравшись в большой мастерской, они все писали одну ослепительной красоты натурщицу. Репин был этим несколько озадачен, потому что сподвижники Крамского, как он считал, являлись разрушителями эстетики, аозвы-

шенным темам, высокому стилю предпочитая «низкий» жанр, изображение сцен народной жизни. А тут, не скрывая своего восхищения, они писали красавицу. Правда, как заметил Репин, только Крамскому, единственному из всех, удалось уловить женское очарование натурщицы. Он был очень оживлен то ли атмосферой соперничества, которая невольно возникла в мастерской, то ли прикосновением к красоте, но работал энергично и удивительно точно. Именно тогда Репин понял, что в своем отношении к красоте «бунтари» совсем не похожи на все отрицающих нигилистов. Они, посмеиваясь над заповедью академических профессоров, утверждавших: «Тот не художник, кому живая женщина нравится больше Венеры Милосской», — предпочитали живую жизнь мертвым канонам. Вслед за Чернышевским они с восторгом повторяли: «Прекрасное есть жизнь». А поскольку красота была частью жизни, они любили ее, не становясь, впрочем, ее рабами. Не случайно они провозгласили себя служителями не красоты, но истины.

Рассуждая о назначении искусства, Крамской говорил Репину: «Не в том дело, чтобы написать ту или другую сцену из истории или действительной жизни. Она будет простой фотографией с натуры, этюдом, если не будет освещена философским мировоззрением автора и не будет носить глубокого смысла жизни...»

Эти слова художник подтвердил всей своей жизнью. В каком бы жанре он ни работал, он всегда стремился к осмыслению изображаемого. Это относится и к портрету.

Крамской был одареннейшим портретистом. Его способность передать внутреннюю жизнь человека многим казалась почти сверхъестественной. Софья Андреевна Толстая, наблюдавшая не раз за работой художника, писала, что его портреты Льва Николаевича «замечательно похожи», «смотреть страшно даже». Удачи радуют Крамского, но не останавливают его поисков. Он ставит перед собой задачу не просто запечатлеть какого-то человека, но через него выразить себя, свое отношение к жизни вообще и к своему времени в частности. И в самом деле: его портреты современников воспринимаются как картины. Вот, например, как отзывался В. Стасов о портрете певицы Е. Лавровской, которая изображена была во весь рост на эстраде в зале Дворянского собрания во время концерта: «...перед... глазами не то что уже простой портрет, а целая картина, где представлен и представлен на веки вечные отрывок из нашей перепешней жизни, из нынешних радостей и адонхонений». Картинами называли современники Крамского также его портреты Рубинштейна, жены художника с книгой в руках, больного Некрасова.

Может ли стать темой картины лицо человека, запечатленного в какой-то из переломных или просто необычных моментов его жизни? Задавшись этим вопросом, Крамской пишет «Лунную ночь», «Неутешное горе», «Неизвестную». Три женщины, три судьбы, три повести о разных жизнях. «Неизвестная» отличается от двух других картин тем, что лицо женщины настолько приближено к зрителю, что можно разглядеть и матовость смуглой кожи, и бархатистые тени от длинных ресниц, и невольную слезу, которая маскируется намеренно холодным, надменным выражением лица. Мы рассматриваем золотистый тон кожи, которым обтянуто сиденье коляски, мягкую синеву бархатного костюма, украшенного мехом и лентами, переливы светлого шелка, которым подбита шапочка со страусовым пером. Каждая деталь заставляет нас задумываться над тем, кто же такая эта незнакомка, к какому слою общества она принадлежит, какой ценой ей пришлось заплатить за роскошь, которая ее окружает.

Красота женщины волнует нас не сама по себе. Не случайно мы задаемся вопросом: не сыграла ли эта красота роковой роли в ее судьбе, в истории ее отношений с людьми, с обществом?

И с каким-то щемящим чувством отходим от картины, так и не получив ответа на все эти вопросы. А они между тем преследуют нас и беспокоят, заставляя

Главный редактор В. Е. ВАВИЛИНА.

Редакционная коллегия:
А. П. БИРЮКОВА, И. Г. ВОЛОБУЕВА,
Д. Т. КАРАСЕВА, Е. В. КОНОНЕНКО,
М. И. РОЖНЕВА, З. Н. ТИМОФЕЕВА
(зам. главного редактора),
А. Г. ХРИПКОВА, Р. А. ЭЛЬДАРОВА.

Адрес редакции:
101458, Москва, А-15, ГСП-4,
Бумажный пр., 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:

промышленного—250-11-72; международной жизни—250-44-80; литературы и искусства, коммунистического воспитания—250-12-30; семьи и быта, науки и антирелигиозной пропаганды—250-11-93; художественного оформления—258-14-13; писем—250-57-38; массовой работы—250-44-80; зав. редакцией—253-30-05.

Сдано в набор 23/XI-1976 г.
А 01024. Подписано к печ. 17/XII-1976 г.
Формат 60 × 90¹/₈.
Усл. печ. л. 5,43. Уч.-изд. л. 9,56.
Тираж 130000 экз.
(1-й завод: 1—11246000 экз.).
Изд. № 47. Заказ № 3156.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-47, ГСП-4,
улица «Правды», 24.

Оформление художника
Я. Е. МИРОШНИЧЕНКО.

Технический редактор
Н. И. МАКАРОВА.

Фото М. ТУНКЕЛЯ.

И. КРАМСКОЙ. НЕИЗВЕСТНАЯ.

вновь и вновь возвращаться к полотну, задумываться над судьбой изображенной на нем таинственной незнакомки.

Невольно на память приходят строки Некрасовского стихотворения «Когда из мрака заблужденья я душу падшую извлек», посвященного той, которую поэт называет «дитом несчастья», а толпа клеймит позорным именем. Вспоминается и героиня тючевской лирики, борющаяся за право любить, не считаясь с мнением света, любить наперекор и людям и судьбе:

И горе ей,—увы, двойное горе,
Той гордой силе, гордо-молодой,
Вступающей с решимостью во взор
С улыбкой на устах—в неравный бой.
Когда она, при роковом сознании
Всех прав своих, с отвагой красоты,
Бестрепетно, в каком-то обаянии
Идет сама навстречу клеветы...

За несколько лет до появления картины Крамской был опубликован роман Толстого «Анна Каренина».

Параллель между образом Анны и Неизвестной невольно возникала в воображении современников. Возможно, толстовская героиня и повлияла на самое рождение замысла Крамского. Особенно сцена появления Анны в театре, когда посторонние могли любоваться спокойствием и красотой этой женщины, не подозревая о том, что она чувствовала себя как человек, выставленный у позорного столба. Этот контраст внешнего и внутреннего мог поразить Крамского глубиной психологического конфликта. В своей картине художник выбрал момент, подобный тому, который изобразил Толстой, и сам как бы со стороны смотрит на свою модель, не открывая собственного отношения к ней, тем самым как бы заставляя зрителя додумывать судьбу изображенной женщины, напрягать свое воображение и фантазию.

Был ли знаком Крамской с рассказами Гаршина, помнил ли он одну из любимых героинь писателя—Надежду Николаевну, отторгнутую обществом, внутренне надломленную? Литературные примеры можно было бы множить до бесконечности, потому

что образ женщины, противостоящей обществу, не принимающей его тупую и ханжескую мораль, был чрезвычайно популярен в прозе и поэзии 60—70-х годов прошлого века.

Связь с литературой продолжилась и в нашем веке. Картину Крамского все знают не под тем названием, которое дал ей автор, а под другим. Ее называют «Незнакомка», возможно, под воздействием блоковской «Незнакомки». Образы эти совсем не похожи, и все-таки какая-то внутренняя связь, на мой взгляд, между ними существует. В сознании большинства людей утвердилась мысль, что в русском искусстве существуют две «Незнакомки»: одна—Крамской, другая—Блока.

Кто знает, может быть, под влиянием Блока и возникла романтическая легенда о неожиданной встрече на улице, о красавице, преследовавшей воображение художника. Что ж, это еще одно доказательство живой жизни полотна.

Л. ОСИПОВА

Суббота.

Литограф
К. Калинычева

Усатый-полосатый.

дней — дети. Им в творчестве художницы дано было занять значительное место. Есть у Клары Ивановны работа, где две женщины — старая и молодая — стригут овец. Рядом с ними ребенок. Этот мило косолапый мапыш так трогательно зависим от занятых своим делом женщин, так по-детски беззащитен, что, взглянув на него, понимаешь: ребенок не случайное дополнение к изображенному, не намеренное «утепление» листа, а полноценный персонаж, живущий своей собственной жизнью и несущий определенную художественную и смысловую нагрузку.

Пейзаж. Дети. Да еще звери. Свою творческую биографию Калинычева начинала серией работ «Зоопарк», которую и представила на самую первую в своей жизни выставку. В ту пору она была студенткой Суриковского института.

Два листа этой серии — «Верблюды» и «Удивительно» — были сразу замечены критикой. О них писали, что «свои работы Калинычева решила в новом, своеобразном стиле, обобщенным декоративным языком... с мягким юмором...»

Когда рядом с одним художником работает другой, очень талантливый, совсем не просто не подпасть под его влияние, сохранить индивидуальность. Возможно, потому, что рядом с Klarой Ивановной жил и творил ее муж — замечательный советский жи-

вописец Виктор Попков, она пренебрегла своим первоначальным увлечением живописью и занялась графикой. Но и тут избрала не самый легкий путь.

Техника литографии, в которой уже не первый год увлеченно работает Калинычева, требует особой тщательности, цветовой и графической точности: ведь рисунок должен быть перенесен на камень не сразу, а поэтапно: сначала один цвет, потом другой, третий...

Кстати, все сюжеты, о которых было сказано выше, выполнены в технике литографии. Но литография не единственная привязанность художницы. Она прекрасный график, иллюстратор многих детских книг и пейзажист. Темпераментные пейзажи Калинычевой поэтичны, изящны, разнообразны по колориту.

Но что бы ни делала Клара Ивановна, за каждой из ее работ — долгий поиск и композиция и цвета. Десятки. Решений одной и той же темы. Свидетельством тому могут служить ее многочисленные альбомы и тетрадки с эскизами, рисунками, набросками. Требовательное отношение к собственному творчеству — одно из свойств характера художницы.

Во всех ее работах за внешней живописностью живет правда факта, правда нашей сегодняшней жизни.

Е. ТАРАСОВА

Чтобы понять художника, говорил кто-то из великих, нужно отправиться в страну его творчества.

«Страна творчества» Клары Калинычевой разнообразна (Москва и Подмосковье, Карелия и русский Север, Камчатка и тихие старинные города Переславль-Залесский, Боровск...) и очень оптимистична. Она умеет увидеть красоту даже в примелькавшемся, обыденном и всякий раз словно приглашает вас порадоваться вместе с ней этому открытию.

...Праздничная улица. В руках у многих цветы, транспаранты. Все радостно возбуждено, не торопятся расходиться по домам.

...С одинаковыми белыми свертками под мышкой шагают в баню солдаты. А вокруг такой светлый, такой сверкающий зимний день! Блещат на

солнце заснеженные крыши домов, празднично наряжены заиндевелые ветви берез. Игрят раздумывающиеся мальчишки и девочки. Судачат о чем-то своем две тепло укутанные старушки. У их ног спокойно и неторопливо бродят куры... Вроде бы все обыкновенно, даже буднично. А какой светлой доброжелательностью и к людям и к родной природе веет от этой композиции!

...Трое ребятшек сидят на поваленном дереве. Осень. Потянулись на юг журавли. Старший мальчик с грустью смотрит им вслед. А младшие просто сидят, просто глядят вокруг, радуясь жизни. Им покойно и хорошо.

Первая работа называется «9-е Мая», вторая — «Суббота» (из серии Переславль-Залесский), третья — «В старой аллее». И почти в каж-

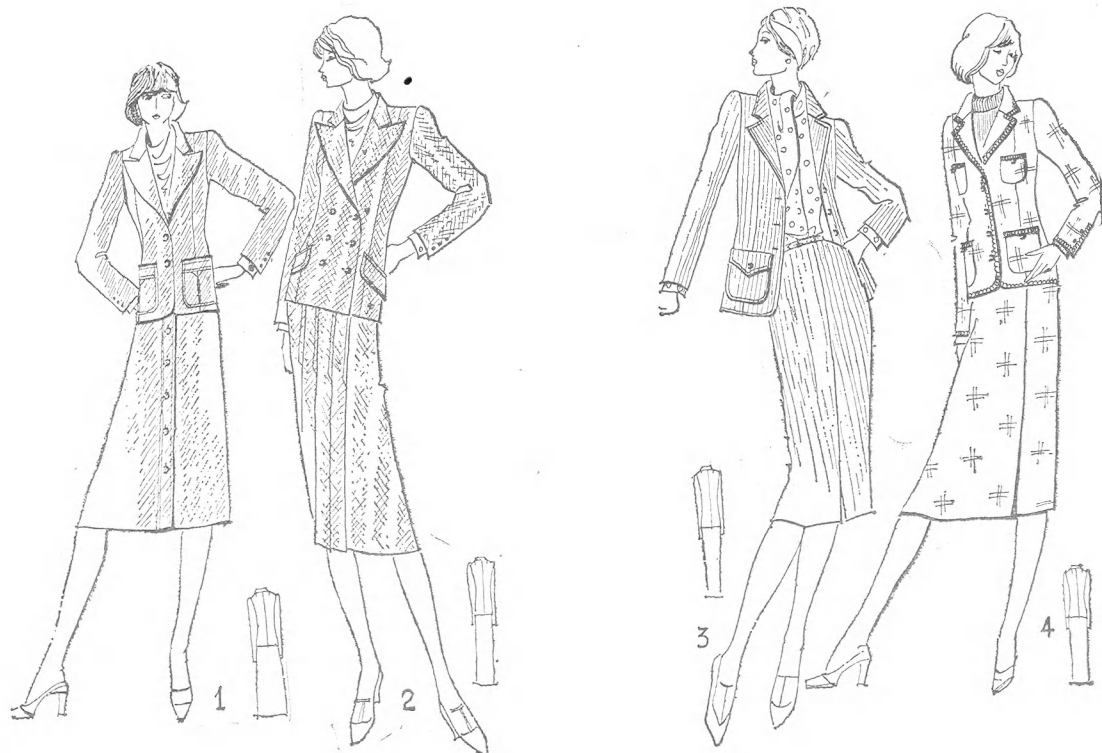
Площадка молодняка.

Цена 15 копеек.

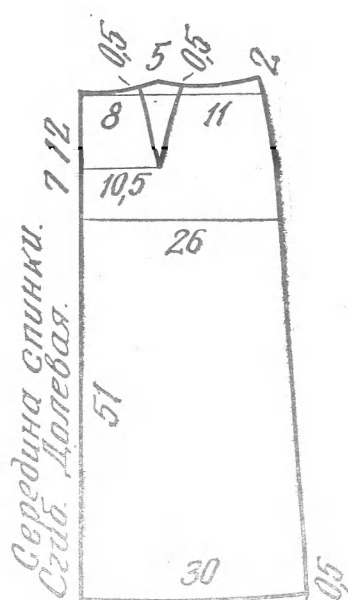
Индекс 70770.

АНГЛИЙСКИЙ КОСТЮМ

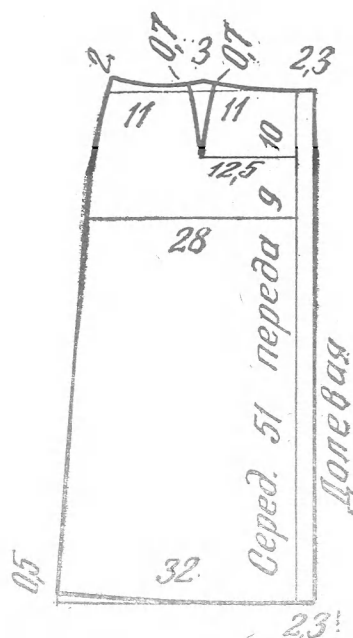

В моду вернулся классический английский костюм. Почему «вернулся», а не «пришел»? Да потому, что впервые эти костюмы появились в моде 1930-х годов — удобные, спокойные, уравновешенные пропорции, с жакетами типа мужских пиджаков, с прямыми плечами и гладкими юбками. Такие костюмы выпускались массовым производством в Англии. Они обычно изготавливались из традиционной английской ткани — шерстяного твида, поэтому их и стали везде, кроме Франции, называть английскими. Во Франции они получили наименование «тайлер» (в переводе — портной), так как их шили мужские портные по технологии изготовления мужских костюмов.

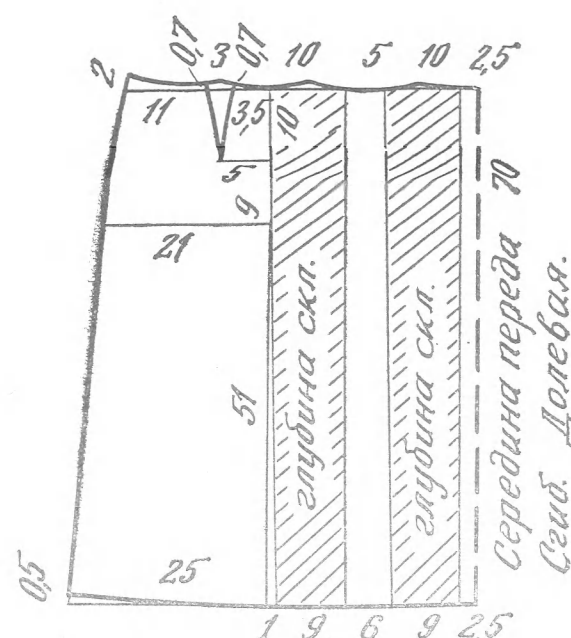
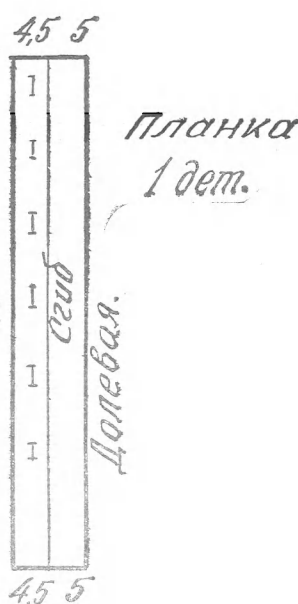
Современные английские костюмы более легкие, изящные, их обработка проще, у них нет жестких прокладок и подложенных плечиков. Но по-прежнему силуэт жакета строгий и четкий, как у мужского пиджака, только еще более узкий, прилегающий, стройный. Формы воротника и лацканов повторяют формы, устоявшиеся в мужской моде: они несколько уже, чем года два назад. Жакеты приталены с помощью швов спереди или на спинке; впереди могут быть длинные вытачки. Длина жакета — до середины бедер. Все ведущие приметы «английского» стиля в кос-

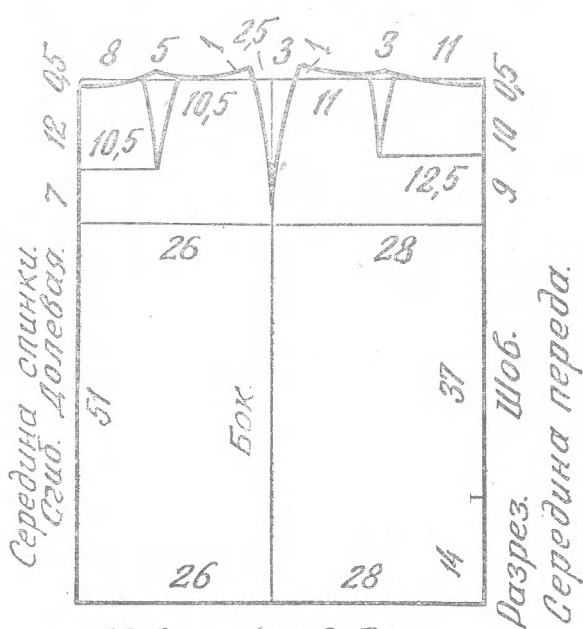
Заднее полотно юбки - 1 дет. (Мод. 1, 2)

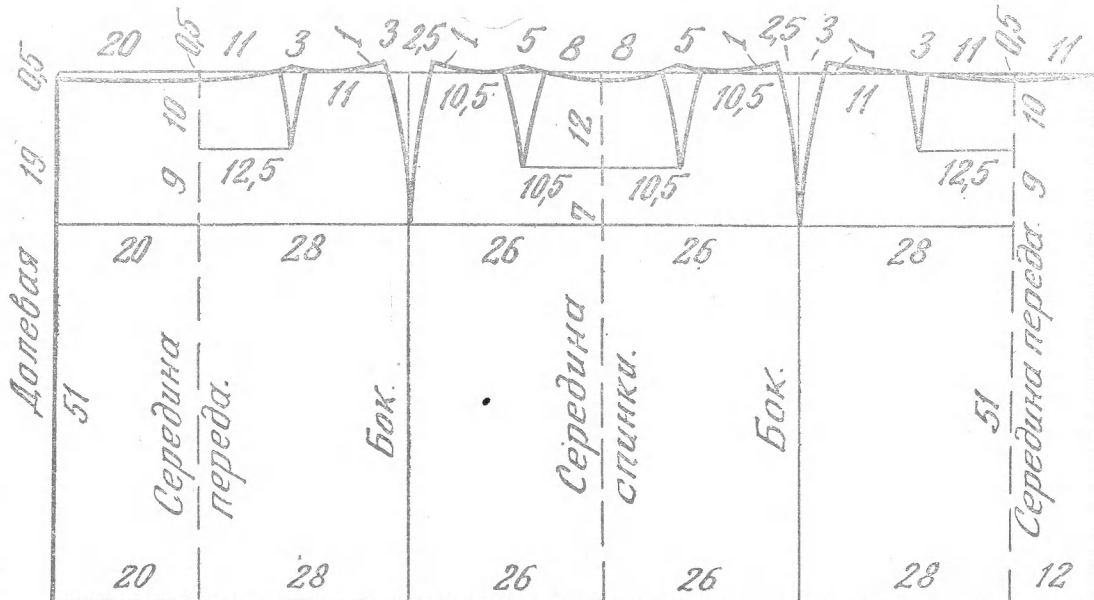
Переднее полотно юбки - 2 дет. (Мод. 1)

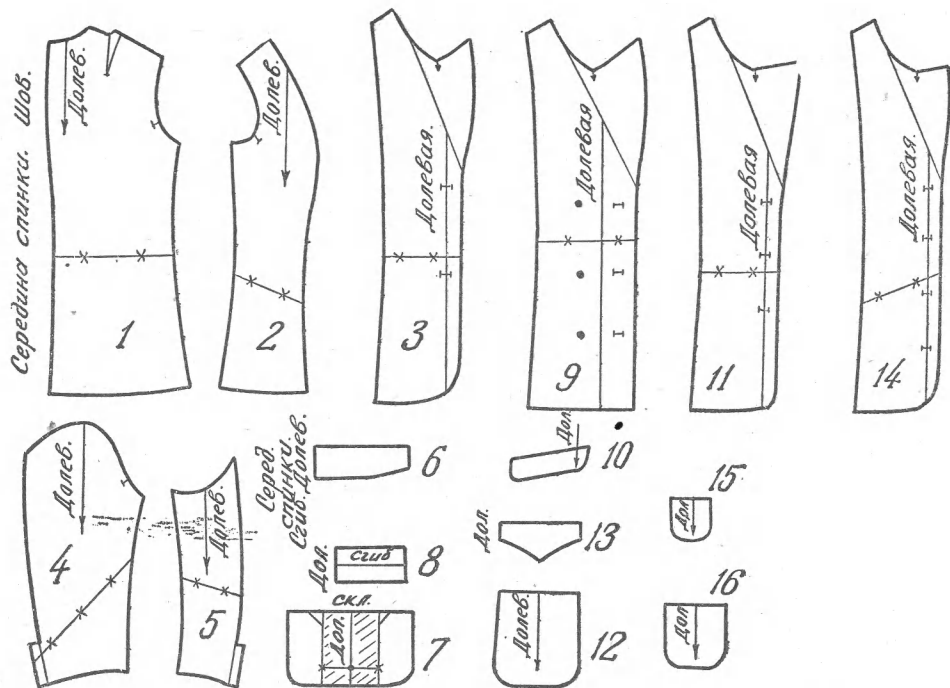
Переднее полотно юбки - 1 дет. (Мод. 2)

Юбка (Мод. 3)

Юбка (Мод. 4)

Костюм размер 50 рост III

Условные обозначения:

Мод. №1

1. Спинка	2дет.	— — — — —
2. Бочок переда	2дет.	— о — о —
3. Перед	2дет.	— — — — —
4. Верхняя полов. рукава	2дет.	— х — х — х —
5. Нижняя полов. рукава	2дет.	— ~ — ~ — ~ —
6. Воротник	2дет.	— ∞ — ∞ — ∞ —
7. Карман	2дет.	— ∨ — ∨ — ∨ —
8. Планка кармана	2дет.	— ∞ — ∞ — ∞ —

Мод. №2

9. Перед	2дет.	— — — — —
10. Клапан кармана	4дет.	— z — z — z —

Мод. №3

11. Перед	2дет.	— — — — —
12. Карман	2дет.	— / — / — / —
13. Клапан кармана	4дет.	— — — — —

Мод. №4

14. Перед	2дет.	— — — — —
15. Карман верхний	2дет.	— — — — —
16. Карман нижний	2дет.	— — — — —
Линии соединения деталей		— х — х — х —

тюме — удлиненный, прилегающий силуэт, вертикальные линии вытачек и швов, и к тому же узкая, прямая юбка за колесо — ведут к тому, что фигура выглядит тоньше и стройнее.

Классический жакет заимствовал из мужского костюма не только силуэт и форму лацканов. Не забыты и карманы, часто с клапанами, а также типично мужской нагрудный кармашек, в который вкладывают платочек, только яркий, легкий. С такими костюмами можно носить и жилеты.

Для того, чтобы смягчить строгий, суховатый характер костюма, его дополняют изящной женственной блузкой из легкой ткани, с бантом, оборками или же длинным шарфом.

Костюм обычно шьют из тонких шерстяных тканей, в том числе тех, которые принято считать «мужскими». Хороши традиционный твид, габардин. Часто пиджак и юбку делают из разных тканей: юбка гладкая, а жакет в полоску, в мелкую клетку.

Мы предлагаем несколько вариантов костюмов без подкладки с облегченной обработкой деталей.

1. Костюм из плотной ткани. Прилегающая форма жакета достигается за счет шва посередине спинки и отрезных бочков переда. Накладные карманы с глубокой встречной складкой. Юбка двухшовная, с застежкой на планке.

2. Двубортный жакет со слегка закругленными лацканами. Карманы прорезные с клапанами. Прямая двухшовная юбка с четырьмя одностронними складками спереди. Этот костюм лучше шить из легкой пестроткани или тонкой гладкой шерсти.

3. Однобортный костюм из ткани в полоску. Узкие прямые лацканы, карманы с клапанами. Прямая юбка с одним швом и разрезом спереди.

4. Жакет с маленькими узкими лацканами, высокой застежкой и накладными карманами отделан тесьмой в стиле «шанель». Юбка прямая, с запахом на левой стороне. Если ширина ткани не позволяет скроить ее из одного куска, швы лучше расположить на боках.

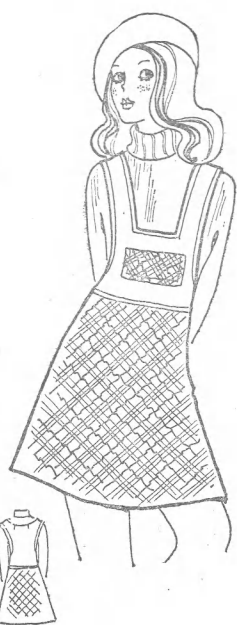
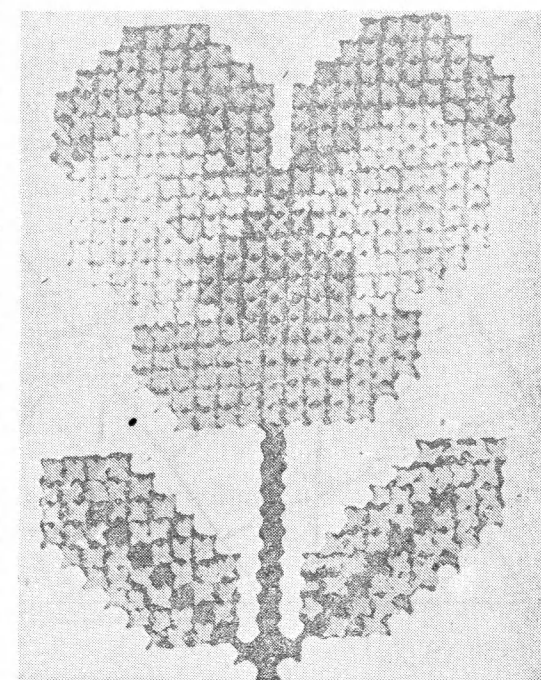
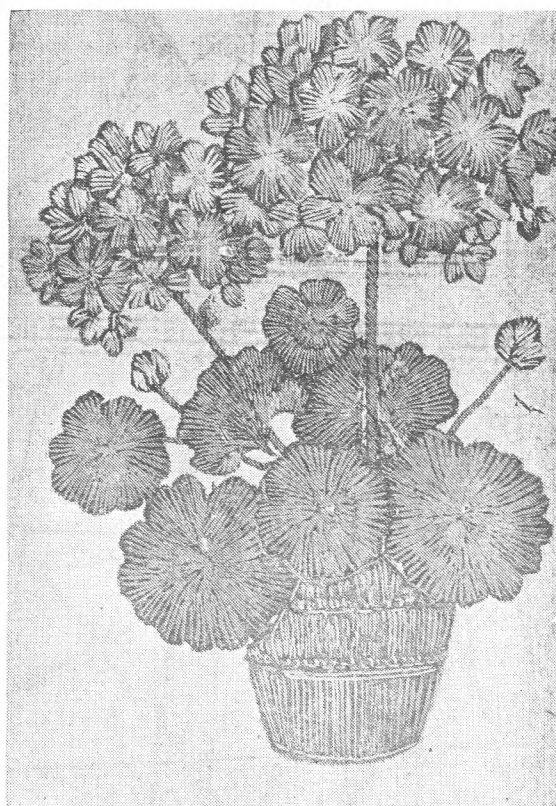
Все эти жакеты можно скроить по одной основе, изменяя лишь среднюю часть переда и карманы. Выкройка в натуральную величину, без припусков на швы дана для 50-го размера, 3-го роста. Выкройки всех четырех юбок того же размера — на уменьшенных чертежах.

А. ТАГИЕВА

Рисунки А. ТРОФИМЕНКО, чертежи Т. ЛЕСНОВОЙ

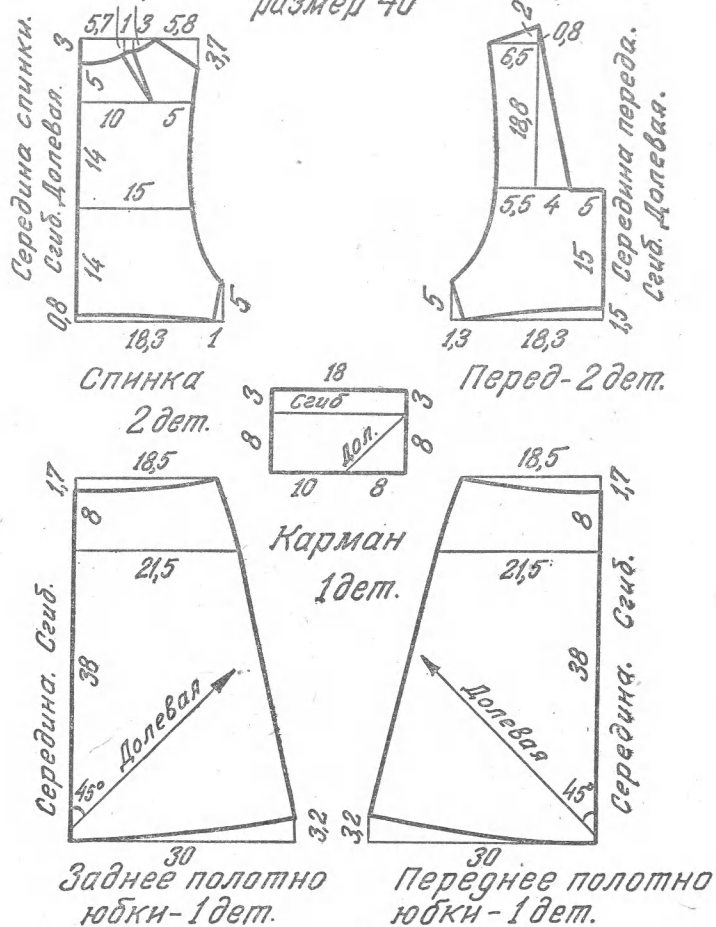
МОДНАЯ ВЫШИВКА

Красная герань с ярко-зелеными листьями вышита гладью, анютины глазки — крестом, сочетание цветов подберите по вкусу. Оба рисунка можно использовать для вышивки платьев, блузок, салфеток, подушек, скатертей. Герань (в увеличенном виде) можно вышить и на панно, коврик.

САРАФАН ДЛЯ ДЕВОЧКИ

размер 40

Из ткани с косым расположением клетки скроите юбку и карман. Перед и спинка — из однотонной ткани. Сделайте их двойными, чтобы легче было обрабатывать. Чертеж для 40-го размера дан без припусков на швы. Длину юбки установите сами в зависимости от роста девочки.

Модель С. ТАБУНОВОЙ. Конструктор Т. ЛЕСНОВА.

